

Роман Буржиков

ТЕНЬ
ВЯЛИКОГО
ДРЕВА

Полари (сборники)

Роман Суржиков
Тень Великого Древа

«ИП Головин»

2026

Суржиков Р.

Тень Великого Древа / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2026 — (Полари (сборники))

Завершающая книга цикла Полари. Каждый получит свое: кто власть и бессмертие, кто кровавую жатву, кто свободу, кто месть. А сумрачная тень древней тайны все плотнее накрывает мир, и кому-то предстоит развеять ее. Любой ценой.

Содержание

Стрела – 1	5
Искра – 1	21
Звезда – 1	31
Искра – 2	45
Стрела – 2	57
Монета – 1	75
Меч – 1	88
Звезда – 2	107
Искра – 3	121
Стрела – 3	135
Звезда – 3	152
Меч – 2	165
Монета – 2	176
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Роман Суржиков

Тень Великого Древа

Стрела – 1

Июль 1775 г. от Сошествия

Рейс

– Проснись, – просит женщина.

Однако Эрвин не спит. Сквозь рваную, мучительную дремоту он слушает звуки Степи. Кричит ночная птица, что-то ползает в траве, кто-то мелкий роет землю, скребет коготками, пыхтит. Ветер волною проходит по стеблям, издавая тихий протяжный шорох. Кажется, Степь жива. У нее повадки ночного хищника. Она только и ждет, чтобы жертва уснула покрепче.

– Открой глаза. Поговори со мной.

Он поднимает веки. Видит мертвенно-белую, пугающе близкую Звезду. Видит темные фигуры часовых на вахте. Чувствует запах пыльного, грязного тела – своего собственного. Слышит стон. Стоны звучат регулярно, без них не проходит и пяти минут. Герцог ночует в безопасном центре лагеря, тут же и раненые, рукой подать.

– Уйди, – просит Эрвин. – Я попытаюсь уснуть, пока кто-то еще не застонал.

И он, и женщина знают тщетность попытки. Раненые – это иксы, лучшие из кайров. Они стараются терпеть молча. Эрвин слышит их стоны – тихие, сдавленные, процеженные сквозь зубы – и ощущает чужую боль, как свою. Кажется, это его тело покрыто ожогами от Перстов, это его ребра торчат из-под обугленной кожи...

Впрочем, стонами не обходится. Есть порог, за которым страдание пересиливает волю. Достигнув предела, раненый начинает орать и уже не может остановиться. Ордж и снадобья истрачены, да их и было-то – чуть. Нет средства унять боль. Несчастный мечется по земле и кричит, пока не рухнет в забытье. Эрвин умеет отличать крики тех, кто не дотянет до утра. Смерть приходит за добычей перед рассветом, будто на дежурство. Проснувшись, герцог слушает доклад о том, скольких она забрала.

– Уйди же!

Смерть, Степь, Тревога – пускай все уйдут. Эрвин хочет оказаться в глубоком подземелье, куда не доносятся звуки. Где никто не подойдет с докладом...

– Проснись и услышь, – приказывает женщина.

Он поднимает голову, чтобы увидеть ее. Он моргает и трет глаза. Это не альтесса Тревога!

– Я брежу, – говорит Эрвин.

Кажется, он не ранен и даже почти здоров, но в этом нельзя быть уверенным. Он так часто слышит стоны, видит изрубленных, сожженных, изломанных людей, что и сам себе кажется больным.

А вдобавок – жратва. Войско идет по Степи, питаясь подножной пищей: кореньями, травой и грызунами. Эрвину не удается переваривать эту дрянь. Его постоянно мутит, от истощенья голова идет кругом. Теперь добавился бред...

– Ты никогда не говорила со мной. Я только видел тебя, но не слышал. Значит, сейчас я схожу с ума.

– Я заговорила, чтобы разрушить иллюзии, – произносит Светлая Агата. – Молчание можно ошибочно принять за одобрение. Мне стыдно смотреть на тебя.

– Бред, – говорит Эрвин. – Как тебе может быть стыдно?! Я выиграл все битвы, кроме одной. Меня разбили Перстами, никто бы не справился на моем месте!

Агата отворачивается. Смотрит на лазарет... то есть, на ряды тел, разложенных по голой траве. Припасы и шатры остались в кораблях, снадобья – там же. Раненым – никакой надежды.

– Мог предугадать... – говорит Эрвин. – Но тьма, я же не всевидящий, в отличие от тебя! Я надеялся обогнуть Пауля. Не мог знать, что он уже был в Рей-Рое!

Агата смотрит в лицо одному из калек. Ей известно, в какой день он испустит дух. Завтра, послезавтра...

– Мне стыдно, – произносит Праматерь.

– Я делаю, что могу! – Шипит сквозь зубы герцог. – У меня триста сорок человек, из которых семьдесят раненых. Мы – походный лазарет, а не войско. Я отступаю, чтобы спасти жизни!

Конечно, Агата сама знает все. Сокрушительный удар нанесла Эрвину одна сотня шава-нов. Всего лишь одна сотня с двумя Предметами! Сейчас по следам северян скачут полтысячи всадников. У них опытный вождь и Персты Вильгельма, здоровые воины, сильные кони. Им в помощь – сама Степь. В ней нет спасения от Перстов!

Если ганта Ондей настигнет северян, он перебьет их с расстояния, укрывшись за спи-нами всадников. Атака безнадежна: у врага двойной перевес и Персты. Оборона безнадежна: местность ровна, как стол, нигде не спрячешься. Мертвых кайров Ондей бросит на съедение шакалам; живых протащит за конями, размазав по Степи. Из кожи проклятых волков сошьют шатры, из черепов изготовят чаши... Все, что может сделать герцог для своих людей, – отсту-пать на Запад, вглубь Степи. Мучиться от горечи поражения, от неизвестности, от жутких ночных стонов. Считать трупы товарищей, зарытые в чужой земле. Ондей выкопает их, чтоб поглумиться. Тела скормит шакалам, головы нанижет на копьа... Этому никак не помешать. Все, что можно, – спасти тех, кто пока еще жив.

Всевидящая Праматерь знает все это, но кривится от презрения.

Она говорит:

– Ты сильно разочаровал меня.

Обида кровью бьет в лицо Эрвину.

– А что я по-твоему должен, тьма сожри?! На юге – Рей-Рой, на севере – орда, на востоке – ганта с Перстами! Один способ спасти людей – отступить. Один путь для отступления – на запад.

– Стыдно, что я должна говорить это вслух. Разбей их.

Он смеется с болью в груди. Агата издевается. Она прекрасно знает: нет защиты от Пер-стов в чистом поле. Вдобавок, у Ондее двойной перевес и свежие кони. Он применит любимую тактику кочевников: обстрел с расстояния. У кайров с мечами меньше шансов против этого, чем у енота против арбалетчика!

– Знаешь, Агата, я всегда подозревал, что твоя слава – вымысел фанатиков. Ты ничего не смыслишь в военном деле. Нельзя победить в такой ситуации!

– Я больше не приду, – говорит Праматерь. – Когда будешь умирать, не смей произносить мое имя.

Она тает в воздухе.

Эрвин не двигается с места. Сидит, слушая стоны раненых, мерзкое копошение в траве и крики ночных птиц.

Говорит, обращаясь к давно ушедшей Агате:

– На самом деле, ты совсем глупа. Даже если я выиграю бой, чего быть не может, то потеряю большинство иксов. Тех, кто останется, переварит сама Степь. Нас ненавидит каждое живое существо на сотни миль вокруг!

Он открывает сумку, извлекает карту и карандаш. В блеклом свете луны ищет на карте хотя бы подобие места, где можно построить оборону. Он делал это прежде десятки раз с оди-

наковым результатом. Это же Степь, сожри ее Гнойный Червь на пару с тьмою! Наибольший холм – с домишко высотой, крутейший овраг – глубиной с могилу.

Эрвин достает блокнот и водит карандашом по листу. Рисует квадратики отрядов, стрелками размечает маневры. Один квадрат, два в глубину, три по фронту, сильный центр, сильные фланги, обход слева, обход справа... Чертит, зачеркивает, чертит, зачеркивает, чертит, рвет лист на клочки. Пропавшее дело! Иксы безоружны против Перстов. Только отступить...

Любой ценой избегать боя. Найти свежих коней, пересечь Степь. Достичь океана Бездны, раздобыть корабль. Вернуться на Север.

А что будет там? Что оставит от Севера орда Кукловода? Много ли шансов у отца и сестры?..

Открыв чистый лист, он рисует вновь. На сей раз вместо схемы боя карандашные штрихи образуют фигуру человека.

* * *

В минуту отчаянья храбрость одного бойца спасла целое войско. Этим человеком оказался шаван, работорговец и бывший враг – ганта Гроза.

Сотня всадников вырвалась из ворот Рей-Роя и помчала на северян, во главе ее скакал перстоносец. Второй бил огненными шарами сверху, с городской стены. Отряд иксов оказался беззащитен, Перстам требовались считанные минуты, чтобы истребить его. Пока шаванская конница еще не полностью выехала из ворот, не выстроилась в боевой порядок, оставался шанс: развернуться и умчаться. Положиться на удачу и скорость коней, оставить врагов глотать пыль...

Если б северяне поступили так, они погибли бы. Носитель Перста мчал бы следом и сжигал кайров одного за другим, пока не осталось бы никого. Ганта Гроза первым нашел выход: – За мной, волчары! За мной, сучьи дети!

И рванул прямо навстречу врагу в порыве дикой, безумной отваги.

Два командира иксов – Курт Айсвинд и Хайдер Лид – последовали его примеру и бросили своих людей в атаку. Перстоносец встретил их лавиной огня. Он бил не слишком метко, но очень быстро, шары сливались в сплошные струи пламени. Ганта Гроза буквально испарился, обугленный скелет всадника смешался с костью коня. Первая группа северян погибла поголовно. Но другим кайрам хватило мастерства, чтобы на всем скаку обогнуть месиво из трупов, уклониться от огня и ударить.

А шаванам не достало опыта, чтобы понять главное: стрелка необходимо прикрывать. Бить Перстом нужно из второй, из третьей линии, простые всадники должны служить щитом. Но перстоносец ошалел от собственной силы и вырвался вперед. Не считаясь с потерями, кайры налетели на него – и погасили собой, как ледяная вода тушит пламя. Перст умолк, а сто пятьдесят иксов врезались в порядки врага. Опрокидывая, рубя в куски, сшибая шаванов наземь, кайры ринулись к открытым воротам Рей-Роя. Столь свирепым был их натиск, что враги дрогнули. В воротах возникло замешательство: задние ряды степняков стремились в поле, но передние, узревшие гибель перстоносца, рвались обратно в город. Шаванская атака захлебнулась!

Другой носитель Перста – тот, что стоял на бастионе, – метил только в одну цель. «Мило-оорд!» – орал от страха кайр, первым увидевший трупы Морана и Ребекки. Эрвин подъехал на крик и выдал себя. Пока один перстоносец возглавлял атаку, другой беспрерывно стрелял в герцога Ориджина. От струй огня кипела земля. Стало светло, будто днем, воздух раскалился – печка. Эрвин, кайр Обри и Стрелец сжались в крохотной тени, созданной мертвым конем Ребекки. Перст Вильгельма не пробивал черную материю, составлявшую труп животного. Но и выбраться из тени было нельзя: вокруг бушевало пламя кузнечного горна. На Эрвине горел

плащ, тлели волосы и брови. Стрелец выл от страха, над шерстью поднимался дым. Разрывая смрадом легкие, пылали трупы кайров. Эрвин молился, чтобы Джеμισ Лиллидей не был одним из них...

– Поднять щиты! Прикрыть герцога! – скомандовал Гордон Сью и бросил роту напрямик в огонь.

Возникла стена из щитов, лошадей и человеческих тел. Под ее прикрытием Эрвин сумел встать и кинулся из круга пламени в сторону, во тьму. Два вдоха спустя он налетел на Джемиса, тот сунул герцогу поводья, набросил на плечи простой иксовый плащ.

– Скачите, милорд!..

Меньше минуты рота Гордона Сью прикрывала герцога собой. В эту минуту иксы стояли плотиной поперек реки огня. Цена оказалась чудовищной.

Шаван-перстоносец грезил славой. Не замечая простых иксов, он целил сквозь них в быструю тень герцога. Его выстрелы не убивали кайров, поскольку не им предназначались. Они только прожигали дыры в человеческой стене, калеча тела, срезая руки и ноги, плавя шлемы на головах. За минуту Перст иссек дюжины кайров, обрекая на мучительную смерть от ран. Но так и не смог поразить герцога Ориджина.

Затем стрелку все же пришлось перенести огонь. Роты Айсвинда и Лида смяли атакующих шаванов и грозили ворваться в Рей-Рой. Перстоносец, проклиная волков, бросил охоту на герцога и стал прикрывать огнем ворота в город.

– Отступаем! – Что было силы крикнул Эрвин из темноты. Дергал чужого коня то влево, то вправо, огибал малейшие источники света и орал: – Отступаем!!!

Рота Шрама встретила герцога там, где он ее оставил: на невысоком холме в паре миль от Рей-Роя. Старый пират заметил вспышки Перстов и боялся худшего. Увидев Ориджина живым, чуть не обнял его.

– Слава всем богам, милорд!.. Клянусь Агатой, вы в рубашке родились!

Но тут же изменил тон и указал на восток:

– Плохие новости. Это наши корабли.

И Эрвин увидел зарево, встающее над горизонтом. Пламя подсвечивало дымные хвосты, легко было сосчитать их. Один, два, три... шесть. Из восьми кораблей – значит, два уцелели! Эрвин и Шрам, и другие наблюдали, затаив дыхание. Шесть горят, два остались. Может, подадут какой-нибудь знак...

Но что-то мигнуло, и в небо брызнул седьмой столб огня. А затем – восьмой. Они медленно двигались на юг. Последние корабли успели отчалить и выйти на фарватер, но оружие врага достало их и посреди реки.

– Персты Вильгельма на берегу, – сказал кто-то.

Эрвин знал: не только Персты. Жалкая сотня всадников в Рей-Рое – это не может быть весь гарнизон. Здешний ганта выдвинул войско к реке, чтобы встретить северян при высадке. И разминулся с ними: он ждал в самой известной и удобной гавани, а Эрвин высадился выше по реке. С опозданием ганта понял свою ошибку, двинулся вдоль берега и разыскал корабли. Теперь он повернет войско обратно к Рей-Рою – и придет прямо сюда.

– Привал три часа, – приказал Эрвин. – Затем отступаем.

Лишь на утро, когда рассвело, он смог полной мерой оценить положение дел. Потери убитыми составляли пятьдесят два человека, восемьдесят шесть были ранены. Персты Вильгельма оставили ужасные ожоги. Уцелевшие иксы буквально на руках выносили с поля боя раненых товарищей. Усаживали к себе в седла, привязывали к лошадям, поддерживали, оказывали помощь. К утру семеро раненых отошли на Звезду. Осталось восемь десятков несчастных, сходящих с ума от боли.

Припасов не имелось – погибли в кораблях. Голубей не было. О сменных лошадях – только мечтать. Лекарские снадобья – лишь те, что были у медиков в сумках. Они исчезли в первую же ночь. Войско герцога Ориджина превратилось в раненого зверя, и по кровавым следам уже шел за ним охотник.

Правда, имелась одна хорошая новость. Половина новости. Четверть. Но все же...

Капитан Хайдер Лид подъехал к герцогу со словами:

– Простите милорд, я сильно оплошал. Он дернулся, я попал ему в бок. Не знаю, выживет ли.

И показал тело, висящее поперек лошадиной спины. То был шаван, залитый кровью из глубокой раны меж ребер. Он еще дышал, жизнь слабо теплилась в теле.

На руке шавана мерцал Перст Вильгельма.

* * *

Излюбленную тактику степняков северяне называют шакальим укусом. Гиена, шакал и мелкая собака не нападают в лоб. Они подкрадываются сбоку или сзади, выбирают миг, когда противник отвлечется, и делают быстрый выпад. Припав к земле, подальше от вражеских клыков, кусают снизу: за лапу, за брюхо. И тут же отскакивают – назад, в безопасность, смотреть с расстояния, как враг истекает кровью.

Подобное делают шаваны при помощи конных лучников. Отряды легкой кавалерии приближаются к противнику на дальность выстрела и осыпают сотнями стрел. Калечат вражеских коней, ранят воинов, наносят потери, но избегают лобовой сшибки. Если враг атакует – разделяются надвое, отпрыгивают в стороны с линии удара и продолжают обстрел с флангов. Лишь когда противник утратит боевой дух, истечет кровью, потеряет множество коней – шаваны пойдут в мечевую атаку и добьют обессиленное войско.

За столетия войн кайры нашли методы противодействия. Один из них – собственные стрелки с арбалетами или луками, более мощными, чем степные. Но превращать бой в бесконечную стрелковую дуэль – противно северному духу, потому большинство полководцев предпочитают иной путь. Боевые кони, которых разводят в Ориджине либо закупают в Альмере, менее выносливы, чем шаванские, зато более резвы. Степной скакун может выдержать и сто миль под седлом, северный с трудом осилит полсотни. Но первую милю скачки северянин или альмерец одолеет куда быстрее степняка. Пользуясь этим, кайры подпускают к себе шаванскую конницу и дают врагу увлечься обстрелом из луков. Затем с быстротою вихря бросаются в атаку, настигают и крушат шаванов, пока имеют недолгое преимущество в скорости.

На эту основу наплетается кружево маневров и контрманевров. Шаванские вожди прячут за спиной засады и резервы, чтобы отбить крутой выпад северян. Кайры не рвутся вглубь вражеских позиций, а отсекают и истребляют отдельные отряды. Шаваны засылают части конницы в дальний обход, бьют в тыл атакующему северному войску. Кайры ставят на опасных участках пехотное прикрытие. Шаваны занимают позиции на холмах, чтобы замедлить вражеский выпад. Кайры в ответ... Много хитростей выдумали за века обе стороны, всего не перечислить. Но основа осталась прежней: кайры побеждают, пока кони свежи. Если лошади устали, победа за степняками.

И герцог Ориджин, и ганта Ондей прекрасно знали это. В первую ночь ганта сжег северные корабли, но не нашел в них знаменитого агатовца. Затем прискакал гонец из Рей-Роя и сообщил, что волки были под стенами города. Ганта Ондей понял, как упустил врага: пока ловил Ориджина вдоль берегов Холливела, тот углубился в Степь и достиг Рей-Роя. Неприятелей разделяло расстояние около тридцати миль. Пришпорив лошадей, ганта мог догнать Ориджина за одну бессонную ночь. Но в эту ночь кони бы устали! Вот как Эрвин представлял себе

ход мыслей ганты Ондее: «У меня два Перста Вильгельма и больше всадников, чем у волков. Однако это Ориджин, сожри его Червь! Он хитер, как змея, с ним лучшие из кайров, и он не тот человек, к которому стоит подъезжать на усталом коне. Зачем мне спешить? Деваться-то ему некуда! Корабли сожжены, к Славному Дозору ушел Пауль с ордой. У волков нет способа пересечь Холливел, значит, они пойдут в Степь. Без припасов, без заводных коней они будут выдыхаться с каждым днем. Степь измучит их, а я – добыю».

Ганта Ондеей не рванулся от Холливела прямым путем к Рей-Рою. Он спокойно заночевал на берегу и со свежими силами, не спеша двинул на запад. Кайры тем временем запутали следы: проехали десяток миль на север тою дорогой, по которой шла орда Пауля. Следы северян было не различить на земле, вытопанной тысячами копыт. Ганта Ондеей потерял целый день, пока нашел то место, где кайры свернули с ордынской дороги. К концу второго дня он отставал от Эрвина на добрых полсотни миль. Но ганта не спешил, поскольку твердо знал: время играет ему на руку.

Ориджин не мог ускорить шаг и совсем оторваться от погони: камнем на его шее висели восемь десятков раненых. Не мог вернуться к Холливелу и совершить переправу: отряды Ондеей отсекали дорогу к реке. Не мог предпринять атаку: сближаясь с Ондеей, он утомил бы коней и неизбежно проиграл. К тому же, Персты Вильгельма давали ганте решающее преимущество. Все, что мог герцог Первой Зимы, – оттягивать день смерти, уходя все дальше на запад. И ганта ничуть не ошибался: Степь убивала северян. Раненым становилось все хуже с каждым днем без снадобий, да под палящим солнцем. Припасы остались в кораблях, а Степь давала скверную, непривычную пищу. Воины теряли силы, более слабые хворали животами. Уставали кони. По ночам герцог давал несколько часов на отдых людям и животным, но их не хватало, чтобы полностью восстановиться. Каждый день увеличивал преимущество шаванов: северные кони выбивались из сил, степные почти не ощущали усталости. День за днем ганта Ондеей наверстывал отставание.

Когда его разведчики впервые настигли северян, кайры послали отряд и изловили одного. От него узнали, что главные силы Ондеей отстают на тридцать пять миль. Узнали и про Гнойганту, и про орду, ушедшую на север. Ничто из этого не удивило герцога, лишь на душе стало еще холоднее. Эрвин сам понимал, что Пауль убил Степного Огня и назвался богом смерти, и заставил шаванов драться насмерть за Персты Вильгельма, а потом пообещал им Первую Зиму и повел на север. Пауль должен был поступить именно так. Логика жестокости – предсказуема.

День спустя заметили новых разведчиков, и вылазка опять принесла удачу. Новый пленный сказал, что теперь Ондеей отстает лишь на тридцать миль.

– Как ты можешь знать? Не мог же съездить к нему и вернуться!

– Я вижу, как вы медленно идете. Ганта делает за день на пять миль больше.

Это вызвало споры среди офицеров. Одни предлагали ускорить шаг и оторваться от погони. Другие, коих большинство, хотели развернуть коней и встретить врага лицом к лицу. Эрвин видел по глазам: и те, и другие догадывались, что их план не принесет успеха. Но медленное, тяжкое отступление было нестерпимым.

Герцог дал ответ:

– Мы не сможем ускорить ход – на наших плечах раненые. Предлагаете бросить их врагу? Пойти Ондеей навстречу также не можем. Он узнает об этом от разведки, выберет хорошую позицию, отдохнет как следует. Встретит нас свежими силами, тысячами стрел и двумя Перстами.

Иксы молчали. Эрвин читал на лицах мысль: если бы не было раненых!..

– Мы продолжим идти на запад с прежней скоростью. До столкновения с гантой имеем восемь дней. За это время должны найти поселение, в котором будет лекарь и снадобья. Все силы разведки употребите на эту задачу. Всадников Ондеей больше не ловить.

Кроме прочих бед – а счет им шел на дюжины – имелась и такая. Гной-ганта Пауль обещал орде сказочные трофеи. Почти каждый в округе, кто только мог двигаться, ушел вслед за ним. Степь опустела, редко-редко встречались бедные пастухи: старики да мелюзга с одной-двумя худыми коровами. Пара ведер молока – вот и весь прок от них. Ни информации, ни, тем более, медикаментов.

Однажды нашли безногого шавана. Чтобы выжить, он рыл землю и жрал червей, выжимал зубами сок из травяных стеблей. Обрубки ног вовсю сочились гноем, мухи так и жужжали над ними. Искалечить человека и бросить в таком состоянии – зверство даже для степняков. Эрвин заподозрил руку Пауля – и не ошибся. Калека рассказал, как устроено войско Гной-ганты, и чем наказывают за непослушание. Сообщил также, что орда идет навстречу волчьему графу.

Недолго длился спор о том, подарить ли калеке милосердие. Решили, что он не заслужил его: ведь по своей доброй воле шел с ордою Пауля. Северяне двинулись дальше, бросив живой обрубок.

И тогда кайр Джемис сказал:
– Мы должны пойти за Паулем.

Среди прочих несчастий, коих и так не сосчитать, с Джемисом творилось нечто странное. В ночном бою почти каждый что-то потерял. Кто лишился жизни, кто верного друга, кто здоровья или коня. Под Эрвином погиб Дождь – славный, умный товарищ, прошедший с герцогом огонь и воду. Не будь даже никаких иных бед, одной гибели Дождя хватило бы Эрвину, чтобы пролить слезы.

Кайр Лиллидей не потерял никого. Выжил Стрелец, только мех опалил. Выжил Эрвин – единственный друг Джемиса в этом войске. Гвенды не было в сожженных кораблях – она рассталась со своим спасителем еще в Славном Дозоре и уплыла на север. Стало быть, она тоже жива. И несмотря на это, Джемис сделался мрачнее тучи. Молчал целыми часами, смотрел в землю так, что взглядом продавливал борозды. Брал в седло Стрельца и бесконечно гладил, гладил, гладил его. Пес скулил, чувствуя: это вовсе не ласка, а нечто пугающе иное.

Эрвину досаждало поведение кайра. В отличие от Джемиса, он нес на плечах двойной груз: ответственность за всех, кто выжил, и страх за свою семью. В Уэймаре отец и сестра, и именно туда скачет Пауль с ордою. Любой другой воин мог утешиться тем, что семья и дети – далеко на Севере, в безопасности. Но семья Эрвина очутилась прямо на острие ножа.

От ближайшего своего соратника он ждал поддержки, а не угрюмого молчания. Спросил было:

– Джемис, что с вами творится?
– Все хорошо, милорд, – кайр выцедил так, будто продавил кинжал между зубов.
– Вините меня в поражении?
– Нет, милорд.
– Да в чем же дело, тьма сожри?
– Оставьте, милорд. Я в порядке.

И стиснул холку бедного Стрельца.

Иксы двойственно относились к Джемису. Он вызывал их уважение как сын великого отца и блестящий мечник. Но в дни осады дворца Пера и Меча, когда ковалась кольчужная дружба иксов, кайра Лиллидея не было с ними. Он не вкусил блеска победы при Лабелине, не ликовал в ночь штурма столицы, не стоял на дворцовой стене днем и ночью, не оплакивал Деймона Ориджина и Бранта Стила. Джемис вернулся из Запределья уже после войны – однако стал лучшим другом и первым помощником герцога. Иксы ощущали ревность.

Кроме прочих бед, которые лились, как майский дождь, лучший командир иксов выбыл из строя. Выстрел Перста Вильгельма срезал руку капитану Гордону Сью. Он остался в седле и смог выехать из боя, но спустя два дня обрубок воспалился.

– Не волнуйтесь, милорд, пустячное дело! – Капитан широко и как-то по-детски усмехался. – Рука же левая, это ерунда. Вот если б череп, было бы хуже!

Меррит – лекарь первой роты – снова осмотрел его и покачал головой. Герцог тоже видел багровые полосы, протянутые, словно щупальца, по коже капитана. Гнилая кровь...

– Употребите все снадобья. Верните его любой ценой!

– Какие снадобья, милорд? – осведомился лекарь. На трети-то сутки даже пузырьков не осталось.

– Возьмите... это.

Эрвин отдал флакон с соком змей-травы. В миг, когда пальцы оторвались от стекла, он ощутил тяжесть потери. Это зелье помогало выстоять всякий раз, когда было плохо. А сейчас, пожалуй, хуже всего. Глоточек-другой вечером – и удастся поспать. Глоточек утром – и...

– Заберите и спрячьте! – рыкнул лекарь. – Послушайте, как давать...

Он сообщил инструкции. Меррит спрятал пузырек и тихо произнес:

– Милорд, вы должны понимать: то, что случилось в Запределье, – чудо. Видно, сама Агата взлетела на Звезду и на руках принесла вас назад. Не стоит надеяться, что сейчас...

– Закройте рот и делайте свое дело!

Потом он созвал офицеров. Следовало назначить нового командира роты. Заместителем Гордона Сью служил лейтенант Фитцджеральд. Нужно утвердить его в новой должности, либо... Кайр Джемис Лиллидей давно перерос уровень простого мечника. Он отлично понимает тактику, кое-что знает о стратегии, и он – самый надежный боец изо всех. Не дать ли ему офицерский чин?

Когда люди уже собрались, Эрвин понял свою ошибку. Волнение за Гордона Сью затуманило мысли, вот и сделал не подумав. Нужно было сперва обсудить с Джемисом и Фитцджеральдом, а уж потом говорить всем. Но теперь поздно: группа офицеров стоит перед герцогом, и у каждого лицо чернее пахотной земли, и каждый уже все понял о Гордоне Сью.

– Милорд, есть ли шансы? – спросил Фитцджеральд почти без надежды.

– Я выжил с такой же болезнью, – ответил Эрвин. – То было чудо.

Все поникли, буквально согнулись к земле. Гордона Сью любили. В Альмере он рискнул репутацией и чином, чтобы спасти лес с деревьями. А в бою у Флисса сумел выстоять против тройного превосходства врага. Его любили больше всех остальных командиров!

– Да поможет ему Праматерь Сьюзен, – с горечью молвил барон Айсвинд.

А Шрам сказал:

– Фитцджеральд, смотри, не подведи Гордона Сью!

И это вынудило Эрвина ляпнуть поспешно:

– Я еще не сделал назначение. Кайр Джемис... – он запнулся, поскольку все офицеры изменились в лице, – ...вам доводилось командовать ротой?

– Вы знаете, что нет, – холодно процедил кайр.

– Милорд, – вмешался барон Айсвинд, – я бы задал иной вопрос. Где был кайр Джемис, когда вас держали под огнем?

Айсвинд – агатовец и прим-вассал Ориджинов – мог говорить без обиняков. Эрвин видел по лицам: каждый офицер согласен с бароном. Герцог ответил вместо Джемиса:

– Кайр Лиллидей заметил, как пал мой Дождь, и подвел мне нового коня.

Айсвинд сказал:

– Спасая вас, Гордон Сью отдал руку и, вероятно, жизнь. Кайр Квентин заплатил головой. Кайр Обри лежал в огне рядом с вами и спасся только чудом. А кайр Джемис ушел во тьму и просто привел коня. Удобная роль.

Джемис опустил тяжелую ладонь на эфес. Барон откинул плащ за спину:

– Я к вашим услугам, если желаете.

А Шрам возразил:

– Не вижу причин для поединка. Барон не сказал ничего, кроме чистой правды.

– Отставить! – рявкнул Эрвин. – Вы обезумели?! Никаких дуэлей на вражеской земле!

Айсвинд показательно убрал руку от меча.

– Простите, милорд, больше не повторится. Я лишь хотел предупредить вас: бойцы первой роты едва ли подчинятся кайру Лиллидею.

– И не нужно, – отчеканил Джемис. – Я откажусь от чина, даже если предложите.

– Вы свободны, кайр, – бросил Эрвин. Хотя просилось на язык: «Что с вами такое, тьма сожри?!»

За два следующих дня Джемис не заговорил ни с кем, кроме собаки. И нарушил молчание лишь для того, чтобы сказать:

– Мы должны пойти за Паулем.

Верный своей угрюмости, он не стал ничего пояснять. Имелось в виду, очевидно, следующее: догнать орду и атаковать с тыла в тот же день, когда Снежный Граф ударит во фронт. Как триста воинов смогут победить двадцать тысяч, даже при условии полной внезапности? Как избежать шаванских разъездов, которые рыщут вокруг орды? Должно быть, Джемис имел варианты ответа, но не стал их озвучивать.

– Безумие, – сплюнул барон Айсвинд.

– Нет перебыют, как свиной, – согласился Шрам.

Герцог помедлил с ответом и взвесил джемисов план. Звучало чистым бредом, но Эрвину случалось совершать безумные поступки, и он не отверг идею сразу, а сперва обдумал, попробовал так и этак, дополнил тем или другим маневром. Лишь потом вынес приговор:

– Это невозможно, кайр.

– Тогда прошу отпустить меня одного. Я должен помочь отцу.

– Вы просили об этом еще до Рей-Роя. Как тогда, так и теперь это – самоубийство. Я не отпущу вас на смерть.

– Вы и так ведете нас на смерть.

Стало очень тихо. Айсвинд положил руку на эфес:

– Позвольте, милорд. Один раз, в порядке исключения.

Джемис бросил ему в лицо:

– Вперед, барон. Помрете очень быстро. Гораздо легче остальных.

Эрвин осадил их:

– Отставить!

– Что – отставить? Говорить правду, милорд? Я и так молчу все время.

Кипя от гнева, Эрвин поднял руку и указал на восток. Шаванские разведчики следовали за отрядом не таясь. Герцог запретил вылазки против них: кони истощены, нельзя позволить себе лишнюю погоню. Понимая это, шаваны нагтели. Приближались почти на дальность выстрела, показывали непристойные жесты. Могли встать в стременах, спустить штаны и трясти голым задом; могли помочиться в сторону северян.

– Господа, – сказал герцог офицерам, – видите этих парней? Они тоже вас видят. Представьте их радость, если волки начнут рубить друг друга. Кто заговорит о дуэли – лишится плаща.

– Так точно, милорд, – ответил Айсвинд.

– Да, милорд, – выцедил Джемис. – Правда тоже запрещена?

– Хорошо, даю вам слово, кайр.

Джемис поиграл желваками.

– Вы ведете нас на запад, вглубь Степи. Степь – это желудок, а мы – жратва. Нас переварят. С каждым днем наши кони слабеют. Дайте бой, пока можно. Используйте шанс, пока он есть.

Эрвин выдержал паузу.

– Высказались, кайр?

– Да, милорд.

– Вы свободны.

Джемис убрался, офицеры с неприязнью смотрели ему в спину. Да, им тоже не по душе бездействие, бегство от презренных шаванов, дрянная Степь вокруг. Но они знают, что правда – за милордом. Как бы плохо ни шло дело, в конце прав окажется герцог Ориджин. Джемис тоже знал бы это, если б был иксом.

Этой ночью Эрвину явилась Светлая Агата и повторила слова кайра Лиллидея.

* * *

– Доложите о состоянии пленника.

– Скверно, милорд. Не приходит в сознание.

– Рана?..

– Пылает огнем.

– Смердит?

– Пока нет, но... – Хайдер Лид кусал губы: – Простите, милорд. Моя ошибка.

У герцога язык не повернулся бы назвать «ошибкой» ту безумную отвагу, которую Лид проявил в бою. Ринувшись вслед за ротой Айсвинда, он налетел на шаванский отряд. Перстосец разил направо и налево, окружив себя стеною огня. Люди превращались в дым и пепел, вспыхивали кони. Но он был неопытен и не успевал следить за всеми врагами. Хайдер Лид улучил миг между вспышек, подлетел к шавану и рубанул мечом. Хотел рассечь мышцы правой руки, лишив степняка возможности стрелять. Но тот заметил кайра и рванул навстречу, вскидывая Перст. Удар Лида угодил не в руку, а в бок, между ребер. Шаван захлебнулся кровью и рухнул из седла. Лид все же привез его к герцогу – лишенного сознания и умирающего.

– Моя ошибка, милорд. Я должен был взять живьем.

– Следите за ним. Лечите его. Дайте все снадобья, какие найдете. Вливайте в него воду и похлебку. Верните к жизни!

– Простите, милорд...

Эрвин знал, насколько живучи бойцы бригады. Но этот – новобранец, совсем недавно получил первокровь. Сможет ли справиться с ранением? А если да, как его применить? Он ненавидит волков, развяжи ему руки – и перебьет всех вокруг! Можно отнять Перст Вильгельма, под пытками вызнать приемы стрельбы – но первокровь есть только в его жилах, никто из кайров не сможет...

Однако на каждом привале Эрвин звал к себе Хайдера Лида:

– Доложите о пленнике.

– Плохо, милорд. В сознание не пришел. Весь горит, покрылся красными пятнами. Простите меня.

Среди всех бед – тьма, да сколько же их! – худшею была неизвестность. Вместе с кораблями пропал не только провиант, но и голуби. Эрвин не мог никому сообщить о своей судьбе и ни от кого не получал вестей. Имелся круг света радиусом в полдюжины миль, очерченный патрулями разведчиков. За пределами этого круга царил темень. Что творится в мире? Смог ли отец захватить Уэймар? Выжила ли Иона? Как далеко на север ушла орда? Уже оги-

бает Дымную Даль, или еще топчется на берегах Холливела? Добил ли приарха Эдгар Флейм? Очнулась ли Нексия от Ульяниной Пыли?.. Вопросы без ответа. Кромешный мрак, непроглядный как тьма внутри гроба. Может, Кукловод давно погиб, а Пауль разбит графом Лиллидеем. Может, Шейланд разгромил кайров с помощью Абсолюта, а орда развернулась и идет Эрвину наперерез. Может, уже и Минерва предала его, переметнувшись к Кукловоду; может, Роберт уже болтается в петле... Может случиться самое чудовищное – и Эрвин даже не узнает о том. Степь ослепила и оглушила его, а заодно отняла голос. Нельзя даже крикнуть так, чтобы услышал отец: «Берегись, к тебе идут!»

Изо всего, что происходит во вселенной, Эрвин знал лишь одно: ганта Ондей ближе с каждым днем, а сил с каждым днем меньше.

Впрочем, теперь, после беседы с Агатой имелось еще одно знание: нужен кузнец.

Недаром Ориджины столько лет воевали со Степью. Карты Рейса оказались вполне точны, и в рассчитанный день северяне вышли к реке – той самой Ройдане, воспетой в легендах. Ее русло изгибалось к северу и пересекало путь отряда.

– Повернем на север, пойдем вдоль берега, – приказал герцог.

Он не спросил мнения кайра Джемиса. Знал и сам: движение по реке облегчит врагам погоню. Войско ганты вдвое больше северного и снабжено заводными лошадьми. Ондей ведет с собою больше тысячи животных, им требуется уйма воды. А впереди идут северяне, которые опустошают родники и колодцы. Каждый день шаваны Ондея теряют время и рыщут в поисках питья. На берегу Ройданы эта трудность исчезнет.

Однако Эрвин имел свой резон: нужен кузнец. Степь опустела, шаваны ушли с ордой, но кто-то должен был остаться. Кузница требует воды. Кузница требует дров или угля, которые удобно доставлять по реке. К берегам реки собираются люди. Если где-то и найдется кузнец, то здесь, на Ройдане.

Не зная планов герцога... Хотя план ли это?.. Не зная фантазий Эрвина, офицеры сочли, что у реки он ищет место для битвы. Узкая и мелкая Ройдана не составляла преграды для всадников Ондея, а тем более – для огня Перстов. Западный берег, подмытый течением, был несколько круче и выше восточного. Заняв оборону на нем, можно получить малое преимущество. Но Персты Вильгельма легко достанут северян и на том берегу, а легкая конница шаванов может переправиться, совершить обход и ударить в тыл. Тогда река только повредит северянам: лишит возможности быстро отступить.

Айсвинд и Шрам предупредили герцога об этом. Кайр Джемис лишь молча обнимал Стрельца – единственное близкое ему существо. Эрвин успокоил офицеров:

– Бой случится тогда, когда мы будем полностью готовы.

Джемис оглянулся назад, к хвосту колонны. Пес посмотрел в ту же сторону. Вместе они наблюдали, как ползут вдоль реки усталые кони, груженные ранеными, и как вьются над отрядом стервятники, вполне осведомленные о его будущей судьбе.

Нужен кузнец, – думал Эрвин. Агата, если ты такая умная, то устройшь мне кузнеца!

Полковые священники – редкость в северной армии. Батальонами командуют внуки Агаты или Глории, а рядовые воины больше верят в силу крови, чем в семинарское образование. Когда нужно молитвою вдохновить бойцов или проводить павших в последний путь, за дело берется не священник, а агатовский лорд. Отец Давид, который чудом оказался в составе отряда, не находил себе применения.

Он предложил бойцам собираться для утренней молитвы. Они охотно собирались, но ждали проповедей лишь от Эрвина. Если герцог был не в духе и говорил только: «Агата с нами, мы победим», – то даже это ценилось больше, чем давидова молитва.

Святой отец стал ходить к раненым. Молил Сьюзен об их выздоровлении, но это не помогало, и лекарь Меррит запретил монашеский бубнеж. Давид обращался к самым тяжелым раненым, предлагал исповедь и слово утешения перед смертью. Те из них, кто еще мог говорить, отвечали:

– Не в чем исповедоваться, я жил по чести. Хотите утешить – позовите милорда, пускай пожмет мне руку.

Давид сгодился в лазарете лишь на роль санитаря, а его духовные услуги требовались только одному человеку в отряде. Впрочем, святой отец был рад даже этому.

– Как прошел ваш день, милорд? – спрашивал Давид во время привала и подавал Эрвину кружку вареной травы, заменявшей чай.

– Я знал паренька, который каждым вечером говорил: «Хороший выдался денек, милорд». В дни, подобные нынешнему, я хотел его убить.

– Окиньте взглядом все течение жизни – и один плохой день покажется мелочью. Год спустя вы даже не вспомните о нем.

– Эти слова можно сказать по любому поводу, – скептически заметил Эрвин. – Похоже, вы нашли отговорку от всякой печали.

– Вот только она сгодится не каждому человеку. Тот, кто имеет великую цель, меряет время годами, а воду – морями. Он не станет грустить из-за скверного дня или кружки горького чая.

– Боюсь, мне придется испить не кружку, а целое море горечи. Как вы могли заметить, моя великая цель идет прахом.

– Возьмите себе мою, – предложил Давид.

Эрвин криво усмехнулся:

– Долететь до Звезды? О, скоро я достигну этой цели, причем безо всяких летательных машин! К слову, вы так и не сказали, зачем вам туда.

Давид сменил тему:

– Обратите внимание, милорд: жизнь дала аргумент к нашему прошлому спору. Давеча я говорил, как хорошо бы было, если б каждый имел свой Священный Предмет.

– Наконец-то, отче! Увидели Персты в деле и поняли свою ошибку?

– Напротив, укрепился во мнении. Если б каждый владел Предметом, они бы не были чем-то особенным. Пауль не подавил бы волю шаванов и не встал бы во главе орды. А вы, милорд, сражались бы с Ондеем наравне.

К удивлению Эрвина примешался гнев:

– Вы помогаете раненым, воочию видите работу Перстов! Где ваше сочувствие?

– Взгляните шире, милорд. Беда не в Перстах как таковых, а только лишь в их исключительности. Обычный рыцарь на коне был бы жутким орудием в бою против голых дикарей с палками.

– Орудием... – повторил Эрвин, найдя для себя что-то в этом слове.

– С другой стороны, милорд, можем представить себе и другой мир. Некий виток Вселенской спирали, где существуют не только Персты Вильгельма, а и более могучее вооружение. Тамошние мечи способны уничтожать целые города, превращать моря в пар и ровнять с землей горы. Но войны на том витке даже не возникают, поскольку все силы уравниваются друг друга. Никто не смеет нанести удар, ибо знает, что получит ответный.

Эрвин хмыкнул:

– Отчасти вы меня утешили. В сравнении с описанным миром, мои беды – чепуха.

– Напротив, милорд: это очень счастливый мир! На том витке спирали не только оружие, но и все инструменты настолько же совершенны. Поезда мчатся быстрее арбалетных болтов, башни поднимаются на сотни этажей. Мастерские производят тысячи товаров в день, и почти без помощи человеческих рук. Один крестьянин с тамошним плугом может вспахать целое

баронство. Все люди грамотны, и каждая книга на свете доступна всякому. Достаточно применить один Предмет – и прочтешь любой труд, написанный когда-либо.

– Любопытно, что в это время делают другие крестьяне...

– Простите, милорд?

– Ну, если один мужик возделывает целое баронство, то зачем барону остальные? Он их выгонит к чертям, и они перемрут с голоду.

– На том витке спирали никто не гибнет ни от голода, ни от болезней. И пища, и лекарства производятся в таком изобилии, что хватает абсолютно всем!

– Сказки какие-то... – выронил Эрвин, но ощутил облегчение: буйные фантазии Давида отвлекали от безнадеги. – А разве люди в этом вашем мире не испытывают жадности? Если, положим, боги отпустили на каждого по сотне эфесов довольства – что помешает одному ограбить девятерых и забрать себе тысячу?

– Культура, милорд. Мир очень изобилен, деньги и блага достаются малым трудом, а вот репутация и доброе имя дорогого стоят. Никто не рискнет большой ценностью ради малой.

– Репутация... – Эрвин как следует обдумал ответ. Было приятно посвятить мысли чему-либо, кроме отчаяния. – Неужели каждый в том мире имеет достоинство и честь?

– Именно так. Мир настолько изобилен, что детям совсем не нужно трудиться, а взрослые дают отпрыскам и образование, и воспитание. Представьте: каждого человека там обучают так хорошо, как у нас – лишь королей и великих лордов.

– Среди великих лордов тоже встречаются мерзавцы, – отметил Эрвин. – Но главное сомнение в другом. Я стараюсь поступать по чести не только из-за воспитания. Я принадлежу к сословию дворян, хуже того – к северным лордам, и даже больше – к агатовцам. Надо мною довлеет мнение всех этих благородных зазнаек. Будет очень досадно, если сестра напишет мне: «Я – Север, а ты – нет». Или Роберт посмотрит укоризненно и скажет: «Бывает...».

– Простите, милорд, к чему вы ведете?

– Моя честь обусловлена принадлежностью к роду Агаты и семье Ориджин. Я стараюсь быть достойным агатовской крови. Отсюда, кстати, и берется слово «достоинство». Но вот, например, Кид – тот юноша из Спота, «хороший денек». Он – простолюдин из обычной семьи, землю не владеет, вассальной клятвы не давал. Зачем ему высоко нести себя? Он не имеет звания, которому нужно соответствовать.

– Он носит звание человека. Самое высокое из возможных.

– Философия, – хмыкнул Эрвин с легким пренебрежением. – Каждый морален, поскольку горд быть человеком?

– Да, милорд.

– Это ерунда. Ни к чему не мотивирует неотъемлемое звание. Дворяне боятся потерять титул, священники – чин, мастера – грамоту от гильдии. Но человеком ты будешь в любом случае! Главное ходить на двух ногах и не хрюкать, а все остальное – можно.

– Не в страхе же дело, милорд! Поймите: Человек – великое творение богов! Нужно лишь осознать свою ответственность. Мы родились Людьми, а не свиньями или псами. Разве это не причина, чтобы быть человеческими? Неужели без титула этого не понять?!

Давил разгорячился, что редко с ним случалось. Эрвин заметил:

– Дело касается лично вас, не так ли? Вы – актер из семьи актеров. Простите, отче, ваш род совсем не высок – ниже только воры и путаны. Поэтому вам так важно доказать, что каждый человек благороден?

Если Эрвин и задел его, Давид не подал виду:

– Я всего лишь живу согласно своим убеждениям. Коль верю, что Человек – высокое звание, то и стараюсь быть достойным, несмотря на низкое происхождение.

– Не держите зла, – попросил герцог. – Я признаю ваши достоинства, но вы – исключение. Мораль среди низкородных – редкость, а не правило.

– А отчего так, милорд? Не потому ли, что голод – не тетка? Бедняк сделает все, чтобы выжить. Мораль ему не по карману.

Эрвин заметил приближающегося Хайдера Лиды. Лицо и походка капитана выдавали возбуждение.

– Я не против пищи для бедных. Будут деньги, накормлю всех подряд, – сказал герцог, чувствуя в душе огонек надежды. – Я против оружия в руках подонков.

– Милорд, пленник очнулся!

Хайдер Лид был возбужден аж до блеска в глазах. Его поза выдавала нетерпение – сорваться и бежать назад, к пленнику. Он явился лишь потому, что имел приказ: доложить сразу, как шаван придет в сознание.

– Он может говорить?

– Да, милорд, и даже понимает по-нашему. По глазам вижу, что понимает. Но корчит из себя дремучего дикаря, чтобы избежать допроса.

– Хорошо, капитан, я побеседую с ним.

Лид кашлянул.

– Милорд, в этом нет нужды. Позвольте мне произвести допрос, я справлюсь наилучшим образом. Даже не сомневайтесь, все из него вытрясу!

– Не сомневаюсь, капитан.

Эрвин поднялся и накинул плащ. Странно в Степи: как бы ни жарило днем, к вечеру становится зябко.

– Милорд, простите... – Лид замаялся. – Я думаю, вам не стоит присутствовать. Пленник располагает знаниями о том, как стрелять из Перста. Нам нужно получить эти сведения. Я хочу применить надежные методы. Они могут быть неприятны для вас.

Ах, если бы требовались только знания!..

– Нынче не будет никаких методов. Я только поговорю с ним.

Эрвин зашагал в ту часть лагеря, где встали на ночлег Лидские Волки. Капитан нагнал его и сказал с нажимом:

– Милорд, простите мои слова, но у вас доброе сердце. В разговоре пленник ощутит, что вы не любите мучить людей. Его страх ослабнет, что усложнит мне работу.

– Вряд ли, – обронил герцог.

Шаван лежал, надежно спутанный ремнями. Вооруженная Перстом рука была отведена за голову и привязана петлею к шее с таким расчетом, что любое движение удушало пленника. На голом боку темнела рана. Она выглядела пугающе хорошо: не кровоточила, не гноилась, края даже начали рубцеваться. Первокровь сделала дело!

Эрвин подобрал седло, снятое с чьей-то лошади. Положил за головой пленника, сел так, чтобы смотреть сверху ему в глаза. Черные зрачки шавана цепко следили за каждым движением. Он не избегал взгляда северянина, а значит, был не особенно испуган.

– Как тебя зовут?

Шаван издал ряд малопонятных звуков.

– Вряд ли это твое имя. Вероятно, ты говоришь на рейском наречии: «Я не понимаю». Уверен, что ты лжешь. Пауль говорит на поларийском, он не вручил бы Перст Вильгельма парню, чьей речи не понимает.

Шаван разразился потоком слов. Эрвин уловил среди них только: «Пауль» и «Гнойганта». Голос шавана звучал дерзко и даже грозно.

– А сейчас, надо полагать, ты говоришь, что ужасный Гнойганта отомстит за тебя и всех нас уложит в пыль. Уверяю, это не так. Пауль ушел туда, где ожидал меня встретить: к Славному Дозору. Поняв свою ошибку, он все равно не вернется, поскольку спешит в Уэймар. Меня преследует только ганта Ондей.

Шаван оживился от последнего имени. Поджал губу так, что зубы блеснули в лунном свете, и свирепо произнес:

– Ондея тирли та! Ондея ханида вир канна теде! Ме тенари, чирлик кус!

– Да-да, понимаю, Ондей – храбрый воин, он всех нас поголовно чирлик. А теперь я прошу тебя помолчать.

Герцог извлек из ножен дагу и положил клинком на губы шавана. Тот умолк, а Эрвин помедлил, чтобы собраться с мыслями. Или – с чувствами, сказать точнее. Начал неторопливо, сплетая голос со звуками сверчков и криками ночных птиц:

– Должно быть, ты удивлен, что я ни о чем не спрашиваю. Ждал пыток и допросов, собирал мужество в кулак, чтобы храбро рассмеяться мне в лицо... А я даже не хочу слушать – странно, не так ли? Но я удивлю тебя еще сильнее, когда скажу, что не питаю злобы или ненависти. Даже грустно, что ты лежишь раненый и связанный, хотя мог свободно скакать в седле рядом со мной. Ты ведь не успел понять тогда, в Рей-Рое, сразу кинулся в бой – а мы-то пришли ради мира. Ганта Гроза стал моим другом. Он должен был убедить Степного Огня принять мой союз. Впервые в истории шаваны и волки выступили бы под одними знаменами...

Повернув голову, пленник стряхнул дагу. Но не заговорил, а облизал сухие губы.

– Хочешь пить?..

Эрвин попросил флягу у Хайдера Лида, приложил ко рту шавана.

– Ты стал слугой моего смертельного врага – того, кого вы зовете Гной-гантой. Ты убил Грозу и многих моих кайров, стрелял в меня самого, и если б попал, то плясал бы от счастья. У меня есть дюжина причин ненавидеть тебя и отдать под пытки. Однако я не питаю ненависти. Вы такие, какие есть. Было бы странно гневаться на это. Людей невозможно изменить, они всегда поступают согласно натуре. Мой брат жесток и глуп, моя сестра слишком ранима, Аланис гневлива и горда, Галлард Альмера – лицемер, Виттор Шейланд – трус... Черты характера лежат на каждом из нас, словно клеймо проклятья. Даже если они мешают, приносят страдания и боль – мы все равно остаемся заложниками своей природы.

Эрвин утер манжетой воду, которая протекла на шею пленника, и сказал тише:

– Например, я был бы рад не жалеть тебя. Однако жалею.

Он коснулся Перста Вильгельма на предплечье шавана.

– Почти во всем ты – простой степняк с обычными вашими нравами. Но в одном перешагнул природу: надел на руку вот эту вещь. Ты даже сражался за нее. Пауль испытал вас, когда стравил между собой. Ты убил не одного и не двух, чтобы завладеть Перстом. Пауль дал тебе испытать своей крови или слюны, и это было великой почестью: шутка ли, кровь самого Гной-ганты!.. Ты гордился собой, не понимая, что потерял: ты перестал быть человеком.

Чей-то конь тревожно заржал. Эрвин на миг отвлекся от монолога и увидел, как Хайлер Лид и альтесса Тревога сидят рядом, ловя каждое его слово.

– Ты получил первокровь и власть над Священными Предметами. Это черта, неотъемлемая для тебя и в то же время – недоступная большинству людей в подлунном мире. Данное обстоятельство исключает тебя из рядов человечества. Твои поступки, мысли, судьбу отныне определяет не твой характер, а факт обладания Перстом Вильгельма. Отношение других людей к тебе зависит теперь только от Предмета на руке – и от того, что ты с ним делаешь.

Альтесса погладила пленника по черным волосам, Эрвин повторил ее жест. Шаван заговорил – уже не грозно, а робко, с испугом. Герцог приложил палец к губам:

– Твои слова не имеют значения. Боюсь, ты более не существуешь как человек. Скрыв от меня имя, ты поступил мудро. Имя было бы лишним. Я назову тебя согласно функции: Орудие.

Шаван изменился в лице и заговорил. Акцент был силен, но слова вполне понятны:

– Ориджин, отпусти меня, я отдам Перст!

Герцог спрятал дагу в ножны и поднялся, не обращая на пленника и тени внимания. Сказал Хайдеру Лиду:

– Капитан, нам потребуются шарниры, брусья и стальные штыри. Взгляните на схему, здесь указаны все размеры.

Он протянул кайру листок. Лид смотрел на герцога большими глазами, полными удивления и восторга. Так же глядела и альтесса.

– Милорд, вы его сломали!.. Продолжайте допрос, он скажет все!

– Я не имею привычки беседовать с вещами. Допрашивайте вы, если угодно. И все-таки взгляните на схему.

Капитан развернул листок и поднес к глазам, чтобы в свете луны различить чертеж. Тревога смотрела через его плечо.

– Пресветлая Агата... – выронил Лид. – Это может сработать!..

– Устраните в Орудии остатки воли. Приставьте к нему человека, добейтесь того, чтобы Орудие совершало действия только по приказу. Без команды Орудие не делает ничего: не испражняется, не говорит, не кашляет. В отсутствие приказа оно не должно отличаться от бревна.

– Да, милорд.

– И пошлите разведчиков вверх по реке. Нам нужен чертов кузнец!

Искра – 1

Начало июля 1775 г. от Сошествия Фаунтерра

– Очень плохо, – сказал Нави, когда осмотрел Итана.

Ни родители бедного секретаря, ни сам он не удивились словам Нави. Какое уж тут открытие? С одного взгляда ясно, насколько плохо дело. Однако Мира таила в душе надежду.

– Сударь, неужели вы не сможете вылечить Итана? Даже с помощью Предмета?..

– Вероятно, смогу... Шестьдесят семь процентов против тридцати трех... – голос был глух от скорби.

– Тогда в чем дело? Принимайтесь за работу!

– Ваше величество, мне требуется согласие пациента...

Нави повернулся к Итану, поежился, глядя на то, что теперь представляло собой лицо секретаря.

– Когда с вами сделали это?..

Итан уставился в стену. Как и прежде, он не решался говорить при Минерве. За все время Мира услышала от него три слова: «ваше», «величество» и «простите». Вместо Итана ответила мать:

– Господин лекарь, это случилось в начале мая. Сразу после бунта Подснежников.

– Я не лекарь, – покачал головой Нави. – Прошло два месяца. Кости успели срастись... в том положении, которое мы наблюдаем. Есть лишь один способ исправить дефекты: заново разрушить все и срастить правильно.

– Как вы сказали?..

– Это будет настоящей пыткой, – мрачно выдавил Нави. – Скальпель даст местную анестезию, но ее не хватит, чтобы заглушить такую боль. Кроме того, кости смещены, а значит, могут быть сдвинуты и нервы. Я буду задевать их в ходе операции, отчего боль усилится.

– Но вы же сможете, сударь! – воскликнула Мира. – Достаточно перетерпеть, чтобы снова стать здоровым!

– Все слишком запущено. Вероятность успеха – шестьдесят семь процентов.

Родители Итана не разбирались в математике. Отец переспросил, и Нави дал пояснение:

– Один шанс из трех, что я не смогу вернуть все, как было. Кроме того, есть примерно один шанс из восьми, что в ходе операции повредится крупный нервный узел, результатом может стать паралич лицевых мышц.

Отец и мать Итана размышляли недолго. Переглянулись, кивнули друг другу, и отец сказал:

– Ваше величество, мы очень благодарны, но не хотим снова причинять мучения Итану. Видят боги, он и так выстрадал достаточно.

– Но это может помочь! Сударь Нави применит Священный Предмет, Итан снова станет полностью здоровым!

– Только два шанса из трех, ваше величество. А вытерпеть боль все равно придется, правильно, господин лекарь?

Гримаса на лице Нави была выразительнее слов. Мира воскликнула:

– Но это лишь несколько часов! Вытерпеть – и снова жить счастливо! Итан, прошу вас, соглашайтесь!

Он смотрел в сторону, прячась от Миры. По щеке его побежала слеза. Мать сказала:

– Ваше величество, умоляю, поймите нас. Итану пришлось так тяжело... Сначала мы боялись самого худшего. Казалось, он никогда уже не встанет с постели... Но лекари, которых

присылали ваше величество и Ворон Короны, приложили все усилия. Благодаря вашей заботе сыночек снова начал говорить, кушать, спать по ночам... И главное – боль почти ушла! Бывает так, что за целый день нигде ни разу не стрельнет! Сыночек мой почти научился жить заново! Еще немного – и мы даже на улицу начнем выходить... А теперь этот господин предлагает заново вытерпеть всю ту же боль. А он ведь даже не лекарь, и очень молод... И сам же говорит, что может выйти паралич... Пощадите, ваше величество. Увольте.

– Поймите, это же для блага вашего сына! Я настаиваю!..

Нави возразил:

– Боюсь, настаивать вы не можете. Мне требуется согласие пациента.

Мира положила руку на плечо Итана. Он дернулся, сжался в комок. От мучительной, обжигающей жалости Мире захотелось плакать.

– Я прошу вас... Итан, дорогой, согласитесь же... Все пройдет отлично, я верю, поверьте же и вы! Немного страданий – и все будет как раньше!.. Как при дворе прошлой весной, вы помните?..

Итан закрыл лицо ладонью и затрясся в беззвучных рыданиях.

Мира вздрогнула, когда поняла: сейчас она причиняет ему не меньше страданий, чем трижды проклятые Лидские Волки. Каждый ее визит – не забота, а позор и унижение для Итана. За год она стала императрицей, он – жалким калекой. Если он все еще любит ее, что может быть хуже подобной встречи?

При каждом ее визите Итан прятал лицо, бормотал: «Простите, ваше величество» – и умолкал, и вместо него говорила мать, рассыпаясь в бесконечных благодарностях. А Мире так и не хватило чуткости, чтобы как-нибудь сгладить эту пропасть между ними. Она появлялась в ореоле дворцового блеска, с лазурным эскортом при искровых шпагах. Она звалась «вашим величеством», сверкала драгоценностями, благоухала парфюмом. И вечно говорила о том, чем может помочь. Лекари, снадобья, деньги, хорошая служба в будущем... Довольно обманывать себя: это ведь не было заботой. Утверждение своего величия – вот что это было. Я, мол, добрая владычица, беспокоюсь о каждом подданном... А еще – утешение собственной совести. Когда хотела пить ордж, не видя упрека в ваших глазах, я уснула вас со двора и несколько месяцев не вспоминала. Но я – не бездушная мразь, как вы могли подумать! Видите, теперь, когда вам плохо, я так щедра на помощь! Даже вот Священный Предмет принесла...

Мира потеряла корсет, который как-то особенно сильно сдавил грудь. Спросила уже без надежды:

– Сударь, что вы решили?

– Ваше величество, простите... – выдавил Итан. – Я не стою таких хлопот... Не нужно, ваше величество...

Не нужно больше приходить, – вот что он имел в виду.

– Всего вам доброго, – сказала Мира и ушла, задыхаясь от стыда и скорби.

В карете она предпочла бы остаться одна, но Нави-то приехал с нею вместе, куда его теперь денешь? Он сидел в кабине напротив Миры, а рядом – капитан Шаттэрхенд, верный защитник императрицы. Капитан понимал, что Минерва никак не настроена на беседы, а вот Нави бестактно нарушил молчание:

– Ваше величество, кайр-казначей говорил, что сын его друга тяжело ранен. Если он согласится, я мог бы попытаться...

– Зачем? – бросила Мира.

– Чтобы вылечить... Я не медик, но с помощью скальпеля могу сделать больше, чем ваши лекари. Быть может, мне удастся...

– Я имею в виду – зачем вам его лечить? Сорок Два для вас никто, чужой человек. Хотите выслужаться передо мною? Право, не стоит! Уже попытались – ничего хорошего не вышло!

Нави покраснел, словно юная девица.

– Как – зачем?.. Он же страдает...

– Итан тоже страдает. Много вы сделали для него?!

– Я пытался! Но должен был предупредить, нельзя иначе.

– Вот именно, пытались...

Нави раскрыл рот, но капитан оборвал его:

– Довольно! Не докучайте владычице.

И юноша уткнулся в окно, а Мира с горечью и злобой смотрела на него, думая: как можно быть настолько черствым? Навязывать беседу, когда мне так плохо! Из-за вас, между прочим: могли солгать про эти ваши проценты... Ладно, не только из-за вас, я и сама виновата. Забыла Итана, пока упивалась властью, потому теперь моя помощь выглядит столь лицемерно... Но вы тоже хороши! Обещали лечить, а не языком болтать!..

Как вдруг Минерва поняла: не ей одной плохо. Нави горюет ничуть не меньше, его личико серо от печали. Смягчившись, она спросила:

– Вы расстроены тем, что не сдержали обещания? Полноте, сударь. Вы оказали мне огромную услугу с Перчаткой Могущества, я этого не забыла.

– Я расстроен потому, что хотел помочь. Если б вылечил Итана – это было бы чистое, однозначное добро. Без дурных последствий, без побочных эффектов. Добро – и точка. Знали бы вы, как редко такое удается...

Искренняя горечь его слов обезоружила Минерву.

– Сударь, вы очень помогли мне, научив говорить с Перчаткой. Разве это не добро?

Он рассмеялся так, будто Мира сказала кощунственную глупость.

– Я дал могучий инструмент девушке, о которой почти ничего не знаю. Это не добро, а беспечность и безрассудство, и слабая надежда, что вы натворите не слишком много бед.

Мира поджала губы.

– Я тоже не знаю вас и не потерплю подобных выпадов. Желали о чем-то спросить – извольте поскорее. Хочу рассчитаться с вами.

– Нужно задать несколько вопросов, а не один... Раз вы не в духе, то начну с главного: расскажите о последних достижениях науки.

– Неужели вы их не знаете? – удивилась Мира. – Все знают: волна, пересылка векселей...

– Нет, нет, я же не об этом! Хочу узнать про то, что еще не внедрено. Какие исследования ведут ваши ученые?

* * *

Янмэй Милосердная писала: «Идеально работает тот орган, которого мы не замечаем. Если мы ощущаем сердце в своей груди, значит, пора обратиться к лекарю. Если министерство требует личного вмешательства владыки, неплохо бы заменить министра».

Министерства финансов, путей, торговли и двора работали сносно, но все же требовали контроля со стороны ее величества. Лишь один из высших чиновников порадовал бы Янмэй: Айзек Флевин, министр науки. Еще зимой Мира дважды встретила с ним лично и пришла к выводу, что он идеально подходит для своей должности. Министр Флевин не разочаровал владычицу. Ни разу за полгода он не просил у нее ни помощи, ни решения, ни прибавки к финансированию. Министерство науки работало незаметно, как печень здорового человека. Его следами, доступными для наблюдения, являлись отчеты. Раз в неделю, по субботам, на стол Минервы ложился циркуляр с кратким изложением последних достижений науки. Сведения были сухи, полны и точны. Не встречалось ни жалоб, ни похвальбы. Министр Флевин хотел от владычицы одного: чтобы она была в курсе дел – и не мешала работать.

Крупные зрелищные изобретения, вроде волны или устройства слежения за поездами, случались нечасто. Большинство отчетов содержали описание экспериментов и математических выводов, суть которых ускользала от Миры. Иногда она звала кого-либо из ученых и просила растолковать. Порою времени на это не хватало, и отчет, непонятый императрицей, попадал в архив. За время правления Минервы их накопилось больше двадцати.

– Ооо! Вот это спасибо вам!

Глаза Нави радостно заблестели, когда изрядная стопка бумаги легла на стол. Мира сказала:

– Наберитесь терпения, сударь. Через полчаса прибудет научный советник.

– Зачем?

– Растолкует вам, о чем тут речь.

Искреннее удивление отразилось на лице юноши:

– Растолкует – мне?..

Он взял верхний отчет и принялся листать. Мира следила, не сдерживая злорадства. Выискался умник! Даже я не все уловила – а вы поймете еще меньше. И верно: юноша наспех проглядел отчет, даже не пытаясь вчитываться.

– Я же сказала: без советника не разберетесь. Подождите немного.

– Вы правы, советник пригодится, – кивнул Нави. – Там есть неточность в уравнении индукции. Мне любопытно, это описка в отчете или ошибка всей вашей науки.

От такой дерзости Мира утратила дар речи. А Нави взял второй отчет и принялся листать с прежней скоростью. Первые страницы не вызвали его интереса, но на середине юноша воскликнул:

– Беспроводная связь – потрясающе! Ваши ученые не так уж плохи...

– Что вы говорите! Неужели!..

– Теоретические выкладки, конечно, ошибочны. Но если им хватит ума поставить корректный эксперимент, то ошибка обнаружится. Посмотрим здесь...

Нави схватил другую подшивку. Мира осведомилась:

– Сударь, вы инспектируете деятельность министерства науки? Может быть, как-то на досуге проверите еще и финансовое ведомство?

– С финансами вы хорошо справляетесь, – обронил Нави, не оставляя чтения. – Я следил по «Голосам короны».

– Справляюсь, да? Благодарю, у меня отлегло от сердца!

Юноша не замечал сарказма. Страницы так и шуршали под его пальцами, глаза метались от формулы к формуле.

– Так, где же... Опытная проверка поручена... Задействовано следующее оборудование... Ага, вот!

Буквально за три вдоха он впитал все описание эксперимента – и одобрительно кивнул:

– Да, качественную ошибку нашли. Осталась лишь погрешность значений констант, ее никак не устранишь при нынешней точности приборов...

– Ах, как печально! – Голос Миры сочился ядом.

– Да нет, все довольно неплохо, – от чистого сердца возразил Нави. – Величина погрешности меньше восьми процентов, это не мешает создать действующий аппарат. Конечно, ошибок передачи будет тьма. Но если вы додумаетесь до контрольной суммы...

Пока Мира пыталась понять, бесит ее надменность юноши или восхищает, он взял следующий отчет.

– Что у нас здесь... Алгоритмы шифрования – похвально, но не ново... Искровое сокращение мышц, исследования на мертвых телах. Зрелищная пустышка... Хронометрическое отслеживание пути, внедрение тайм-кодов – о, вот это любопытно! Ну-ка...

Мира не выдержала:

– О чем вы говорите, тьма сожри?!

– Как – о чем? Вы же читали эти бумаги!

– Да, но... Я просто не могу понять: как может быть беспроводная связь? Искра всегда идет по проводам!

– Отнюдь не всегда... Вы должны знать про магнитные поля и наведенные токи. Еще Светлая Агата об этом писала.

– Сударь, мне не стало понятнее!

– Ну это же так просто... Откуда берется искра? Магнит вращается внутри катушки проводов. Переменное магнитное поле создает в катушке ток, это известное вам явление индукции. А теперь учтите, что движение зарядов, в свою очередь, порождает магнитное поле. Что получается в итоге...

Мира бросила следить за мыслью. Очень сбивало то, что Нави, говоря с нею, продолжал читать. Два потока мудреных слов легко уживались в его голове, не мешая друг другу. Он окончил объяснение как раз в тот миг, когда закрыл последнюю страницу.

– Вы поняли?

– Конечно. Беспроводная связь. Теперь все ясно.

– Тогда можете идти. Мне нужно еще полчаса на чтение, не хочу вас задерживать.

Такая степень хамства даже не злила, а вызывала усмешку.

– Сударь, похоже, вас обучали мудрецы из числа бродяг. Только таким путем вы могли усвоить науки, избежав малейших признаков этикета.

– Ой! А что не так?..

– Вы не смеете указывать, когда мне идти. Только я решаю, когда начинается и кончается аудиенция. И привыкните, наконец, к обращению «ваше величество».

– Извините, ваше величество... Я просто думал, что у вас уже нет времени... А если есть, то ответьте на другие вопросы, дочитаю потом.

– Другие вопросы, сударь?..

– Ну, да, ваше величество. Я же говорил, что их несколько.

– Сударь, в моем представлении вопрос – это реплика, на которую можно ответить: «Да» или «Нет», или, скажем, «Восемнадцать», или «Терпеть не могу». Но вы пожелали получить сводку всех научных исследований за полгода! Это, знаете ли, не просто вопрос!

Нави потер переносицу:

– Вам нужна доплата?

– Да! То есть, нет, я вам не купчиха. Не подумайте, что торгуюсь.

– Тогда, ваше величество, чего вы хотите?

Чтобы вы прекратили наглеть, – чуть не сказала Мира. Но сразу поняла: наивная дерзость юноши симпатична ей. Сделавшись лицемерным подхалимом, как остальные придворные, Нави утратит обаяние.

– Вы играете в стратемы? – спросила владычица.

– Играл однажды... Тринадцать лет назад.

Мира развела руками:

– Что ж, если когда-нибудь научитесь, будет приятно сразиться с вами.

– Ваше величество, я уже умею! Давайте сыграем! А потом ответите мне, да?

– Избиение беззащитных не доставляет удовольствия.

– Нет же, поверьте, я справлюсь! Где найти поле?

Мира уступила его рвению. Они перешли в комнату для стратем, и Нави сказал:

– Красивые у вас фишки... Только простите, я не все правила помню. Подскажете, кто как ходит?..

Мире пришлось напомнить ему, что искра командует стратегом, меч носит доспехи, подкова пробивает броню меча и движется быстрее других, стрела не получает ответного удара, а серп боится отходить от регулярных войск.

– О, верно, так все и было! Теперь я справлюсь...

Чтобы сократить его мучения, Мира выбрала короткую партию с одной искрой. А чтобы унижение не было слишком нарочитым, решила играть вполсилы. Без лишних хитростей собрала вокруг искры классическую пехотную стратегию и повела в прямую атаку, поддерживая с флангов кавалерией. Опытный игрок знает, что от такой атаки лучше уклониться, заманить врага вглубь своих земель и окружить. Новичок, каким был Нави, примет бой и проиграет – но хотя бы достойно, без позора.

Нави принял удар, его стратегия развалилась, искра бросилась бежать. Мира двинула войска в погоню, пехота отстала от конницы, и...

– Как вы это сделали?!

Тонкая ручка юноши сняла с поля искру владычицы.

– Я где-то читал, что в стратегиях надо ставить ловушки. Ну, вот.

– Еще раз, – потребовала Мира.

– Сначала вопрос, ваше величество. Какова численность всех армий в Поларисе? Где они расположены? Я бы взглянул на стратегическую карту...

* * *

На сей раз она играла в полную силу. Тщательно продумала тактику наступления, предусмотрела обходной маневр, расставила засады на случай, если Нави решит зайти в тыл. Пересчитав все вражеские фишки на поле, прикинула возможную силу ловушек, выдвинула достаточный авангард. Нави не станет наступать – она видела это по форме его стратегии. Он будет защищаться, и Минерва сделала все, чтобы пробить оборону.

На тридцатом ходу защитная стратегия Нави вдруг перешла в атаку. Случись это в двадцать девятый ход или в тридцать первый, он был бы разгромлен. Но юноша выбрал единственный подходящий миг.

– Удачная атака, сударь, – признала Мира, злясь на себя. Надо было прикрыться конницей, переходя этот проклятый мост!

– Ваше величество, мой новый вопрос: вы отпустите Дороти?

– Какую Дороти?

– Ну, графиню Сибил Нортвуд...

Она окаменела.

– Сударь, эта женщина виновна в смерти по меньшей мере десяти человек. Одним из них был мой отец.

– Она дорого заплатила за это и стала совсем другою. Дороти – уже не та, кого вы хотели наказать. Графиня Сибил Нортвуд больше нет на свете.

– И это – причина пощадить убийцу?! Сударь, я молода, но не наивна. Сибил должна ответить за преступления.

И решила: следующую партию она обязана выиграть.

Очевидно, короткая игра – слишком проста. Движение одной искры не так уж сложно просчитать, нехватку опыта можно восполнить математическим талантом. Мира потребовала длинную игру и выставила на поле двойной набор фишек.

Нави разбил ее за тридцать семь ходов. Владычица жестоко ошиблась: с большим числом фишек он играл лучше, чем с малым! Среди сотен возможных ходов ни один не ускользал от глаз юноши. В отличие от Миры, он замечал и использовал каждую возможность.

– Ваш вопрос, сударь?..

– Какова обстановка на фронтах?

Похоже, с каждым разговором Нави повышал ставки. Вопрос о Сибил Нортвуд был тяжел. Вопрос о фронтах – еще хуже.

Еще неделю назад война шла идеально. Галлард Альмера был разбит, загнан во Флисс и осажден. Флот Фарвеев блокировал его с озера, корпус Эдгара Флейма – с суши. Герцог Ориджин после череды блестящих побед вторгся в Рейс. Его отец высадил батальоны в Уэймаре. Кукловод со всеми союзниками стоял на пороге катастрофы...

Но затем в Уэймаре случилось нечто жуткое. Десмонд Ориджин сообщил: «Кукловод применил главное оружие. Наши потери умерены, потери горожан – огромны. Штурм более невозможен. Перехожу к осаде».

А затем пропала связь с герцогом Эрвином. Он прислал письмо из Славного Дозора за Юлианиным мостом, когда шел на Рей-Рой. Миновала неделя – более чем достаточно, чтобы добраться до степной столицы. Вестей не было. Ни из Славного Дозора, ни из Рейса. Герцог исчез. Точно так же не дала о себе знать и Бекка Литленд.

Мира пересказала это юноше. Он попросил точных сведений о том, где и сколько находится войск. Мира дала ответ. Нави сказал:

– Очень скверно... Вы волнуетесь за герцога Ориджина?

– Желаете знать? Выиграйте.

Теперь она полагалась не только на свой талант. Выбрала блестящую партию из тех, какие довелось наблюдать, и воспроизвела стратегию победы. Раздвинула войска на фланги, оставив посередине дыру. Очевидная уязвимость центра заставит противника заподозрить ловушку. Он не пойдет в середину, а атакует один из флангов. Мира примет удар на хорошей позиции для обороны и нанесет как можно больше потерь. Но затем, когда противник увлечется боем, она бросит на растерзание остатки фланга и употребит все хода на то, чтобы окружить его с тыла. Мира потеряет одну искру, но поймает в ловушку обе искры врага!

Нави пошел напрямик в центр. Она не сразу поверила, что он так явно движется в капкан. Выбрала удачный момент, оставила оборонные позиции и, сомкнув клещи, атаковала с двух боков. Но Мире требовалось слишком много касаний, чтобы управлять сразу двумя отрядами. Нави распорядился своим единственным корпусом лучше, точнее, эффективней. Один из флангов Мира был уже разбит, а второй так и не успел взломать строй вражеской пехоты.

– Поле за вами, сударь, – сдалась Минерва. – Вопрос?

– Что вы знаете о Кукловоде и его людях?

Она удивилась:

– Вы собирались спросить о лорде-канцлере!

– Не сейчас, ваше величество. Его время придет.

– Что ж...

С тяжелой душою она подняла воспоминания. Подземелья Мартина Шейланда, зверские опыты над людьми. Узник Уэймара, ставший слугой Темного Идо, вернее – слугой Кукловода. Абсолют. Капля Солнца. Резня в гробнице...

– Мне стыдно, – призналась Мира. – Все, что скажу о Кукловоде, – это череда моих ошибок и поражений. Тем не менее, слушайте...

Когда она окончила рассказ, Нави помрачнел.

– Плохо, ваше величество. Все хуже, чем я думал.

– А что вы думали?

– Выиграйте, ваше величество.

Я хитра, – думала она, расставляя фишки. Я идовски хитра, но стану – еще хитрее. Построю явную стратегию и скрытую, дам ему разгадать мой первый план, а затем – второй.

Он будет думать: какому плану противодействовать – второму или первому? Но я поставлю третью ловушку – такую, что сработает в любом случае!

С первого же хода Нави поступил не так, как от него ожидалось. До сей поры он всегда реагировал на действия Миры, уступая инициативу. Она привыкла и не ждала иного. Но теперь Нави не стал угадывать ее планы, а повел свою игру. Мира попыталась перестроиться – и не успела. Нави сыграл кавалерией крайне удачно, буквально как бог! Его подковы врубились туда, где некому было их сдержать.

– Поле за вами, сударь. Тьма сожри, я не понимаю! Вы солгали, что не играли прежде!

– В Поларисе должен быть некий тайный орден, – ответил Нави. – Имеется много косвенных признаков его существования. Я прав?

Этот вопрос вызвал резкую досаду. Орден воспользовался Мирой. Магистры соблазнили ее перспективами: безграничный прогресс, торжество науки, всеобщее образование. Франциск-Илиан казался таким мудрым, так блестяще сражался в суде. Леди-во-Тьме искусно подогрела тщеславие Минервы: «Ты захватишь бригаду, получишь говорящие Предметы, станешь величайшею владычицей...»

– Это лжецы и манипуляторы. Они прикрываются светлыми целями, но творят мерзость. Я не чувствую долга хранить их тайны. Вот их имена...

Мира изложила все, что знала. Нави спросил:

– Они называли конкретную цель своих действий?

– Прогресс, – буркнула Мира. – Одно большое счастье для всех. Пусть каждый домyslит свое.

– А говорили о том, что хотят захватить определенного человека?

– Они жаждут взять в плен командира бригады, зовут его Натаниэлем. Ваш тезка, сударь.

– Они сказали, его зовут Натаниэль?!

– Да, сударь. Наверное, ошиблись: герцог говорил, его имя – Пауль.

– Герцог прав.

– Откуда вам знать, кто прав, а кто нет? Сударь, вы так и не сказали мне: кто вы такой?

– Сказал, ваше величество. Я – странник из подземного царства.

– Как вы узнали про Пауля, тайный орден, Абсолют? Чего вы добиваетесь?

– Выиграйте, ваше величество.

Расставляя фишки на поле, Мира чувствовала безнадегу. Она знала, что без плана проиграет неминуемо, но любой план Нави разгадает наперед. Он видел все, учитывал каждую возможность, предсказывал любой маневр. Казалось, Нави видит не поле, а схему, где каждый ход Минервы заранее отмечен стрелкой.

Она выпила три кофе подряд. Она думала так напряженно, что глаза пересохли, а шея затекла. Она сыграла лучше, чем кто-либо когда-либо играл при ней. Будь противником Адриан, даже с подсказками всех его советников, он был бы разбит в пух и прах...

– Как же так?.. – бессильно выдохнула Мира, смахивая с поля свою искру. – Вы, верно, солгали про лечебницу...

– Не солгал.

– Вы учились стратегии у лучших мастеров. Сознаться: вы – бастард одного из великих лордов?

– Не учился. Не бастард.

– Да как это возможно?..

– Мой вопрос, ваше величество. Расскажите о герцоге Ориджине.

Она ответила с неожиданной злостью:

– Последние полгода о герцоге Ориджине говорят все, от мышей до королей. Чего, тьма сожри, вы о нем не знаете?

– Того, как вы к нему относитесь.

– А как я могу к нему относиться? Вы же читали «Голос Короны»! Интриган и властолюбец, желающий присвоить трон. По его вине я – временная владычица. Его война с Кукловодом – лишь повод захватить престол!

– В таком случае неясно, почему вы расстроились, когда он пропал без вести.

Мира сгребла в кучу свои фишки и принялась расставлять боевой порядок. Нави нахмурил тонкие бровки.

– Ваше величество, вы не ответили!

– вспомните, с кем говорите, сударь. Желание императрицы – закон для подданных. Я желаю сыграть.

– Но вы обещали...

– Нет, это вы решили, что можете допрашивать меня. Я вам поддавалась, теперь наскучило. Играйте!

Он расставил фишки и отдал первый ход ей. Мира звонко стукнула наперстком по краю стола, пропустив свой черед. Нави нахмурился, произвел расчеты и начал наступление. Когда ход перешел к Мире, она вновь постучала наперстком. И снова. Непобедимые войска Натаниэля приближались, она ждала.

– Ваше величество, – промямлил юноша, – вы так проиграете! Смотрите: я нападую вот здесь и здесь, защита будет пробита...

Вместо ответа она стукнула наперстком. Шестипалой лопаткой он передвинул левую стратеу, затем правую. Нави наступал, Мира ждала. И думала: я перестала быть собой. Его вопросы – как нарочно, чтобы показать мои пороки. Минерва властолюбивая. Минерва обиженная. Минерва непоследовательная. Забыла Итана. Волнуюсь об Итане. Помиловала Сибил. Ненавижу Сибил. Горюю о Ребекке. Послала на смерть Ребекку. Кто я такая? Чего хочу?.. Бекка знала, за что пошла на риск, Ориджин – знал. А я ничего не знаю, меня будто и нет.

Менсон говорил: выбери кубок, в котором вино. Внешность – мишура, главное – внутри.

Что во мне главное? Могу же я вспомнить! Кто я – без короны, без власти, без обид, без всего?..

Я – искра!

Ее палец замер над краем поля, не произведя стука.

– На сей раз я похожу, сударь.

Лучники Короны дали залп в идеальный момент. Всего один меч выпал из вражеской стратегии – но возникший дисбаланс вел Нави к неизбежному поражению. Он прищурился, просчитывая. Сказал удивленно и радостно:

– Поздравляю с победой, ваше величество. Вижу, вы достигли нужной трезвости мысли.

– Что, простите?..

– Только прошу, не обижайтесь. Я немного схитрил: предпринял серию игр, чтобы заставить ваш мозг работать на полную мощность. Теперь вы сможете эффективно реагировать на новости.

Она нахмурилась:

– Какие же?

– Те, которые придут сегодня. Или уже пришли, пока мы играли.

Мира отдала приказ одному из гвардейцев:

– Сводку новостей, немедленно.

Голос прозвучал сухо и ломко. Нави замахал руками:

– Ваше величество, не пугайтесь. Я смогу помочь, для этого и здесь!

Гвардеец вернулся, едва выйдя в коридор. Похоже, новости ждали прямо за порогом.

Дориан Эмбер лично нес письмо. Он был бледен, конверт дрожал в руке. Минерва прочла, в глазах потемнело. Пауль убил Морана и возглавил орду. У Кукловода есть огромное войско, вооруженное Перстами Вильгельма.

Звезда – 1

*Июль 1775 г. от Сошествия
Графство Рейс*

Теперь она часто смотрела в зеркальце. Гораздо чаще, чем в былые годы при дворе. Тогда она всего лишь заботилась о красоте, защищала свое первенство. Детский каприз. Ныне ей следовало видеть отражение, чтобы повторять себе главные слова:

– Я пройду этот путь до конца.

И другие, еще более важные:

– Я останусь собой. Я не дам себя разрушить.

Прошло то время, когда ее жизни грозила прямая опасность. Осталось позади, на другом берегу священной реки Холливел. Теперь ее окружали десятки воинов, которых окружали сотни, за которыми следовали тысячи. И каждый знал: ни один волосок не должен упасть с ее головы.

Сердце орды составляли пять человек. Пауль – Гной-ганта, владыка тлена. Три его клинка: Кнут, Муха, Чара. И – она.

Первым кольцом, в прямом поле зрения Пауля, ехали ханида вир канна, либо коротко – ханиды. Воины, носящие Персты Вильгельма. Пауль доверил им самое могучее оружие на свете. Прямо в пути Кнут, Муха и Чара учили их стрелять. Скоро они станут грозной силой, каждый будет стоить сотни простых воинов, перед ними не выстоят даже ориджинские иксы. Но не этим определялось их особое положение в орде. На степном наречии ханида вир канна означало: достойные увидеть. Им было даровано право свободно видеть Пауля. В любой миг, когда они захотят.

Сорок ханидов очерчивали кольцо вокруг Гной-ганты. Двадцать тысяч всадников орды оставались за пределами кольца. Вожди и лучшие воины могли въехать в кольцо по личному позволению Пауля. Прочим запрещалось приближаться к нему. Один раз в день Пауль проезжал всю орду насквозь – лишь тогда рядовые всадники могли его увидеть. Они орали от пьяного восторга, вспрыгивали на спины лошадей, трясли над головой клинками... А некоторые, напротив, спешивались, падали на колени и заводили молитвы.

– Дешевый трюк, – говорила себе Аланис, глядя в зеркало. – Он просто напускает важность, чтобы держать их в подчинении.

Она часто говорила с отражением о Пауле. Должна была говорить. Высмеивала и развенчивала все его трюки. Должна была высмеивать.

Предмет по имени Вечность поверг шаванов в трепет. Аланис сказала себе: это просто Предмет. Священные Предметы могут все, но это сила богов, а не Пауля. Он – обычный негодяй, слуга другого негодяя. Он всего лишь умеет использовать Предметы.

Но он хорошо умел это. Пугающе хорошо. Когда был убит Моран, не вся орда увидела Вечность в деле. Многие находились слишком далеко, чтобы разглядеть. Пауль устроил повторное представление. А случай подвернулся скоро: Ребекка Литленд приехала за Мораном.

– Ты хочешь соединиться с любимым? Благородное желание. Исполню его.

Пауль бросил горсть черных мух в коня Ребекки, а вторую – в нее саму. Она замерзла в воздухе, не успев спрыгнуть с седла. Это было красиво. Это было страшно. Ребекка сделалась пищей для тьмы. Той ночью Аланис говорила зеркалу:

– Как бы оно ни выглядело, это всего лишь смерть. Бекка погибла, как отец и как Альфред. Их души теперь на Звезде, пируют за одним столом с Праматерями. Иначе быть не может!

Но отражение не перестало дрожать, и ей пришлось добавить еще:

– Нет, он не убьет меня Вечностью. Он вовсе меня не убьет. Я пройду этот путь до конца.

Затем Пауль выступил в поход.

Орда состояла примерно из двадцати тысяч всадников – точного числа никто не знал. Она делилась на ганы – группы шаванов, подчиненных одному ганте. В каждом гане было разное число мечей: одни насчитывали дюжину, другие – сотню, третьи могли поспорить с альмерским батальоном. Нельзя построить хорошее, дисциплинированное войско из таких разнородных частей. Если бы Аланис довелось командовать ордою, она переделала бы ее заново. Дюжины сложились бы в роты, роты – в батальоны, батальоны – в полки. Каждому подразделению назначила бы командира, затем уделила бы несколько месяцев муштры, чтобы воины приладились к командирам и друг другу.

Но Пауль сделал только два назначения.

Первым были ханиды.

Стоя у черного, выпавшего из времени трупа Морана, Пауль пнул ногой мешок с Перстами:

– Берите, это ваше оружие!

Сначала шаваны боялись подойти. Потом из толпы выдвинулись первые смельчаки и подобрали по одному Предмету. Среди них был Юхан Рейс. Затем, вдохновившись примером, подбежали другие, схватили Персты с земли. А потом Предметы кончились: их было меньше полусотни – на много тысяч шаванов. Большинство всадников просто заворчали от зависти, но кое-кто выхватил клинки, подскочил к везунчикам с Перстами:

– А ну, отдай!

И Пауль крикнул:

– Молодцы! Возьмите, что можете взять!

На глазах Аланис началась свалка. Шаваны выбивали Персты друг у друга, вырывали из мертвых пальцев, отрубали вместе с руками. Завладевали Предметом лишь затем, чтобы минуту спустя потерять его и сдохнуть. В ход шли кулаки, кнуты, ножи, мечи, зубы. Кровь лилась ручьями. Кто-то отползал, зажимая рану. Кто-то рубился, как зверь, защищая свой Перст. Кто-то испускал дух прямо у ног Пауля. А тот кричал от радости:

– Да, сыны Степи, так и нужно! Берите свое!

Когда резня иссякла, четыре десятка шаванов стояли над парой сотен трупов. Измазанные чужой кровью, свирепые, дикие, еще не вернувшие человеческий облик.

– Ханида вир канна – достойные увидеть! Вы, лучшие из шаванов, отныне будете со мною!

Пауль прошел между ними и каждого поцеловал в губы. Каждого из сорока головорезов. Если чье-то лицо было испачкано в крови – Пауль размазал ее по своему лицу.

Шаваны выглядели так, словно родились заново. Когда к ним вернулась человеческая речь, они могли сказать только одно:

– Гной-ганта! Гной-ганта! Гной-гантааа!!!

Второе назначение Пауль сделал накануне выхода из Рей-Роя.

– Один из вас останется тут и защитит город. Если сюда придет младший Ориджин, нужно убить его солдат и взять его в плен.

Три человека стояли перед Паулем: ганта Корт, ганта Ондей и младший граф Юхан Рейс. Все трое носили Персты на предплечьях. Двоим – Карту и Юхану – Предметы достались без

боя. Они подобрали их в числе первых и держали мечи наготове, но никто не напал. Корт и Юхан были вождями, их уважали и боялись. А вот Ондей промедлил, не схватил Перст, пока было можно. Так что он выбрал миг, ворвался в схватку и заколол шавана внезапным ударом.

– Мы – ханида вир канна! – сказал Паулю Ондей. – Мы имеем право быть с тобой, когда ты растопчешь Север!

– Да, – сказал Пауль. – Но один из вас останется. А с ним – пять сотен всадников и три носителя Перстов.

Корт сказал, подкрутив ус:

– В моем гане – семьсот человек. Мы пригодимся тебе в походе. Лучше оставь тут более мелкого вождя.

Ондей хмыкнул, скосив глаз на Юхана:

– Рей-Рой – его город. Пусть он и стережет.

А Юхан только склонил голову:

– Гной-ганта, тебе виднее. Решись оставить меня – останусь.

Пауль выбрал:

– Ондей, останешься ты.

– Дух червя!.. А добыча? Что я получу?!

Вдруг Пауль повернулся к Аланис:

– У него смердит изо рта. Ты заметила?

– Чистая правда. Мерзко стоять рядом.

Ондей разинул рот:

– Эй, причем тут...

Пауль воткнул пальцы ему в пасть. Шаван дернулся было, но замер – вторая рука Гной-ганты схватила его за челюсть. Пауль пошарил во рту, сжал, дернул. Показал Аланис желтый зуб с окровавленным корнем:

– Видишь, в этом причина.

Затем похлопал Онддея по плечу:

– Ты получишь шанс убить младшего нетопыря. Это великая честь. Принесешь мне его голову – возьмешь себе любой Предмет из хранилища Первой Зимы. Верю, ты сможешь.

Он не продолжил: «А если не сможешь...». Не сказал ни слова угрозы. Зачем тут слова?

Потом, оставшись одна, Аланис говорила зеркалу:

– Нельзя вырвать зуб голыми пальцами! Лекарь берет клещами и налегает всем телом, и даже тогда не с первого раза... Нет, это просто трюк! Зуб был гнилым и шатался. Или Пауль заранее спрятал зуб в рукаве. Или... Тьма сожри, он – просто человек!

* * *

Пауль не занимался дисциплиной и муштрой, не собирал военных советов, не раздавал приказы. Не делал ничего, что подобает полководцу. Просто ехал, окруженный кольцом ханидов, и раз в день одаривал взглядом остальных. Орда вокруг него формировалась сама.

Сами собою уважаемые ганты оказались в голове колонны, оттеснив более мелких в хвост. Согласно своему нраву, дерзкие и храбрые шаваны терлись ближе к кольцу перстоносцев, пытаясь увидеть Пауля. Обладатели выносливых коней вырывались вперед, разведывая местность, чтобы потом принести доклад – и хоть минуту поговорить с Гной-гантой. Запасливые и умные вожди везли телеги с продовольствием, бедные и глупые отставали от орды, рыща в поисках фуража. Утром одни быстро снимали шатры и выдвигались вперед, другие завтракали с ленцой. При виде Пауля одни орали: «Слава!», поставив коней на дыбы; другие молились, упав на колени. Предоставленная сама себе, свободная от приказов, каждая частица

орды проявляла характер. А Пауль наблюдал. К концу пути, когда дойдет до битвы, он будет знать о них все.

– Идовски хитер, – говорила себе Аланис, – но не хитрее Эрвина и не лучше меня. Мы – внуки Агаты, а он – простой головорез!

Опровергая ее слова, в круг въехал разведчик с докладом:

– Гной-ганта, удача на нашей стороне. Нетопыри дали себя заметить. Три батальона под флагами Ориджина в двадцати милях к северу от нас. Наверное, они тоже заметили орду.

– Почему так думаешь?

– Они отходят к Славному Дозору. Боятся нас!

– Ты видел вымпел полководца?

– Да. На нем герб Снежных Графов.

– У тебя острый глаз и хороший конь. Но почему ты не встал передо мной на колени?

Шаван ударил себя в грудь кулаком:

– Гной-ганта, я хочу быть лучшим воином твоей орды! Хорошо сражаюсь верхом, хуже – на ногах, а на коленях – совсем плохо.

Пауль спросил имя разведчика. Его звали Алишер.

Когда Алишер ушел, Пауль вновь двинулся вперед, а с ним вместе тронулась и вся орда. Известие о северянах ничего не изменило.

Ганта Корт осмелился дать совет:

– Послушай, Гной-ганта... Северян три батальона, это много, но нас в шесть раз больше, да еще Персты Вильгельма. В поле все преимущества за нами. А вот когда они скроются в Славном Дозоре, сложно будет их расколоть. Не лучше ли пришпорить коней и нагнать врага в степи?

– Нет, – сказал Пауль.

И все. Одно слово – нет. Три батальона кайров – сила, способная пройти Рейс насквозь, – даже не заставила Пауля задуматься.

– Он просто не пойдет в Славный Дозор, – услышала отраженная в зеркале Аланис. – Зачем ему туда? Шаваны хотят грабить Север, вот и двинутся на Север вдоль Дымной Дали. Лиллидей засядет в крепости, мы пройдем мимо, вот и все.

Отраженная Аланис была бледна, несмотря на жару. Она предчувствовала нечто очень скверное.

От бывшей бригады осталось только четыре человека. Каждому Пауль определил особую роль.

Кнут стал именно кнутом: орудием наказаний. Если кто-то из шаванов вызывал недовольство Гной-ганты – хоть и редко, но такое случалось – то Пауль звал Кнута и указывал на виноватого. А Кнут просто говорил:

– Тебе больше не место в орде. Садись на коня и уезжай. Ты недостойн быть с нами.

Никого не били и не убивали, изгнание считалось самым тяжким из наказаний. И верно: шаваны боялись его, как конь – змею. Принимались уговаривать и умолять, предлагали Кнуту взятки. Тот был непреклонен и следил, чтобы виновник уехал прочь.

Бывало, некоторые потом возвращались. Вливались в орду, надеясь, что их не увидят, а когда заметят – все уже забудется. Дважды Кнут замечал таких. Он заставил их спешиться и росчерком плети раздробил ноги и руки. Орда ушла дальше, оставив за собой умирающие обломки.

Муха был для Пауля лишней парой глаз. Чего не видел сам Гной-ганта, о том докладывал Муха. Он легко находил с людьми общий язык, с ним делились сведениями и слухами. Ни разу никого не наказали по доносу, взыскания налагались только за то, что Гной-ганта видел лично. Но иногда, узнав что-нибудь об одном из шаванов, Пауль звал его к себе:

– Ты – хороший всадник. Как твое имя?

Шаван назывался, и Пауль разрешал ему несколько минут ехать рядом, внутри круга ханидов. Близость к Гной-ганте была лучшею, самой ценной из наград. Не считая, конечно, владения Перстами.

А лучницу Чару Пауль называл своей молнией. Она овладела Перстом еще в Рей-Рое, буквально за день, будто была рождена для него. Кнут и Муха стреляли пока что лучше Чары, но было ясно: стоит ей набраться опыта – и она станет самым грозным воином орды.

– Покажи, как ты это делаешь, – говорил Пауль жадно, с похотью, будто велел ей раздеться и поласкать саму себя.

– Цель? – спрашивала лучница.

Он указывал птицу в небе или подбрасывал вверх комок земли. Чара делала вдох – и стреляла. В отличие от всех солдат бригады, она не поднимала руку, а била снизу, от бедра. Коротким движением сгибала локоть и метала в небо огонь. По неопытности Чара промахивалась – но тут же делала второй, третий выстрел с такой скоростью, что вся очередь занимала один вдох. Ни одна цель не доживала до второго вдоха лучницы.

– Ты очень хороша, – говорил Пауль. – Одна положишь целую роту.

Нельзя было понять, приятно ли ей. Кажется, смуглые щеки Чары становились чуть краснее.

– Покажи, как ты это делаешь, – сказал Пауль, указав на шавана. Одного из тех, кого Кнут изгонял из орды.

– Он – наш, – возразила Чара.

– Он провинился.

– Кнут накажет. Убивать своих я не стану.

– Ты хотела убить Морана.

– Только его.

Пауль медлил, давая Чаре ощутить, как ее собственная жизнь качается на весах. Смотрел ей в лицо, ища признаков страха. Чара не бледнела и не отводила взгляд. Ее мужество возбуждало Пауля.

Кнут, Муха и Чара имели также одну общую роль: тренировать ханидов. И во время привалов, и прямо на ходу они обучали избранных владеть Перстами. Муха был самым веселым из наставников, шаваны буквально обожали его. Кнут требовал жесткого послушания и пугал расправой. Чара вела себя так, будто ей плевать на учеников. Однако лучшей наставницей была именно она. Где Муха говорил сотню слов, там Чара обходилась десятью – но эти слова попадали в самую суть. Чара умела сказать именно то, что заставляло ученика выстрелить как надо. Если у кого-то что-то не получалось – она не наказывала; если делал большие успехи – не хвалила. Но однажды она вывела ханида из строя и подвела к Паулю:

– Этот не годится. Он не стрелок.

– Почему?

Чара потеряла кончиками пальцев – будто в пальцах стрелка должно быть нечто такое, чего нет у этого парня.

– Уверена?

Она щелкнула себя по горлу – шаванский жест: мол, крайнее слово сказано.

– Сдай Перст Вильгельма, – приказал Пауль ученику.

Тот побелел:

– Но как?.. Я же достоин, я избран!.. Гной-ганта, отдай меня другому наставнику, я научусь!

– Перст Вильгельма, – повторил Пауль.

Внутри шавана что-то шелкнуло – и он кинулся бежать. Несколько ханидов прицелились ему в спину, однако Пауль запретил стрелять. Поднявшись в стременах, он закричал так, чтобы слышали на много ярдов вокруг:

- Кто убегает, тот недостоин! Шаваны, поймайте его и заберите Перст!
- Он будет защищаться, – предупредила Чара. – Хоть и плох, но с близка попадет.
- Так и хочу.

Дюжина шаванов выхватилась из ближайшего отряда, ринулась наперерез беглецу. Он открыл огонь. Как и сказала Чара, он бил мимо, снова мимо, снова. Но когда ловцы приблизились, стал попадать в цель. Кто-то вспыхнул заживо, другого прожгло насквозь, третьему выгрызло дыру в боку. Несколько испугались и ринулись наутек. Но четверо не струсил – добежали-таки до ханида и изрубили в куски. Один подхватил отсеченную руку с Перстом и с нею подскочил к Паулю:

- Я достоин! Прими меня, Гной-ганта!

Тот поцеловал шавана в губы. Затем подозвал тех, кто не завладел Перстом, но и не испугался огня.

- Вы – хорошие бойцы. Назовите ваши имена.

Только у Аланис не имелось роли. Раньше она была пленницей, потом – кем-то вроде советника, теперь – никем. Конечно, Пауль не дал ей Перст. Но и советов больше не просил, и охрану не приставил. Аланис просто ехала с ним рядом, в круге избранных. На нее смотрели с завистью и вождедением. Она понимала: шаваны хотят не ее тело, а место – возле владыки вечности. Ничем не заслуженное, не добытое в бою, данное за так. Ей хотелось кричать:

– Да очнитесь вы! Он не Гной-ганта или Дух Червя, или что-нибудь еще! Он просто слуга одного лорда-интригана. Он говорит с Предметами – и все, ничего больше!

Аланис говорила это зеркальцу... и не видела веры в лице отраженья.

Ей выделили личный шатер. Пауль, Кнут и Муха спали под открытым небом, как в песках Надежды, но для Аланис устроили особое жилище. В шатре стелили ковер под ноги и густую овчину для сна, ставили вино и яства, приносили воду и кадку для омовения. Пища была вкусной, вода – чистой, вино – хмельным. Две девушки прислуживали Аланис, обе – из знатных семей. Они помогали герцогине умыться, раздеться, расчесаться; накрывали стол, уносили посуду; заботились о здоровье и самочувствии; разминали плечи и стопы. Аланис слишком изголодалась по достойной жизни и не смогла заставить себя отказаться от привилегий. Но и не перестала задаваться вопросом: какого черта? В пустыне я все делала сама, и Пауля это не волновало. Что переменялось?

Она спросила Пауля – осторожно, полунамеком. Получила в ответ:

- Так мне захотелось.

Спросила Кнута и Муху – услышала:

- Не спорь. Как приказано, так и делай.

Спросила Чару – та сказала:

- А в чем беда? Тебя там скучно? Хочешь, приду на ночь?

И, действительно, пришла. Выгнала служанок, поела вместе с Аланис, выпила вина. Потом без тени стыда разделась, залезла в кадку, попросила полить воды на спину. Это было очень странно и слегка конфузно. Аланис помогла ей помыться из расчета потом поговорить и узнать обо всем. Но лучница, видимо, устала за день, да еще разморилась от вина. После ванны сразу уснула, а утром сказала:

– Спасибо, сестра. У тебя вкусно, но душно и жарко. На ужин еще зайду, а спать лучше под луной.

Аланис стала понимать еще меньше, когда служанки принесли новую одежду. Сундук был наполнен платьями южного покроя – очень легкими, открытыми, почти прозрачными. Многие расшиты золотом или жемчугом, вдобавок имелась шкатулка дорогих украшений.

– Гной-ганта просил вас, госпожа, надеть что-нибудь из этого.

И вновь странное чувство. Платья были хороши – почти достойны герцогини Альмера. Голые ноги и плечи не смущали ее, Аланис никогда не стеснялась своего тела. Но – какого черта? В чем подвох? Зачем Паулю хлопотать обо всем этом?..

Она выбрала наряд, дала себя одеть и расчесать. Сев на коня, обнаружила просчет: платье не годилось для верховой езды, бедра оголились почти целиком. И пускай, – решила она, – сегодня смотрите на меня, а не на вашего Гной-ганту! Ханиды смотрели. Пугливо прятали взгляд, но не могли побороть себя, глазели снова. На их лицах, кроме вожделения, Аланис видела нечто еще: благоговейный трепет. А Пауль сказал ей два слова:

– Хорошо. Подходит.

Назавтра она оделась целомудренней, но столь же роскошно. И снова заслужила сухую похвалу Пауля. Без страсти, без жажды – мол, хорошо исполнила приказ.

Вечером он явился к ней на ужин. До Славного Дозора оставалось десять миль, разведчики уже достигли замка: Снежный Граф надежно укрепился в нем. Увидев Пауля, Аланис ощутила почву под ногами. Я – агатовка и альтесса Ориджина, я прошла вместе с кайрами всю Северную Вспышку. А ты – самозванец и лжец. Тебе нужен мой совет, чтобы разыграть великого полководца!

– Ну что же, сударь, вы разработали план атаки? Желаете поделиться со мной?

Он молча съел немного и начал рыться в сундуке с вещами.

– Там нет военных карт, – с насмешкою молвила Аланис. – Все только у меня в голове.

Пауль вытащил на свет пару шелковых тряпок.

– Надень.

Аланис давно не испытывала стыда перед Паулем. В пустыне прятаться некуда, пришлось забыть о том, что такое интимность. Переодевание ее не смущало, но сам выбор платья!..

– Это же дрянь. Такое носят шиммерийские шлюхи.

– Наденешь сама, или помочь?

Она переделалась и на сей раз не посмотрела в зеркальце. Без него все было ясно.

Пауль придирчиво оглядел ее, приказал:

– Это сними, вон то надень. Смени обувь на вот эту. Примерь такое ожерелье.

Она вдруг поняла:

– Вы собираетесь на переговоры?! Шлете парламентаров к Лиллидею? Тьма, я не поеду в этом!

Он усмехнулся. Она обозлилась:

– Это наряд потаскухи! Мне даже перед вами стыдно, хотя кто вы такой! А Снежный Граф – знатный зрелый дворянин, он мне в отцы годится. Я не поеду к нему так!..

Она стала сдирать с себя тряпки. Пауль велел:

– Успокойся, не пойдешь ты к Лиллидею. Садись, ешь!

Нехотя она опустила на ковер.

– Чего вы, тьма сожри, хотите? Женщину? Напоследок, перед боем? Вдруг завтра убьют, а вы голодный!.. Идите к Чаре, вы созданы друг для друга.

Пауль отчего-то продолжал веселиться.

– Никакого боя не будет, – ядом сквозь зубы процедила Аланис. – Вы так надрыгаетесь, чтоб выглядеть этим Гной-гантой! Сражение явно ни к чему. Если Лиллидей задаст вам трепку, шаваны мигом разбегутся. Что за Гной-ганта, которого можно побить!

– На, – он протянул ей чашу с вином.

Она вылила на ковер.

– Довольно. Хотите моего совета – спрашивайте. Хотите играть – играйте не со мной.

– Ты советуешь пройти мимо Славного Дозора на север? И дальше – вдоль Дымной Дали?

– Да. Вы ничего не получите, победив Лиллидея, но от поражения потеряете все.

– Какой самый быстрый путь отсюда в графство Шейланд?

Стоило спросить: на кой черт ему в графство Шейланд? Но сейчас – не до этого.

– Конечно, кораблями. В Славном Дозоре их очень мало, и против течения трудно идти.

– А где много кораблей и нет течения?

– На Дымной Дали... Хотя нет. Ориджин, вероятно, нанял все возможные суда, чтобы перебросить свою армию. Нужно ехать сушей.

– Спасибо за совет.

На миг она ощутила превосходство и уверенность. Спросила прямо:

– Объясните мне: зачем все это? Драгоценности, платья, шатры, вино? С каких пор вам не плевать на то, как я живу?

– Ты – женщина Гной-ганты, – сказал Пауль так спокойно, что она даже не испугалась. – Посмотри на себя.

– Надеюсь, меня не стошнит.

Аланис заглянула в зеркало. Наряд обманул ожидания. Он выглядел лишь отчасти пошло, а в большей степени – страшно. Цвета свернувшейся крови и болотной зелени, и дубленой кожи так смешивались в нем, что платье казалось сшитым из фрагментов трупа.

– Святые боги!..

Она потянулась к завязкам, чтобы сбросить эту дрянь. Но замешкалась, присмотрелась к отражению. Жутко, мерзко... таинственно... властно.

– Я – Гной-ганта, – сказал Пауль. – Владыка смерти, разложения и тлена. Ты – моя женщина. Мой член, похожий на могильную змею, вползает в твоё лоно и наполняет его ядом. Ты умираешь в минуту оргазма, потом я оживляю тебя.

Аланис зажала рот рукой и ринулась к кадке. Пауль погладил ее волосы и вышел прочь. Дрожа, она села на ковер. Приступ тошноты улегся быстро, его почти и не было, Аланис изобразила его, чтобы скрыть иное чувство: страх.

Доползла до любимого зеркальца, прошептала:

– Это ложь. Он – просто человек. Он не возьмет меня, а если попробует – я его убью.

Отражение белело от испуга. Аланис высмеяла его:

– Неужели поверила? Ты выжила из ума! Какой еще владыка тлена?.. Нет такого существа! Его придумали старые шаваны, чтоб пугать молодых и дурных!

У отражения тряслись губы.

– И знаешь, я добавлю еще кое-что. Завтра он пойдет на штурм, и Лиллидей спустит с него шкуру. В Эвергарде было триста человек, они положили почти половину бригады. У Лиллидея – три тысячи. Что скажут шаваны, когда Гной-ганта побежит, как кролик?

Она поцеловала отражение и принялась за вино.

* * *

Над крепостью поднимался дым. Три черных хвоста тянулись от башен и сплетались в густую брюхатую тучу. Ворота не было. Трещина змеилась по всей высоте надвратной башни, от земли до черепичной крыши. На галереях в просветах бойниц тут и там мелькали фигуры шаванов. Подбирали тяжелые, мешковатые предметы, переваливали через парапет, швыряли со стены. Трупы северян сыпались в ров. Не всегда целиком, зачастую – кусками.

Группа пленных стояла на коленях перед Паулем, а вокруг – ханида вир канна, достойные видеть. Их стало заметно меньше, но их это не волновало. На жадных, хищных, пьяных от

крови лицах читалось счастье. Мы победили! Разгромили три батальона волков! Перебили, как собак, распотрошили, как свиней! Мы сделали это, мы – достойные! А теперь достойны увидеть, что Гной-ганта сделает с пленниками.

Аланис тоже была рядом – где еще быть фальшивой любовнице владыки смерти? Раньше вот так, в ожидании казни, стояли перед ней бедняки из пустыни. Теперь – греи и кайры, и несколько искровых гвардейцев. Солдаты, которых сама Аланис не задумываясь бросила бы в бой. Люди, коим по долгу службы положено умирать. Но, тьма сожри, не так! Не на коленях и не от рук швали!

– Где Лиллидей? – холодно спросил Пауль.

Вокруг него роились черные мушки Вечности.

– Граф погиб, – сообщил Кнут. – Вот его тело.

Он махнул кому-то. Пара шаванов подтащила и бросила труп к ногам Гной-ганты.

Аланис замутило. Да, все как она сказала: зрелый знатный дворянин, суровое лицо, роскошно седые волосы... Правая рука вырвана из сустава, торчит сквозь кожу плечевая кость. Левая до сих пор сжимает рукоятку даги, всаженной меж ребер.

– Почему он мертв?

– Гной-ганта, ты сам видишь: он убил себя.

– Я вижу. Как это случилось?

Один из ханидов ответил с ухмылкой, поглаживая свой Перст Вильгельма:

– Гной-ганта, я первым нашел белого волка. Он кинулся с мечом, а я его плетью – рука долой, уже не боец. Тут налетели другие – я их так и так. Накрошил десяток, не меньше! А когда повернулся к этому шакалу, он уже сдох. Сам себя зарезал!

– Я велел взять его живьем. Ты не исполнил приказ.

– Как это? Гной-ганта, он же сам! А я все как надо!..

Пауль встал на труп Лиллидея, сделавшись на голову выше. Сказал громко, но ровно, без крика:

– Если я даю приказ, вы исполняете его в точности. Если говорю взять живьем, вы приводите живого. Это не сложно.

Одна Аланис успела заметить – да и то лишь потому, что ждала подобного. Коротким, быстрым движением Пауль метнул невидимую плеть. Тот шаван, что убил Лиллидея, даже не сразу понял. Его вооруженная рука вдруг повисла, перебитая в плече. Вдохом позже боль достигла сознания.

Перекрывая ор шавана, Пауль произнес:

– Если отрубить человеку правую, он может держать нож в левой. Чтобы этого не случилось...

Свист повторился. Вторая рука шавана повисла, как хлыст. Крик стал почти нестерпимым, но голос Пауля звучал мощнее:

– Вот что значит – взять живьем. Кто не понимает этого, тот не достоин. Сдай Перст!

Кнут отнял Предмет и погнал калеку прочь. Вой продолжал звучать, пока расстояние не скрыло его.

Тогда Пауль повернулся к пленным. Их была без малого сотня. Многие ранены, оглушены, избиты, некоторые почти без сознания. Но были и здоровые, своею волей сдавшиеся в плен.

– Хотите жить? – спросил Гной-ганта.

Один из кайров поднял залитое кровью лицо, пожевал слюну и харкнул под ноги Паулю.

Мушки Вечности были наготове, одно движение – и кайр отправится в идову тьму, следом за Мораном и Беккой. Но Пауль только повторил:

– Я спрашиваю: хотите жить?!

Другой кайр плюнул ему в ноги и выкрикнул:

– Слава Агате!

За ним отдалось эхо:

– Слава Агате!.. Слава... слава!..

Кричали все до единого. Серые от кровопотери, поломанные, изрубленные, теряющие сознание. Кричали во весь дух, в полную силу легких. Кто мог, поднимался с колен.

– Слава Ориджину!

Все знали, что это – последние слова, других не будет. На лицах, измученных болью, проступала... радость.

– Слава Первой Зиме! Слава Агате!

В глазах у Аланис поплыло от слез.

Зато Пауль и Муха смотрели внимательно, зорко.

– Вон тот, – сказал Пауль.

– И тот, в заднем ряду, – добавил Муха. – И еще крайний справа.

Трех северян отделили от группы. Они выделялись отсутствием света в глазах. Они все еще боялись умереть.

– Этих допросить, узнать все, – велел Гной-ганта. – Остальные... бегите!

Никто не тронулся с места.

– Там Холливел, – сказал Пауль. – Кто добежит до реки – останется жив.

– Слава Агате! – ответили пленные.

– Чара, – сказал Пауль.

Лучница вышла вперед.

– Северяне, проклятые волки. Вы топтали мою родину веками, захватывали, грабили. Я бы всех вас убила сама. Но моим ученикам нужна тренировка.

Ханиды из ее отряда охотно подняли Персты.

– Я дам двадцать вдохов форы, потом прикажу открыть огонь. Бегите к реке. Кто добежит живым, в того не стреляем.

Аланис не выдержала:

– Да отпустите же их, тьма сожри!

Чара сказала:

– Раз.

Потом сказала:

– Два.

Потом:

– Три...

Никто не шевелился. Лишь те, кто стоял, протянули руки друзьям, помогли подняться.

– Семь, – сказала Чара, – восемь.

Один из них смотрел на Аланис, это было хуже всего. Так, будто она виновата... Будто она и вправду... Будто... Тьма!

– Десять, – сказала Чара.

Потом сказала:

– Одиннадцать.

Ханиды переглядывались, распределяя цели. А тот кайр все смотрел на Аланис, и она чувствовала змей в своем лоне и яд, и тлен, и все... Поглядела бы в зеркало, но нет его, есть только глаза кайра. В них ясно, смертельно ясно виделось отражение. Кем она стала теперь...

– Шестнадцать, – сказала Чара, и северянин выкрикнул:

– Слава Агате!

– Семнадцать.

– Слава Первой Зиме! – подхватили все.

– Восемнадцать.

- Слава Ориджину! – как на параде, хором.
- Девятнадцать...
- Слава Агате! – закричала Аланис Альмера, давась слезами. – Слава Агате! Слава...
- Двадцать, – сказала Чара. – Огонь.

* * *

Большой темный рубин красуется на перстне. Аланис нашла его в шкатулке с драгоценностями в своем шатре. Он напоминал другой, подаренный отцом. Тот перстень был на ее пальце, когда бежала из Эвергарда. Потом отдала его случайному путнику в оплату за лошадей... И вот на ее руке новый, похожий на тот.

Пока Пауль говорит, она разглядывает свою ладонь. Длинные тонкие пальцы, бархатистая кожа, блестящие перламутром ногти. Массивный рубин подчеркивает изящество ладони. Она думает: вот почему я всегда любила крупные камни. Она старается вспомнить: что еще я любила всегда? Какою была? Из чего состояла? Какими нитками можно сшить себя воедино?..

Пауль говорит, и все, кроме Аланис, слушают его, затаив дыхание. Он говорит кратко, добавляя веса словам:

– Вы победили. Разгромили Лиллидея – одного из лучших волков Севера. Это победа, которой можно гордиться. Вы – достойные сыны Степи!

Они что-то орут в ответ, Аланис думает: я любила свой замок. Эвергард такой большой и разный. Я брала у него все, что нужно. В донжоне – отцовский кабинет и приемный зал, там становилась взрослой, важной, умной. «Юная леди», – говорили мне, и я могла поправить: «Просто леди, милорд». В стенах донжона – тайные ходы со слуховыми окнами. В них я получала власть. Пряталась, исчезала из виду, но сама-то слышала всех! Могла вмешаться в их жизни, они в мою – нет. Во дворе я красовалась, конечно. Во всех трех дворах, особенно в нижнем, куда пускают чужаков. Всегда выбирала, как нарядиться туда. Я в верхнем дворе – папина дочь, но в нижнем – ее светлость инфанта Альмера...

Пауль говорит о погибших ханида вир канна. Обещает лично устроить их души в Орду Странников. Все шалеют от восторга, будто верят этой чуши. Пауль называет имена шаванов, которые унаследуют Персты и станут новыми ханидами...

Аланис думает: я любила случайные встречи. На южном склоне замкового холма есть виноградник. Ухоженный, прозрачный, там приятно полежать с книгой в теплый день. Вдвойне приятно – встретить кого-нибудь. Виноградник – тихое место, особенно под вечер. Парочки назначали там встречи, надеясь остаться наедине. Пришли – а тут дочка герцога. Я играла невинность: «Что вы, останьтесь, не помешаю! Я вся целиком в книге, меня тут вовсе нет!» – но, конечно, никуда не исчезала... Еще потешнее, когда парень приходил раньше девицы. Я заводила премилую беседу, он не смел уйти. Мы болтали о том, о сем, пока не являлась его барышня. Лучше всего в этот миг поправить парню шейный бант или вместе рассмеяться над какой-нибудь шуткой – чтобы его девица ощутила себя самым лишним человеком в герцогстве Альмера. Потом сказать: «Ох, простите, что украла столько времени. Оставляю вас в лучшем обществе!» И лечь обратно к своей книге, и долго давиться от смеха, слушая, как они вдвоем пыхтят: она – от ревности, он – от стыда...

Пауль говорит о каком-то человеке – достойном из достойных, избранном из избранных. Он привел Пауля в подлунный мир. Благодаря ему удалось... Без него бы не...

Аланис рассматривает собственные пальцы, думает: еще я обожала пансион. Как же там было забавно! Смешная Хелисса со своими любовными письмами... и орлом. Боги, как он ее только не склевал! Зазнайка Деметра чуть не лопалась от важности: ах, я принцесса юга, целая дочь короля! Младшие девчонки бегали за нею, точно свита. Наставница Мириам только и

делала, что конфузила всех и смотрела, как мы выкручиваемся. Прямо шут Менсон в юбке! И Иона... с нею все можно было...

– Граф Виттор Шейланд один бьется с нашими врагами. Мы соединимся с ним, и он откроет нам врата к власти над миром. Граф Шейланд – наш брат!

Звук имени выдирает Аланис из глубин памяти. Клецами, с хрустом, как гнилой зуб.

Виттор Шейланд?..

Виттор – Кукловод?!

– Это он – достойный из достойных?.. – переспрашивает Аланис.

Ее голос неразличим за воплями шаванов. От взмаха руки Пауля становится тише, и он говорит:

– Силы Шейланда заперты в Уэймаре. Мы придем ему на помощь и вернем мой долг. Шейланд привел меня в мир людей – я отплачу ему, когда порву кольцо осады. А заодно, мы убьем Десмонда Ориджина!

– Старый нетопырь там?.. – не верит Юхан Рейс. – Говорят, что он болел...

– Этот зверюга не захотел ложиться в пыль. Мы ему поможем!

Снова пьяные крики, стук кулаков о дерево стола.

За воплями Аланис едва слышит свои мысли. Не может быть... Ведь не может же!.. Шейланд – трус, размазня, торгаш. Он – Кукловод?.. Ладно бы дядя... Ладно бы сам Пауль... Но Виттор! Как?..

Теперь она слушает гораздо внимательней, ловит каждое слово. Среди шаванов намечается размолвка. Несмотря на веселье и хмель, они замечают подвох. Гной-ганта зовет в Уэймар, чтобы сразиться с Десмондом Ориджином. Встретить самого опасного врага на свете, потерять множество всадников – и что получить? Всего лишь Уэймар, уже разграбленный кайрами? Прости, Гной-ганта, мы не хотим тебя обидеть, но в мире есть и более заманчивая добыча.

– Какая же? – спрашивает Пауль.

Тут шаваны делятся на два лагеря. Во главе одного – Чара и однорукий здоровяк Сормах. Они говорят:

– Младший волк в степи, старший – в Уэймаре, а значит, Первая Зима беззащитна. Ударим в самое сердце врага! Растопчем его родину, отомстим за все!

Но ганта Корт и Юхан Рейс предлагают иное:

– Волки уже получили свое. Мы убили Снежного Графа, а скоро ляжет в пыль и герцог Эрвин. Северяне надолго запомнят нашу силу. Так стоит ли идти в Ориджин? Он далек, холоден и беден. Фаунтерра – намного ближе и богаче!

Шаваны принимаются спорить. Выбрать сложно: оба варианта слишком заманчивы. Сормах и Чара привлекают кровожадностью: сожжем Первую Зиму, разрушим сердце врага, уьемся мстостью! Рейс и Корт сулят огромную добычу: Фаунтерра – богатейший город, а владычица очень успешна с деньгами. Ее казна так и трещит от золота!

Первые кричат вторым:

– Вы боитесь войти в волчье логово! Трусливые псы!

Вторые отвечают:

– А вы – тупые бараны! Зачем топтать полмира, если рядом можно взять больше?!

Когда руки шаванов уже тянутся к ножам, Пауль начинает хохотать.

– Мальцы, о чем вы спорите? Зачем выбирать? Возьмем и то, и другое!

Все утихают в недоверии. Взять и Ориджин, и столицу?.. Возможно ли?..

– От пленных кайров мы знаем, сколько людей у Минервы и у старого волка. Если правильно разделить наши силы, их хватит на обе цели. Тем более, что на севере нам поможет Шейланд.

Шаваны разевают рты, опьяненные жадностью. Пауль продолжает:

– Младший герцог бродит где-то у Рей-Роя. Мы не дадим ему вернуться живым: оставим засаду здесь, на переправе. А сами пойдем во Флисс. Там ждет человек, который задолжал мне: приарх Галлард Альмера. У него две тысячи воинов и огромный флот. Я возьму его армию и корабли, и часть нашей орды – и отправлюсь на север. Разобью старого волка, освобожу графа Шейланда. Вместе мы двинемся на Первую Зиму и втопчем ее в пыль!

– Смерть волкам! – орет Сормах и ему подобные.

– Другая часть орды не поместится в корабли. Она тоже не будет скучать. От Флисса прямая дорожка в Эрруубэк, а оттуда – на Фаунтерру! Вы ринетесь туда, как вихрь, и сметете войска Минервы. Она не успеет опомниться, как наши подковы зазвенят на площади дворца!

– Вот это верный путь! – сияют Рейс и Корт. – Моран не одолел янмэйцев, но мы сумеем!

– Весь мир ляжет к нашим ногам! – смеется Пауль. – Сегодня – Снежный Граф, завтра – Альмера, потом – столица и Первая Зима! Сами Праматери нас не остановят!

Когда Аланис понимает сказанное, ее будто обливают кипятком. Все тело покрыто ожогом, от ушей до пальцев ног. Крик разрывает горло:

– Как – Альмера?!

Пауль не замечает ее.

– До Флисса доскачем как можно скорее. Галлард в осаде и долго не выстоит, а нам нужен его флот. Альмеру пройдем быстро, самые сладкие плоды – впереди!

– Как – Альмеру?.. – хрипит и кашляет Аланис. – Она – моя!.. Нельзя!..

Ее снова не слышат. Она хватается бутылку и лупит о стол. Другую, третью. Капли, лужи, осколки. Все умолкают, плятятся, разевают рты.

Она встает во весь рост, одетая в нечто, сшитое из фрагментов трупов. В глазах красно от гнева и вина. Она плюет в усатые пьяные морды:

– В Альмеру вам нельзя! Я не позволю!

Она чувствует собственный жар – такой, что впору спечься. Шаваны отшатываются, прячут за кубками рожи. Она хлещет взглядом, словно Перстом Вильгельма, сжигая одного за другим.

– Это – моя родина! Вы не тронете ее! Разинете пасть на Альмеру – сдохнете, как псы!

Ее силы, ее мощи достаточно, чтобы всех раздавить. Превратить в мышей, загнать в щели под половицей. Корта и Юхана, Кнута с Мухой, Сормаха и Чару...

– Альмера не достанется вам. Я – Альмера! Я уничтожу каждого!

Когда она кончает расстрел, за столом остается три десятка мертвецов. Без воли, будто без скелетов. Аморфное мясо, неспособное к бою.

И один живой человек.

Пауль смотрит на нее с ухмылкой, она встречает взгляд. Ну, что ты скажешь? Пригрозишь Перстом? Плевать. Ударишь меня? Не посмеешь. Возьмешь меня? Только попробуй!

Он говорит с вопросом:

– Слава Агате?..

И каким-то образом сбивает ее с ног.

Она хочет бросить ему в лицо: да, слава Агате, слава Альмере, слава Ориджину, проклятый ты пес! Но почему-то не может. Ей не хватает чистоты, чтобы крикнуть это твердо, как те кайры перед казнью. Она будто не имеет права. Агата кривится, когда Аланис произносит ее имя...

– Молодец, – говорит Пауль. – Садись.

Рвется в ней внутри тетива, пустеет колчан. Она валится на скамью, неспособная больше... Пауль притягивает ее к себе грубо, в охапку. Кладет лапу ей на грудь, взасос целует шею.

Говорит шаванам:

– Ну, кто из вас может взнудать такую кобылицу?

Они принимаются ржать. Громко и глупо, с избытком. Смехом отыгрывают свой позор, утверждают себя, расправляют душонки...

Она думает: нет, я все еще – я. Она думает: что бы ни было, я дойду до конца.

Она думает: Альмера...

Искра – 2

Июль 1775 г. от Сошествия Фаунтерра

Стол для стратем играл роль военной карты. Гербовые фишки шестнадцати расцветок отмечали текущее положение войск, флажки со стрелками – направление маршей. Кофейная чашка на краю стола не означала ничего, кроме того факта, что ее величество лично руководит военным советом.

– Господа, моя воля была нарушена, – сказала Минерва Джемма Алессандра, придав словам весь возможный вес. – Я дала шаванам безнаказанно уйти из Литленда при условии, что впредь они станут верными вассалами и никогда не перейдут Холливел. Но миновало всего три месяца – и орда снова на восточном берегу, с огнем и мечом. На сей раз шаваны должны быть строго наказаны! Прошу советов, господа.

Военачальники переглянулись. Движения их глаз подчинялись армейской иерархии. Лейтенант Шаттэрхенд устремил взгляд на капитана Уитмора. Тот повернулся к Роберту Ориджину, носившему чин полковника. Северянин, хотя и не состоял в армии Короны, но все же счел нужным продлить цепочку – и глянул на двух искровых генералов. Алексис Смайл и Йозеф Гор потратили несколько вдохов, чтобы определить первенство меж собою. Их чины и должности были равны, но Смайл командовал тремя полками, а Гор – всего двумя. Заговорил Серебряный Лис, предварительно прочистив горло:

– Мой долг довести до ведома вашего величества истинное положение дел. Будет правильно, если вы примете решение при условии полной осведомленности.

Он сделал паузу, во время которой лица других офицеров стали чуть менее напряженными. Видимо, все были рады уступить слово Серебряному Лису.

– Прежде всего, ваше величество должны ясно понимать: в руках шаванов имеются Персты Вильгельма. Более трех десятков, по свидетельствам выживших из Славного Дозора. А самих шаванов насчитывается около восемнадцати тысяч, они движутся конным порядком и имеют в наличии от двадцати до тридцати тысяч заводных лошадей.

Генерал снова сделал внушительную паузу, и Мира подстегнула его:

– Я все это знаю, сир Алексис. Силы орды отмечены фишками на стратемном поле. Скажу больше: я сама их расставляла.

Серебряный Лис мрачно поглядел на черный клин, вонзившийся в мякоть Альмеры.

– Понимает ли ваше величество, что означают данные числа?

– Восемнадцать тысяч разбойников опустошают Красную Землю, а тридцать тысяч коней доедают все, что не успели сожрать всадники. Мы должны помешать этому!

– Грм... – Смайл покосился на Гора, и тот твердо кивнул: мол, продолжайте, сир, деваться некуда. – Ваше величество, числа означают, что неприятель имеет пятнадцать полных кавалерийских батальонов, усиленных двумя или тремя Перстами Вильгельма каждый. Один такой батальон способен развеять искровый полк вашего величества. А искровых полков у нас только пять.

Мира насупила брови:

– Имея всего три полка, владыка Адриан разбил прошлую орду.

– С нею не было Перстов, ваше величество. Персты Вильгельма меняют все.

Владычица не выразила согласия, и генералу пришлось пояснить:

– Шаванская конница – легкая. Она сильна при маневрах и слаба при лобовой сшибке.

Если шаваны держатся на дистанции, мы осыпаям их стрелами. Наши длинные луки бьют дальше, чем их короткие. Обстрел вынуждает шаванов идти в атаку – и тогда работают наши

искровые копыя. Но Перст Вильгельма рушит всю тактику. Он стреляет дальше, чем длинный лук. Перстоносцы смогут жечь наши войска с безопасной дистанции, ничем не рискуя. Тогда уже нам придется идти в атаку – и она обернется гибелью. Легкая конница шаванов вчетверо маневренней нашей пехоты. Они просто не подпустят нас к себе!

– Иными словами... – Мира все поняла, но не могла поверить. – Вы хотите сказать...

– Мы слабее орды, ваше величество. Мы не имеем способа противостоять Перстам Вильгельма. Шаваны могут перебить нас почти без потерь.

– Благодарю за ваше мнение, генерал Смайл, – Мира выделила тоном слово «ваше». – Генерал Гор, что скажете вы?

Смайл и Гор много лет боролись за должность главнокомандующего. Оба получали ее, оба теряли, оба злорадствовали в адрес друг друга. Гор мог бы поспорить со Смайлом из духа соперничества. Но нет, на сей раз меж генералов царило полное согласие:

– Ваше величество, сир Алексис говорит истинную правду. Военная наука не оставляет нам путей к победе.

– А если заманить врага в лес, где он не сможет стрелять Перстами?..

– В Альмере мало лесов, ваше величество, и орду в них не заманишь всем золотом Короны.

– Встретить неприятеля в замке?..

– Так и поступил Снежный Граф Лиллидей. Замок стал для него гробом: едва шаваны взломали стену Перстами, кайры оказались в западне.

– Подослать лазутчиков, асасинов. Убить вождя орды!

– Любой другой ганта займет его место. Они владеют силой Предметов и не устроятся смерти вождя.

Генерал, вы бесполезны, как тухлое яйцо, – подумала Мира, но на словах поблагодарила и обратилась к верному Шатгэрхенду:

– Что скажет лазурная гвардия?

– Мы будем защищать ваше величество до последней капли крови! – В один голос отчеканили оба лазурных командира.

– Меня не нужно защищать. Мне нужна победа!

Ответом было красноречивое молчание. Тогда она повернулась к Роберту Ориджину:

– Не укажет ли нам путь Светлая Агата?

Северянин ответил угрюмо:

– Агата говорила с кузенком. Теперь он пропал. Возможно, убит.

– Вы тоже агатовец. Ориджин, кайр, бывалый полководец. Дайте совет: как одолеть врага?

– Вашему величеству известен мой приказ. Пока есть возможность, я буду защищать столицу. Если положение станет безнадежным, уйду в Первую Зиму.

Мира топнула ногой:

– Тьма, я не спрашиваю о ваших приказах! Мне нужен совет по поводу... – Как вдруг подлинный смысл сказанного достиг ее рассудка. – Защищать столицу? Почему вы это сказали? Никто не нападает на столицу, война идет в Альмере!

Ориджин прочертил взглядом линию на столе – от Славного Дозора до Фаунтерры. Линия была идеально пряма, как рельсовая дорога.

– Эрвин дошел от столицы до Степи всего за шесть недель. Орда пройдет этот же путь в обратном направлении.

– Но они же... – Мира осеклась. – Они идут... в Альмеру, да?..

– Эрвин говорил, что Пауль в сговоре с бывшим приархом. Если так, то он освободит Галларда из осады во Флиссе. Вот зачем он вошел в Альмеру. А куда двинется потом?

Серебряный Лис сказал:

– Напоминаю вашему величеству: как Пауль, так и Галлард названы еретиками. Обоих ждет суд. Они смогут избежать его, если захватят столицу.

Йозеф Гор добавил:

– А шаваны жаждут расквитаться за Литленд. Они не взяли Мелоранж и остались голодны. Альмера только разожжет их аппетит.

Всю уверенность владычицы словно ветром сдуло. Внезапно остро она ощутила ничтожное число своих лет.

– Вы имеете в виду, господа... что Пауль придет сюда, в Фаунтерру? И мы не сможем ничего сделать?

Офицеры вновь переглянулись, только в обратном порядке. Лис взглядом передал слово Гору, тот – капитану Уитмору, тот – лейтенанту Шаттэрхенду. Самый преданный из ее защитников сказал:

– Главное для нас – жизнь и здоровье вашего величества. Если победа в открытом бою невозможна, то надо рассмотреть варианты вашего спасения.

– Какие же, позвольте уточнить?

Шаттэрхенд принес извинения.

Сказал, что заботится только о владычице. Сказал, что умрет на месте, если хоть один волосок упадет с ее головы. Генералы шумно согласились.

Затем Шаттэрхенд назвал вариант.

Мира не поверила слуху, и даже откинула пряди с ушей.

– Вы предлагаете бежать из Фаунтерры?!

– Ни в коем случае, ваше величество! Это не бегство, а эвакуация.

* * *

За пару следующих дней она двести раз услышала это словечко. Совсем недавно никто и не знал его – а теперь вся Фаунтерра твердила без конца: эвакуация! Эвакуация! Эвакуация!

Придворные шептались о том, где теперь безопасно. В Шиммери идет война с Лабелинами; в Литленде голодно после шаванского нашествия; в Сердце Света крепкие стены – но что они против Перстов? Хорошо в Дарквотере – сквозь болота никакие кони не проедут. Еще лучше – на Фольте ...

Министр путей доложил о том, как исправно теперь работает рельсовая дорога в Сердце Света. И о том, что собрался с инспекцией в Литленд.

Министр двора обсудил с послом Шиммери возможное устройство резиденции в Лаэме. Оба согласились, что белокаменная южная столица буквально создана для царственных нужд.

Послы Литленда и Фейриса пригласили Минерву посетить их родные земли. Ведь летом так хорошо у моря!..

«Первый кредит» Конто начал вывозить свои резервы в Лабелин, банк Фергюсона и Дей – в Маренго.

Шериф Фаунтерры пришел к владычице с очередной просьбой назначить бургомистра, но разговор принял внезапный оборот. Шериф сознался, что, на самом деле, бургомистр уже не очень-то нужен: когда придут эти – ну, ваше величество понимает, – они ведь все равно поставят своего человека. Что действительно нужно, так это прибавить поездов и дилижансов. Скоро на всех станциях начнется толчея. Женщины, детишки – вдруг затопчут кого!.. А ваше величество как себе думает, не пора ли переместиться? Говорят, на Фольте охотно принимают знать из Полариса...

Радовали только лорд Менсон с женою: сияли, словно парочка молодых влюбленных, осваивали укромные уголки дворца и думать не желали ни о чем плохом, о шаванах – в особенности.

Но все остальные... Тьма сожри! Даже уличные проповедники заладили в унисон:
– Вот и пришла расплата! Падает пламенный меч божьего гнева, каждый грешник ответит сполна, никто не сбежит!

Но говорилось это таким тоном, что как раз бежать-то и хотелось. Не только грешникам, а и честным горожанам, и констеблям, и судьям.

– Ваше величество, в целях спокойствия и непредвзятости, верховный суд считает нужным перенести заседания в летнюю столицу...

Больше всего Минерва поражалась одному наблюдению: как нечто постыдное, будучи названо новым словом, становится честным и даже почетным. Бежать от страха – так сказал бы ее отец, презрительно поджав губы. Но теперь есть новый термин: эвакуироваться. Звучит изящно, не отдает позором. Эвакуация – это красиво и в духе времени, и модно, наконец. Эвакуация роднит людей: «Сударь, поедemте вместе, поможем друг другу на чужбине!» Эвакуация дает пищу для бесед: «Сударыня, а вы уже избрали местечко?.. Оркаду очень хвалят... Ах, Сюрлион?.. О, не советую, это яма для малоимущих!» Эвакуация – своего рода светская игра: кто ловчее и с большим комфортом, и с выгодой для карьеры. «Ваше величество еще не обдумали план эвакуации? Тогда позвольте предложить мой вариант. Острова Смайл находятся в близкой доступности, и весьма надежно укреплены. Всего лишь за неделю можно переместить туда весь двор...»

Внезапное превращение трусости в добродетель, готовность бежать с гордостью и наслаждением, превознося бегство как подвиг, – все это ошарашило владычицу. Придворных сдерживало ее присутствие: хотели эвакуироваться вместе с Минервой, без потери должности. Но мещане и купцы уже всю паковали вещи, отсылали мешки и котомки, раскупали места в кораблях и вагонах... Ладно, честь – не многим она присуща. Но обычная жадность куда подевалась? Разве не жалко бросать дома, земельные наделы?.. А родной город – его не жаль?.. А людей, которые не смогут уехать?! Не всем же хватит места в кораблях!

Многие распродавали имущество, хотя цены падали буквально по часам. Другие просто увозили ценности и заколачивали дома. Третьи во всю обрабатывали четвертых, пока еще не собравшихся в дорогу: «Каковы ваши планы, сударь? Уже построили маршрут? Нет?.. Так уж вы не затягивайте, через месяц грянет...»

Но чем громче звучал призыв: прочь, бежать! – тем сильнее восставала против него императрица. Все вокруг будто сговорились манипулировать ею: «Расслабьтесь, не сопротивляйтесь. Ни к чему геройство, езжайте на море, наслаждайтесь жизнью...» Нужно всего лишь уступить – и окажешься в уютной безопасности. Но именно такой манипуляцией, этого самого сорта, ее по горло накормил лорд-канцлер! Месяц за месяцем Ориджин твердил эти самые слова: «Расслабьтесь и наслаждайтесь, зачем рисковать». Он сделал для Минервы то же, что змеиный яд, принимаемый в малых дозах: выработал сопротивление. Мира стала неуязвимой.

На третий день после известия в столицу начали прибывать первые беженцы. Они добрались поездами из западной Альмеры. Большинство из них даже издали не видели орду, однако принимались сеять ужас, едва ступив на перрон. От их рассказов стыла кровь и волосы шевелились на головах. Горожане слушали с сочувствием и страхом, предлагали беженцам помощь... И говорили друг другу с торжествующей уверенностью: «Видите, сударь, все как мы думали: только эвакуация!»

Отголоски дошли до владычицы: «Ваше величество слышали? Какой ужас творится в Альмере!..» Но эффект был обратным. Чем больше давил на нее поток, тем упрямей она стояла на месте. Мира думала: если беженцы прибыли только сегодня, откуда весь город узнал три дня назад? Вести прилетели на птичьих крыльях, а крупнейшие голубятни принадлежат трем хозяевам: армии, Церкви и двору. Кто разболтал мещанам? Кому на руку повальное бегство?

Церковь Праотцов все еще верна разбитому приарху. Монахи с голубятен шепнули новость уличным проповедникам, чтобы те нагнали страху. «Пламенный меч расплаты, кара за грехи...» – Пауль с ордой подтверждают эту песню.

Но только ли монахи виновны? Проповедники давно грозят расплатой, а город испугался лишь теперь. Был и другой слух – из более весомого источника. Дворец? Секретариат? Дориан Эмбер?.. Мира приказала Ворону провести расследование. Но еще до того, как появились результаты, догадалась сама: штаб искрового войска! Генералы как один твердили об эвакуации. Они не хотят рисковать головами ради временной владычицы. Гораздо лучше для них – сейчас покинуть Фаунтерру, а вернуться потом, когда новый император окажется на троне. Вот кто первым пустил слух – наши бравые защитники!

Она приняла решение во время встречи с банкиром. Конто пришел сообщить: золотые резервы банка уже отправлены в Южный Путь под надежной охраной, а затем будут перемещены в Лаэм. Вклад ее величества в полной безопасности. Не желает ли ее величество сделать какие-либо распоряжения?

– Как вы поступили с имуществом банковских точек? – Спросила владычица. – Мебелью, украшениями, самими домами...

– Все исправно работает, ваше величество, – заверил Конто. – В каждой точке стоят очереди: люди хотят отослать деньги из Фаунтерры. Мои услуги – нарасхват.

Мира обрадовалась, встретив единомышленника:

– Значит, вы остаетесь?

– О, нет, ваше величество, – Конто улыбнулся так, словно был принят за глупца и подивился столь вопиющей ошибке. – Я оставил себе неделю, чтобы устроить все дела. Затем сяду в корабль и отплыву в Шиммери, судно уже заказано.

– Как жаль...

– Отчего? Разве ваше величество едет не туда же?

– Я?.. В Шиммери?..

– Полноте, это же не тайна. Конечно, вы скрываете планы, но угадать легко. На свете пять великих столиц, и лишь одну из них война никак не достанет: белокаменный Лаэм. Только он достоин принять двор императрицы!

– Что ж, раз так...

И тут Мира ощутила забытое чувство: жжение кожи в местах, где привязаны управляющие нити. Банкир хочет, чтобы я уехала. Двор хочет, чтобы уехала. Даже военные хотят. Конечно, им же лучше: вместо сражений – отдых у моря! Все они думают, что решили за меня.

Но знаете: я все еще императрица.

Решать буду я!

Минерва улыбнулась банкиру:

– Вы спрашивали моих распоряжений на счет вклада. Половину денег превратите в векселя и выдайте мне лично. А на вторую скупайте дома. Как можно лучше и дешевле. Я хочу владеть целой улицей, а лучше – районом.

– Весьма разумно, ваше величество! – Конто расплылся в ответной улыбке. – Лучшие улицы Лаэма прилегают к бухте, я бы предпочел именно их.

– В Лаэме?.. Нет, сударь, вовсе нет! Скупайте здания здесь, в Фаунтерре! Они упали в цене, не правда ли?

* * *

На лицах офицеров играло удивление. Ее величество собрала их снова в той же самой комнате, над тем же столом для стратем, что и четыре дня назад. Расположение фишек слегка

изменилось: черный клин глубже вонзился в альмерскую плоть. Орда безудержно наступала, отвечая всем прогнозам полководцев. Их удивляло не это, а срочный смотр войск, учиненный императрицей. Она объявила о смотре... вчера. Еще и отказалась выехать в места расположения, а потребовала построить полки здесь, перед дворцом!

Ночь ушла на лихорадочную рассылку вестовых, сбор офицеров с городских квартир, приведение полков в походную готовность. Нечего было и мечтать – собрать в такие сроки весь личный состав. Но к десяти утра, с праматеринской помощью, удалось поставить под знамена больше половины искровиков. Все и не требовались: Дворцовый остров не вместит всех. С имеющимися силами два генерала выступили из расположения частей и вошли в Фаунтерру: Серебряный Лис с запада, Йозеф Гор с севера. Их марш через столицу произвел на горожан впечатление. Три тысячи отборной искровой пехоты с полностью заряженными, сияющими копьями. Две тысячи стрелков с огромными луками почти в человеческий рост. Тысяча блистательной кавалерии в гербовых доспехах, под змеящимися вымпелами. Мещане высыпали на балконы, запрудили переулки, загомонили в недоумении: это что же, эвакуация уже началась? Войско бежит? Так вроде, не из города идут, а наоборот. И во всеоружии, готовые к бою... Пospешность и многочисленность марша создала заторы. Некоторые роты подолгу ждали прохода, и мещане осыпали офицеров вопросами: «Куда? Зачем? Сражаться будете? Побьете этих, или что?..» Офицеры сами понимали немного, но, храня честь мундира, отвечали с апломбом: «Служим ее величеству! Кого прикажет – тех и побьем!» Среди мещан, наблюдавших шествие, попались несколько авторов «Голоса Короны». Они схватили блокноты и увязались за колонной, чтобы вызнать как можно больше. Дорогою авторы обсудили события и пришли к выводу, что объяснений может быть только два: либо ее величество вместе с войском эвакуируется, либо наоборот – выступает на войну. Второе, конечно, предпочтительней: такой заголовок поднимет продажи «Голоса» до небес. А в первом случае мещанам будут не до чтения – все побегут складывать вещи.

Генералы, заинтригованные не меньше остальных, оставили войска на попечении строевых офицеров, а сами вместе со штабными поскакали вперед, во дворец. Ее величество приняла их сразу, но не дала пояснений. Из игровой комнаты она вышла на балкон и стала наблюдать, как искровые колонны втягиваются на остров. Генералы ожидали похвалы, ведь войско было поднято и приведено в самые короткие сроки. Причем, несмотря на спешку и заторы, колонна не развалилась, роты не смешались, и при необходимости могли бы изготoвиться к бою. Для пушного эффекта генерал Смайл, чьи полки добрались первыми, скомандовал боевое построение. Прозвучали сигналы горна, командиры роздали приказы. Колонна сходу начала разворачиваться в классический боевой порядок. Площадь была поделена между ротами, каждое подразделение, прибывая, сразу шагала на свой участок. Перед балконом императрицы стремительно росла стена щитов и копий. Пехотинцы составляли фалангу, за их спинами строились лучники – не квадратами, а цепью для полной свободы движений. Конные эскадроны разлетались на фланги, сминая траву на газонах. Перед фронтом выдвинулись офицеры и знаменосцы. Один за другим взлетели ротные вымпела, давая понять: подразделения готовы к бою.

Серебряный Лис засек время по карманному хронометру и остался доволен. Первый полк принял боевой порядок за шестнадцать минут. Прекрасное время! Встретившись в поле с кавалерией врага, он успел бы изготoвиться и отразить удар. Генерал Йозеф Гор одобрил успехи сослуживца. Но владычица выразила недовольство:

– Отчего их так мало?

Генерал не думал, что Минерва умеет на взгляд оценивать число бойцов. Это стало неприятным сюрпризом.

– Ваше величество, смотр назначен слишком быстро. Многие не успели вернуться с квартир.

– Почему вы отпустили людей на квартиры? Разве не идет война?

– Война в Альмере, ваше величество. Устав велит поднимать знамена только при нападении на Землю Короны, или по приказу вашего величества.

– А в каких случаях устав велит эвакуироваться?..

Генералы замешкались с ответом. Императрица смягчилась:

– Впрочем, вы правы: выучка войск заслуживает похвалы. И я приготовила соответствующие награды.

По взмаху ее руки секретари внесли на балкон и раздали шкатулки, украшенные перьями и мечами. Два генерала и каждый штабной офицер получили по одной, еще одна досталась самой Минерве. Каждый присутствующий офицер не раз уже бывал награжден и наполнился предвкушением от вида шкатулок.

Владычица вышла вперед. Войско тут же заметило ее и приветствовало тройной «Славой Янмэй!», после чего воцарилась тишина.

Минерва подняла руку, облаченную в Перчатку Могущества.

– Славные воины Короны, приветствую вас! Благодарю, что пришли на мой зов!

Гвардейцы смотрели во все глаза. До сей поры мало кто видел ее в Перчатке, но все помнили, как зимою этот Предмет спас Фаунтерру.

– Бойцы, вам следует знать. Придворные советуют мне бежать из города. Они зовут это эвакуацией.

Сияющей ладонью Мира открыла шкатулку и показала войску бумажный прямоугольник.

– Это – билет на поезд до Маренго. Такие же есть у всей знати. И у ваших генералов!

Она глянула через плечо:

– Ну же, откройте, покажите!

Генералам и штабным некуда было деваться. Шкатулки открылись одна за другой. В каждой лежал билет. Войско на площади застыло в тревожном ожидании.

Она повернула ладонь и шепнула слово. На глазах у тысячи бойцов билет воспарил над рукой владычицы. Ветер метнул его в сторону, но Мира поймала бумагу лучом и удержала перед собой. Потом стала удлинять луч – и билет поплыл вперед. Пролетел над балюстрадой, над мраморными ступенями веранды, над головами офицеров. Очутился над фалангой искровиков – и сменил направление, поплыл вдоль шеренги, едва не цепляясь за наконечники копий. Солдаты не смели поднять головы, устав велел смотреть строго перед собою.

– Вольно! – Крикнула Минерва. – Посмотрите вверх!

Все взгляды прилипли к билету, плывущему по воздуху. Мира выставила напоказ свою силу. Подняла листок повыше, выписала им священную спираль, потом резко бросила вниз, чтобы нанизать на солдатское копьё. Невесомый билет не накололся, а просто лег на острие – но это выглядело еще внушительней. Листок бумаги трепетал под ветром, но продолжал лежать на кончике копья. Перчатка Янмэй держала его на месте.

Владелец копья потянулся к билету, отдернул руку, глянул на императрицу.

– Возьмите! – Крикнула Мира. – Возьмите, мне он не нужен!

Солдат поймал листок, и она убрала контроль.

– Я остаюсь в Фаунтерре. Это – мой город. Пока я жива, орда не доберется до него! Вместе мы защитим столицу!

Войско молчало, еще не оправившись от Перчатки. Тот копейщик так и держал билет над собой.

– Продайте его! – Сказала Мира. – Или порвите!

Солдат скомкал билет так, будто хотел уничтожить. Но порвать не мог: оружие занимало одну руку. Мира точно нацелила луч и выхватила у него копьё, и подняла повыше, чтобы видел весь полк.

– Рвите же!

Воин разодрал бумагу в клочья и бросил по ветру. Мира аккуратно вернула ему копье.

– Слава Янмэй! – Крикнул солдат, переполняемый чувством.

– Слава Янмэй! – Громыкнуло войско. – Слава!.. Слава!..

А владычица повернулась к генералам:

– Спрячьте ваши билеты в карман. Или порвите – выбор за вами. Но выбирайте сейчас!

Они не стали колебаться. Новые клочки бумаги полетели над площадью, и войско откликнулось новыми криками.

Когда все утихло, Минерва произнесла красивую речь, подготовленную заранее не без помощи Дориана Эмбера. На другой день ее напечатал «Голос Короны», сопроводив ярким описанием Перчатки Янмэй и пляшущего в воздухе билета. Продажи «Голоса» взлетели, как и было предсказано, а очереди на корабли и дилижансы – укоротились.

Искровые полки пришли в полную боеготовность.

* * *

Следующим днем состоялось новое совещание. Никто больше не заикался об эвакуации. На сей раз думали всерьез и по-настоящему искали решение.

Но задача действительно была сложна. Перстоносцы могут вести огонь с большого расстояния, оставаясь неуязвимыми. Шаванская кавалерия прикроет их со всех сторон, а затем, когда Персты Вильгельма разрушат строй искровиков, ринется в атаку. В открытом поле имперские войска не имеют шансов против этого. В лесу дело обстояло лучше: шаванская конница теряла маневренность, а Персты не могли стрелять огнем. Но очевидно, что любой ганта понимает это и не поведет орду в лес. Как на зло, в Альмере не так уж много лесов, и вполне хватает открытых дорог.

Какие возможности давали замки? Орда Пауля двигалась быстро, а значит, не имела осадной техники. Без лестниц, осадных башен и камнеметов стену замка не взять. Судя по опыту Эвергарда, даже Персты Вильгельма не могут пробить каменную кладку в три фута толщиной. Вся беда – в воротах. Перстоносцы вышибут их и зальют огнем весь двор. А потом без сопротивления ворвутся в замок и добьют защитников на стенах. Замок превратится в западню для своего гарнизона: со стен нельзя будет отступить, не попав под огонь.

Вырисовывалась безнадежная ситуация. Офицеры, пристыженные вчерашним смотром, клялись сражаться до последней капли крови, но путей к победе не видели. Мира призвала их говорить что угодно, высказывать любые идеи, какие только придут на ум. Роберт Ориджин высказал:

– Надо послать экспедицию в Степь и найти Эрвина. Вот у кого точно будут идеи.

Мира уколола Роберта намеком, что от казначея нечего ждать военной мысли. Роберт собрался и сказал:

– До сих пор Пауль слушался Виттора Шейланда. Лорд Десмонд осаждает графа. Попросим милорда захватить Шейланда живьем. Пускай тот прикажет Паулю сложить оружие.

План вызвал сомнения. Во-первых, Пауль теперь повелевает целой ордой. Вряд ли он сдастся, даже по приказу господина. Во-вторых, Уэймар может держаться еще долго, а решение требуется сейчас. Тем не менее, к Десмонду отослали и птицу, и курьера.

Затем генерал Гор предложил нечто более дельное. Битва в подземной гробнице показала: перстоносцы уязвимы для засады. Внезапная атака в замкнутом пространстве может принести победу. Роберт возразил: бой в гробнице – это трагедия, а не победа. Но потери бригады были велики, потому да, тактику засад нужно принять на вооружение. Обдумали, где можно их устроить. На карте Земель Короны выбрали несколько удачных пунктов, где рельеф позволял внезапно ударить, нанести потери и быстро уйти. Постановили создать для этой цели особые отряды.

А наилучшим местом для засады и в целом для обороны представлялся замок Эрроубэк. Двигаясь из Альмеры в столицу, орда должна будет пересечь реку Бэк, а это – непростая задача даже в летнее время. Скорей всего, Пауль захочет перейти реку по плотине и попытается взять штурмом замок. Внутри него – масса помещений, цехов, искровой машинерии. Имеется и путь для отхода – ворота на другом конце плотины. Прекрасное место, чтобы дать бой в замкнутом пространстве.

Собрать там силы будет несложно. Северный корпус Хортона и остатки корпуса Лиллидея отходят к Эрроубэку. Можно приказать им занять там оборону. Батальон графа Эрроубэка поможет им. А Корона пришлет свои полки, чтобы защитить берег реки Бэк и не дать шаванам переправиться вплавь. Это сильно задержит орду и нанесет большие потери. Но, тьма сожри, победы все равно не видать! Ворота замка слишком уязвимы для Перстов...

И тут Серебряный Лис подал истинно гениальную идею. Персты Вильгельма бьют по прямой линии, как арбалеты, верно? Зато длинные луки и катапульты стреляют навесом. Это значит, прекрасной защитой от Перстов является простой земляной вал! Лучники и катапульты встанут позади него, в безопасности, и будут бить навесом. На гребне вала надо поставить каменные глыбы – как зубцы стены. За ними разместить мечников, чтобы отразить штурм вражеской пехоты. А чтобы кавалерия с налету не одолела вал, нужно перед ним устроить ров с водой или кольями. Такое укрепление даст надежду выдержать атаку!

Все согласились: идея хороша. Немедленно расчертили на карте. Одну полосу валов нужно построить перед замком Эрроубэк и защитить его ворота. Другую – на границе Земель Короны, вдоль берега Змейки. Она станет вторым рубежом обороны, если враг прорвется через Бэк. А третья линия укреплений должна окружить саму Фаунтерру.

Когда стал ясен масштаб работ, полководцы приуныли. Роберт выразил общее настроение словом:

– Бывает...

Требовалось, по меньшей мере, четыреста каменетов, шестнадцать тысяч стрелков с длинными луками и двадцать миль укреплений.

В составе искрового войска есть четыре тысячи стрелков. Остальных можно нанять или мобилизовать из числа горожан. Благо, в Землях Короны немало ветеранов, владеющих луком. Но потребуются деньги... чертова куча денег, если говорить точно. Роберт Ориджин пролистал учетные книги, постучал костяшками счетов, проскрежетал:

– Бывает.

Видно было, как дрожит рука казначея, пробивая страшные дыры в бюджете. Но в конце концов Роберт пообещал оплатить стрелков.

С каменетами хуже. Армия Короны десятилетиями никого не осаждала, исправных машин наберется пара дюжин – тех, что Бэкфилд наспех сколотил зимою. Осадную технику Ориджинов забрал с собою лорд Десмонд. Морской флот обладает большим арсеналом баллист – но они не годятся, поскольку бьют прямой наводкой. Нужны требушеты или катапульты. Где взять? Только один вариант: срочно построить. Нанять полчища инженеров и плотников, закупить пару составов древесины...

Роберт Ориджин сказал:

– В казне уже пусто. Если нужны еще деньги – давайте отменим содержание двора. Это все, что могу.

Тогда ее величество выложила на стол пачку ассигнаций размером с кирпич.

– Ого! – Сказали генералы.

– Ага, – одобрил казначей. Пересчитал, подтвердил: – Этого хватит.

Но хуже всего дело обстояло с укреплениями. Двадцать миль валов – за месяц! И не просто валов, а с каменными зубцами и рвами, и кольями. Дешевая работа, можно нанять тысячи землекопов, но в такой срок даже сто тысяч не справятся.

– Ваше величество, – полюбопытствовал Роберт, – а Перчатка Могущества еще при вас? Минерва показала. Безо всякого намека казначей сказал:

– Ага.

Вот тогда Минерва подумала о Натаниэле.

Едва совещание окончилось, она вызвала юношу, и тот пришел, чуть не подпрыгивая от возбуждения.

– Наконец-то! Я устал ждать! Почему так долго?!

– Ваше величество, – напомнила Мира.

– Да, точно, ваше величество! Где пропадали целую неделю?

Она поняла, что соскучилась по мальчишеской дерзости.

– Готовила оборону столицы. Знаете ли, на нас наступает орда. Нужно строить укрепления, расставлять войска...

– Этого я и боялся, – наморщил носик Нави.

– Наступления орды?

– Нет, того, что вы займетесь обороной. Время выброшено впустую!

– Верно, я тоже подумала, что не должна лично строить укрепления. Но Перчатка Могущества неопенима в этом деле, а говорить с нею могу только я... и вы.

Мира сняла Перчатку с руки и подала Нави:

– Наденьте ее, сударь.

– Зачем?

– Чтобы проверить, сможете ли ею управлять.

Он, как будто, озадачился:

– Конечно, смогу! Но почему вы спрашиваете? Уж не хотите ли, чтобы я занялся стройкой?!

– Представьте себе, хочу. Нужно за месяц возвести двадцать миль валов и рвов. Есть превосходный инструмент для этой цели и человек, способный управляться с ним.

– Я, что ли?.. Я, по-вашему, строитель?!

И видом, и тоном он выразил испуг. Минерва нахмурилась:

– А почему нет, собственно говоря? Я бы сама занялась укреплениями, если б не имела сотни других дел. Даже Янмэй Милосердная не гнушалась строить мосты! А вы, стало быть, слишком утончены для этой грубой работы?

Натаниэль похлопал глазками:

– Я же не умею!.. Спросите у Карен, она подтвердит: для меня зодчество – темный лес с болотом посредине. У нас... там, откуда я приехал, нет никаких зодчих!

Теперь удивилась Минерва:

– Вы что, живете в дуплах, как белки?

– Говоря с научной строгостью – да, примерно так... Мы не строим дома, они растут сами.

– Чего только не выдумаете, лишь бы увильнуть от работы. Но неумение вас не спасет. Будете трудиться под началом опытных зодчих. Они укажут, откуда брать материал и куда класть, а вам останется лишь орудовать Перчаткой. Уж на это вам хватит ума, раз обыграли меня в стратемы!

– Шесть раз, – уточнил Нави.

– Первые три я поддалась, – возразила Мира.

– А я учился.

– Вот и теперь научитесь. Берите Перчатку и...

Натаниэль замахал руками:

– Нет, нет, постойте, вы меня сбили! Мы спорили о неважном. Несущественно, умею ли я строить стены. Их вовсе не нужно строить!

– Почему же?

– Они бесполезны!

– Вы неправы. Если стена или вал имеют достаточную толщину, Персты Вильгельма не пробивают их. А наши лучники могут стрелять навесом, прячась за укреплениями. Вы понимаете, что значит – навесом?

– Конечно, понимаю! Я прочел все ваши книги о военном деле.

Она рассмеялась:

– Но книги о зодчестве брезгливо отодвинули в сторонку. Зачем вам эта гадость? У вас же душа воина!

– У меня душа навигатора и ум тоже, и вообще, я наилучшим образом... Тьфу, вот опять! Любите же вы поспорить, и все – не по сути.

– Позвольте, угадаю: суть дела в том, что вы не хотите строить?

– Суть в том, что строить не нужно вовсе! Оборона – бесполезна! Пустая трата времени и ресурсов!

Вот теперь владычица начала злиться:

– Стало быть, вы – сторонник эвакуации? Бросить горожан на произвол и бежать – это вы предлагаете?

– Уффф... – Юноша устало вздохнул. – Нет же, не бежать, не обороняться, ничего не нужно. Просто научитесь видеть суть вещей. Хотите решить проблему – устраните самую ее суть. Сражайтесь не с формой, а с содержанием!

– Наша проблема – это орда.

– О, нет! Орда – внешнее проявление, симптом, как сказал бы лекарь. А болезнь – это Пауль. Его нужно устранить.

– Вы полагаете, орда рассеется, если убить Пауля?

– С вероятностью шестьдесят три процента. Судя по тому, как легко орда подчинилась ему, Пауль прикинулся кем-то из героев шаванских легенд. А их объединяют общие архетипичные черты: такие герои всегда могучи, ужасны и почти непобедимы. Но стоит им проиграть поединок, как все их войско обращается в бег.

– Это легенды...

– Это культурные императивы, на коих строится мышление шаванов. Они не смогут нарушить собственный менталитет.

Нави помедлил, выжидающе глядя на Минерву, затем добавил:

– Спасибо, что поняли мои слова без пояснений.

Она поморщила носик:

– Это была насмешка или лесть?.. Впрочем, неважно. Как вы говорите, вернемся к сути. Чтобы орда развеялась, нужно убить Пауля в поединке?

– Совершенно верно.

– Тогда, боюсь, предложенный вами путь завел в тупик. Ориджин уже пытался убить Пауля. Целая рота кайров поймала его в засаду – и погибла. Потом Пауль с горсткой солдат прошел насквозь герцогство Надежда. За ним гнались три сотни пустынных, перебили весь отряд, но сам Пауль остался целехонек. Наконец, он сверг Степного Огня, а тот явно не сдался без боя. Кто же тот герой, который справится с Паулем?

Юноша скромно потупился:

– Я...

Мира окинула его ироничным взглядом. Нави зарумянился, сказал тихо, как бы извиняясь:

– Не судите на вид... В битве с Паулем сила – не главное. Надо пересчитать, передумать его. Это я смогу.

– Думать вы умеете, это верно. Убьете Пауля силой мысли?

- Нет, ваше величество, иным оружием. О нем и хотел попросить.
- Слушаю вас внимательно.
- Во-первых, дайте мне пару крепких провожатых. Чтоб защищали по дороге, если случатся воры... или собаки.
- Разумеется, – согласилась Мира. – Псов не сразить мысленной стрелой, тут нужен мужик с дубинкой. Что-нибудь еще?
- Во-вторых... – начал Нави и на время умолк, будто набираясь отваги. – Мне нужно оружие, которое висит у вас на поясе.
- Но у меня нет оружия!.. Это метафора? Дескать, меч разума всегда со мной?
- Вечный Эфес, – сказал Нави. – С его помощью я убью Пауля.
- Она опешила:
- Простите?..
- Я прошу Вечный Эфес.
- От удивления Мира чуть не выдернула его из ножен:
- Вот этот?!
- Трехгранный прозрачный Предмет, похожий на кинжал. Зеркало энтропии. Демон второго рода. Символ Блистательной Династии. Дайте его – и Пауль умрет. Десяносто два с половиной процента.
- Императрица понимающе кивнула. И взмахнула рукой, подзывая охрану.
- Сударь, сейчас вас проводят к моему личному лекарю. Он осмотрит вас немедленно, пока длится приступ. Я не хочу отсылать вас в лечебницу, но врачебный надзор вам просто необходим.

Стрела – 2

Июль 1775 г. от Сошествия

Рейс

Шаванские станы обычно состоят из юрт. Их знает всякий, кто даже не бывал в Степи, – слишком часто их встретишь на картинах. Однако этот стан имел совсем иной вид. Группа глиняных домов выстроилась на берегу речушки. В окнах блестели стекла, над некоторыми крышами поднимались печные трубы. Имелся колодец, амбар и хлев, и две башенки для стрелков. Не стан, а добротная деревня, крепко приросшая к земле. Ей бы место в Альмере или Южном Пути.

– Нас видят, милорд, – сказал барон Айсвинд, заметив людей на башенках.

Эрвин не сомневался, что видят их уже давно. Шаваны-пастухи обычно разбредаются на мили вокруг стана. Они обнаружили северян еще несколько часов назад. Что вызывает вопрос: почему не ушли?

– Сколько там жителей? – спросил Эрвин и сверил собственные наблюдения с оценкой опытного кайра. Порадовался, что почти угадал: думал – сто человек, по словам барона – восемьдесят.

Даже если женщины и подростки умеют стрелять из луков, а старики не разучились махать мечами, то это лишь восемь десятков плохоньких бойцов. За Эрвином – почти три сотни отборной кавалерии. Старейшина деревни должен быть безумцем, чтобы надеяться на победу. И уйти было легко: дальний берег речки выше этого. Поднимись на кручу, уйди подальше – и волки уже не заметят. Так отчего не сбежали?

– Дурачье, – сплюнул барон Айсвинд.

– Берегут деревню, – возразил Шрам. – Есть им что терять.

Похоже на правду. Здешние жители и за ордой не пошли, хотя Пауль сулил богатые трофеи. Имеется нечто очень ценное в самой этой деревне. Недаром она отстроена так основательно.

Эрвин пригляделся к центральным домам. Один – крупная, в четыре окна, изба зажиточной семьи. Второй – мастерская у самого берега речки. Из крыши торчат целых две трубы.

– Кузница! – сказали вместе Эрвин и Шрам.

Вот почему деревня осталась на месте. У шаванов множество походных кузниц, ими никого не удивишь. Но капитальная, с двумя печами, да в удачном месте над рекой – это истинная ценность. Пауль обещал озолотить орду, но здешний кузнец решил, что разбогатеет не сходя с места. К нему, поди, вся округа ездит – особенно теперь, когда конкуренты ушли с ордою. А кузнец, видать, самый уважаемый человек в этом селе. Остался он – все остались.

– Прикажете атаковать, милорд?

– Конечно, нет. Подъедем, поговорим.

Когда приблизились, деревня затихла. Всякое видимое движение прекратилось, люди исчезли, стрелки на башенках спрятались за щитами. Каждый дом превратился в засаду.

Держась за спинами телохранителей, Эрвин крикнул:

– Шаваны! Хотите жить – выходите без оружия! Не выйдете – сожгу село!

В одном он мог гордиться собой: развил же голосину в этих походах. Так насобачился командовать, что и глухой услышит. Среди домов наметилось шевеление: кто-то перебежал из избы в избу. Эрвин добавил:

– Все до одного, вместе с семьями! Выйти, построиться! Даю пять минут!

Кто-то еще пробежал туда и сюда. Наконец, из центральной избы вышел могучий, кряжистый степняк. Помахал над головой, крикнул что-то – и другие шаваны показались на улицах. Нестройная группа в полсотни человек выдвинулась навстречу северянам.

– Кто из вас главный?

Отозвался тот кряжистый верзила:

– Бершан.

– Это твое имя?

– Да, меня так зовут.

– Вас слишком мало.

– Сколько есть.

– Я не вижу ни детей, ни девушек.

– Тут только мы.

Эрвин сказал Хайдеру Лиду:

– Пошлите две дюжины, разыщите детей. Они или сидят в погребках, или ушли за реку.

– Знаю, милорд, – кивнул капитан.

Он отдал приказ, иксы въехали в деревню. Среди шаванов прошел шепоток. Вперед выступили двое: Бершан и женщина – должно быть, его супруга.

– Ты – герцог Ориджин? – спросил Бершан.

– Я – человек, который может сжечь твое село. Вот и все, что нужно знать.

– Мы тебя просим: не убивай никого. Я хороший кузнец. Подкую коней, почию мечи и латы. Я тебе пригожусь.

– Только ты игодишься. Остальные зачем?

– Мои сыновья и дочь, и жена – все работают в кузнице. Глазом не моргнешь, как все для тебя сделаем! А еще накормим и напоим. Но никого не убивай, хорошо?

Жена Бершана кое-что сообразила и добавила с сильным акцентом:

– Мы не с ними, ты видишь? Гной-ганта ушел, его люди ушли – а мы остались.

Сегодня Эрвин не ощущал жалости к мирному люду. Сколько было в нем сочувствия – все досталось раненым кайрам. А шаваны – часть той Степи, которая пожирает северян.

– Мне пригодятся припасы: пища, одежда.

– Все дадим!

– Лекарские зелья. Материя для бинтов.

За пределами городов снадобья – великая ценность. Но Бершан поколебался только вдох:

– Найдем. Тут наша знахарка, она поможет.

– Мои люду возьмут все, что нужно. А к тебе, кузнец, у меня есть одно дело.

Войдя в кузницу, Эрвин не смог удержаться от сравнения: здесь как в пыточной камере. Тот же инструментарий: зажимы, клещи, молотки, гвозди. Тот же душный жар, от которого сразу бросает в пот. Тот же здоровяк в кожаном переднике, только зовется не палачом, а иначе. Кузнец услужливо склонил голову перед герцогом:

– Чем могу помочь? Нужен новый клинок? Подковы для коня?..

За Бершаном стояли помощники: сыновья, жена, дочь. Крепкие, как на подбор, даже у дочки мускулы ходят под кожей. Целая семья кузнецов, надо же.

– Отпусти жену с дочкой, – предложил Эрвин. – Для дела хватит тебя и сыновей.

Кузнец ответил твердо:

– Все пригодятся. Так быстрее выйдет.

Очевидно, хотел защитить семью. Думал: кто будет работать, того не тронут.

– Как знаешь, – кивнул герцог и дал Бершану эскиз. – Мне нужно изготовить такое устройство.

Кузнец нагнулся к жаровне, чтобы лучше рассмотреть чертеж. По сигналу Эрвина кайры внесли Орудие. Лидские Волки отработали с ним двое суток. Можно ли за этот срок полностью перемолоть человека?..

– Он готов, милорд, – с гордостью доложил Хайдер Лид. – Желаете взглянуть?

Не желаю, – подумал Эрвин, – век бы не видеть ничего подобного. Чужой боли мне хватило с лихвою.

– Прошу вас, капитан.

Лид сбросил полотно, накрывавшее Орудие. Пленник был почти цел и вполне напоминал человека. Прибавились только два странных нароста на голове.

– Слушай приказ, – сказал Лид.

Мутный взгляд Орудия сосредоточился на нем.

– Помочись, – сказал Лид.

По ноге пленника потекла струя.

– Не кричи, – сказал Лид.

Он ударил пленника щипцами по коленной чашке. Тот побагровел, изогнулся от боли, но не выронил ни звука.

– Сломай себе зуб, – приказал Лид.

Руки Орудия, конечно, сдерживали веревки. Он воспользовался единственным способом исполнить приказ: выпятил нижнюю челюсть и стал бешено щелкать зубами. Удар приходился на резцы. Они крошились, пленник сплевывал белые осколки. Эрвин смотрел.

Ненавижу чужую боль, – подумал он снова.

С диким лицом пленник лязгал челюстями, иступленно дробя собственные зубы. Задел и разжевал губу, кровь и слюна взбились в пену. Мышцы бугрились, лицо наливалось краской, глаза лезли из орбит. Но он ни на вдох не прекращал свое дело.

– Хотите знать секрет, милорд? – с самодовольством спросил капитан.

Нет, – подумал Эрвин. Альтесса ответила его устами:

– Сгораю от нетерпения.

Хайдер Лид показал два железных бугорка над ушами Орудия. То были «барашки» – рогатые головки винтов.

– Разобрали арбалет, милорд. Получили два винта, заточили до остроты и вкрутили в череп. И не просто так, а точно в щели между костями. Всадишь поглубже – кости раздадутся, будто лопается голова. Ему теперь все безразлично, кроме этих винтов.

– Довольно, – сказал Лид Орудию. – Ты молодец.

Двумя движениями он отжал оба винта на оборот. Пленник обмяк, расплылся в пустой и счастливой улыбке.

– Хетир валине халья!..

Женский шепот был полон злобы и страха. Эрвин почти забыл про кузнеца с семьей, а они-то все еще здесь.

– Что ты сказала?.. – спросил он шаванскую дочку. – Хочешь на место Орудия?..

Эрвин заложил за спину одну руку и показал девчонке два пальца. Взял ими барашек винта и с легкостью, без усилий сделал оборот. Пленник затрясся, забился, как от искры.

– Беритесь за дело, – приказал герцог. – И молитесь своим Духам-Странникам.

Покинув кузницу, он отошел подальше, чтобы не слышать криков, присел на берегу речки. Плескало течение, зеленела трава, дальний берег поднимался живописною кручей. Утки на воде смешно задирали пернатые зады. Несколько деревьев давали приятную тень. Альтесса Тревога разулась и вошла в реку попробовать водичку.

– Осторожно, могут быть пиявки, – предупредил Эрвин.

– Дно грязное, фу! – Тревога сделала пару шагов, утопая в иле. – Тебе понравилось, да, дорогой?

Эрвин не стал спорить:

– Этот гад заслужил свою судьбу. Он дрался за обладание Перстами. Убивал людей, чтобы получить возможность убить еще больше.

– А в чем разница между ним и тобою?

– Я не хочу убивать. Перст нужен мне только для защиты от таких, как он.

Альтесса подобрала подол и вошла глубже в реку. Вода обласкала ее стройные бедра.

– Вот и чудесно. Ныряй ко мне!

Эрвин хмыкнул:

– Нравоучения окончены?

– Мне очень приятно... – она присела, окунув в теплую воду низ живота, – ...видеть тебя в душевном покое, лишенным сомнений. Я так люблю... – платье намокло, облепив ее голое тело, – ...уверенных в себе мужчин!

Шрам, подошедший для доклада, не мог видеть Тревогу. Ее непристойные игры в реке не сбили его с мысли:

– Милорд, это хорошая деревня! Мы нашли все необходимое: провиант, снадобья, бинты. Вдосталь вина, сыра, молока, мяса...

– Дорогой, не отвлекайся, ты любовался мною, – альтесса погладила свою мокрую грудь.

– Есть даже мед, милорд! Оказалось, у них имеется пасака.

– Даже мееед... – протянула Тревога.

– Кроме того, несколько шаванок вполне пригодны. Люди просят позволения, милорд...

– Да, любимый, позволь им! И себе тоже!

Эрвин бросил насмешливо:

– Агагой клянусь, там точно есть пиявки. Заплывут тебе в...

Он осекся, глядя поверх головы альтессы на дальний берег. Оттуда донесся разноголосый шум. Группа чумазных шаванских детишек возникла будто из воздуха. Только что их не было – а теперь скользят по траве и вбегают в воду, а за ними шагают иксы Хайдера Лида, командуют:

– Не мельтешить! Перейти реку, построиться. Кто побежит – пристрелим.

– Откуда они взялись?.. – Эрвин прищурился, разглядывая берег.

Он состоял из узкого травянистого пляжа, за которым поднималась круча. Невысокая, всего ярдов пять, но даже с такой высоты дети не стали бы прыгать. Как они очутились у кромки воды?..

– Милорд, смотрите, где прятались, – указал Шрам, чей глаз был острее. – Там ложбинка между холмов, а перед ней кусты, вот мелюзгу и не заметно. Лидские Волки молодцы, что нашли.

И правда: чуть северней деревни крутой дальний берег прорезает щель. Должно быть, там течет ручеек, он и питает густые заросли, которые совсем прячут ложбину от взгляда. Однако она достаточно велика, чтобы вместить дюжину детишек...

Эрвин обернулся и окинул взглядом деревню. Местные жители лежали носами в пыль. Иксы Шрама бойко потрошили избы, снося добычу в тень амбара. Из конюшни выводили лошадей, придирчиво осматривали, подбирали себе заводных. А надо всем движением вставали двумя зубьями дозорные башенки. Они имели ярдов по десять высоты. Дальний берег Ройданы, поднятый на пять, вполне просматривался с них...

Герцог сказал:

– Капитан, вы спрашивали, как поступить с шаванскими девицами. Слушайте мой приказ. Соберите вместе девушек и детей – и отпустите. Пусть идут вдоль реки на юг. Миль через десять встретят ганту Ондея, он позаботится о них. Пусть передадут Ондею следующее: герцог Ориджин предлагает мир.

* * *

Два дня войско северян стояло на месте. Кайры вытрясли из деревни все – и устроили настоящий пир. Пелись песни, лилось вино, пылали костры, мясо капало жиром в огонь.

Раненые бойцы получили долгожданные снадобья. Правда, как принято в медицине, зелья не принесли пользы, зато благотворно сказалась сама стоянка. Раненых уложили в покое и прохладе, дали вдосталь воды, переодели в чистое, перевязали свежими бинтами. Многим стало легче от этого, к вечеру второго дня они нашли в себе силы выйти к общему столу. Лишь Гордону Сью сделалось хуже, он метался на грани между жизнью и смертью.

Чтобы местные жители не мешали пировать, их изгнали на дальний берег Ройданы. Под наблюдением двух десятков кайров они строили укрепления: копали рвы и насыпали валы. Герцог давал один шанс из сотни на то, что ганта Ондей примет мирное предложение. Шаваны считают Ориджина слабым. Шаваны беспощадны к слабости врага, потому будет бой. Как бы ни хотелось обратного – будет.

Герцог планировал оборону на дальнем, высоком берегу реки. Один вал строили прямо на краю прибрежной кручи, другой – в трехста ярдах за рекою. Заняв позицию между валами, можно было держать круговую оборону. Эрвин регулярно поднимался на стрелковую башенку и смотрел через реку за земляными работами.

Дюжина шаванов и шаванок осталась в деревне: прислуживать северянам и готовить еду. На их глазах кайры опустошали амбары и погребя, выгребали все запасы. Давным давно, еще только вступая на земли Южного Пути, Эрвин дал себе одно обещание. Никогда прежде не было так трудно соблюсти его, как сейчас, но слово дворянина есть слово дворянина. Он собрал старших шаванов во главе с кузнецом, на их глазах заполнил вексель, поставил личную печать. Вручил кузнецу со словами:

– Мой вексель примут к оплате в любом банке центральных земель. Сумма с лихвой покроет ваши убытки. Не смей оставить ее себе, а раздели со всей деревней.

Бершан с женой и сыновьями передали вексель друг другу. Затем и другие шаваны потянули к нему руки. Мало кто умел читать. Многие просто глядели на отпечаток герба, пока жена кузнеца испуганным шепотом повторяла сумму. Одно за другим лица шаванов наполнялись страхом. Кузнец уставился на Эрвина с видом отчаянья. Иксы ухмыльнулись так, будто услышали тонкую остроту.

– Что с ними всеми?.. – спросил Эрвин у альтиессы.

– Ты поступил весьма изящно, милый. Сдержал слово, расплатился за грабеж – а потом вырежешь деревню и вернешь себе вексель.

Тревога знала: деваться некуда, рано или поздно шаванов придется перебить. Ведь они видели тайну.

Готовое Орудие представляло собой устройство из древесины, железа и человеческой плоти. К прочному стулу, укрепленному брусьями, был привинчен пленник. Ножки стула имели такую форму, что допускала установку и на землю, и на спину лошади. Голова и левая рука пленника сохранили свободу движений – чтобы он мог самостоятельно питаться. А правую руку намертво прикрепили к системе из рычагов и шарниров. С помощью рычагов стрелок мог нацелить руку Орудия в нужную сторону и даже зафиксировать, если потребуется. На случай неповиновения в черепе Орудия остались вкручены винты.

Возник вопрос: кого назначить стрелком? Кайры из Лидских Волков, которые обрабатывали пленника, были отменными дознавателями и диверсантами. Но тут требовался надежный человек с острым глазом и тактической смекалкой. Эрвин собрал на совет офицеров.

– Для управления Орудием нужен опытный стрелок.

Ротные командиры осмотрели Орудие, поводили Перстом, убедились в легкости использования. И впали в странное замешательство. Минуту, вторую никто не нарушал молчания. Первым высказался Хайдер Лид:

– Советую вам, милорд, отдать Орудие в другую роту. Место Лидских Волков – в тылу врага, а эта штука должна работать на фронте.

Тут же заговорил Шрам:

– Милорд, я командую ударной ротой, мы хороши для конной атаки. А Орудие лучше бы оставить позади и стрелять издалека. Оно не для нас.

Фитцджеральд из вымпельной роты сказал:

– Я слишком молод, чтобы принять такую честь. Капитан Гордон Сью заслуживает этого. Пока он хворает, я не посмею.

Уловив закономерность, герцог повернулся к Айсвинду:

– А вы, барон, на каком основании откажетесь?

– Я скажу правду, милорд. Стрелять Перстом по людям – тяжкий грех. Мы звались святым воинством и бились против еретиков, но теперь сами уподобляемся им.

– Перст Вильгельма не в наших руках. Как вы можете видеть, его носит некий шаван.

– Подвластный нашей воле. Если всадник растопчет человека, спрос с наездника, а не с коня.

Эрвин нахмурился:

– Господа, мне тоже это не по душе...

– Неправда, ты в восторге! – шепнула альтесса.

– ...но я иду на это ради светлой цели. Клянусь, что мое Орудие никогда не будет служить злу!

– Очень конкретно, – мурлыкнула Тревога.

Барон Айсвинд переглянулся с другими офицерами. Чуть заметными кивками они дали ему право говорить за всех.

– Милорд, мы просим вас уточнить клятву. Что вы понимаете под светлой целью и что – под злом?

– Это очевидно всякому благородному человеку. Удивляюсь, барон, что у вас возникли сомнения.

Айсвинд склонил голову:

– Милорд, я – ваш верный вассал. Я забочусь о том, чтобы все мы остались чисты перед богами и людьми, и на Звезде вошли в чертоги Светлой Агаты. Голос сердца слишком тих и часто неслышен в пылу битвы. Пускай разум, а не сердце, поставит пределы, за которые мы не выйдем никогда.

– Справедливо, – согласился герцог. – Я клянусь применять Орудие только во славу Севера и против его врагов.

Барон кашлянул:

– Боюсь, этого недостаточно, милорд. У Севера много врагов.

– Против тех вражеских подразделений, которые имеют в своем составе Персты Вильгельма.

Лицо Айсвинда не стало мягче:

– Милорд, было бы правильно оговорить, как вы поступите с Орудием по завершению войны.

Эрвин посмотрел на существо, собранное из дерева и плоти. Ощутил затылком горячее дыхание альтессы. Почувствовал ее пальцы, скользящие вдоль спины.

– Тьма сожри, я хочу греха и позора не больше, чем вы! Вот только Орудие – наш единственный шанс на победу. Если видите иные, укажите их.

– Когда победа будет достигнута, вы уничтожите Орудие?

Альтесса пощекотала Эрвина:

– Не хочется-то, ай как не хочется.

– Уйди во тьму... Да, барон, я отпущу шавана в Орду Странников, а с Перстом поступлю так, как решит святая Церковь. Даю слово Ориджина.

Айсвинд выдохнул:

– Простите, милорд.

– Барон, вы полностью правы. Благодарю. А теперь, все же, посоветуйте стрелка.

На сей раз каждый ротный командир предложил одного из своих подчиненных. Но все как один отметили: нельзя приказать кайру стрелять Перстом; нужно просить добровольного согласия. И вдруг, неожиданно для всех, заговорил Лиллидей:

– Милорд, позвольте мне принять Орудие.

– Хорошая идея, – шепнула альтесса без издевки.

Эрвин оценил. Действительно, Джемис ходит неприкаянный. Не командует ни одним подразделением; плох и как советчик, поскольку молчит, и как телохранитель, ведь Эрвин сторонится его.

– Господа, вы не возражаете? – спросил у офицеров.

Они ответили поспешным: «Никак нет, милорд». Были только рады взвалить сомнительный долг на нелюбимого ими кайра.

– Джемис, вы должны принести клятву, подобную моей.

Кайр сделал это. Затем попросил в помощь двух человек для обслуживания Орудия. Хайдер Лид выделил тех бойцов, что уже работали с пленником. Затем Лиллидей принялся за дело.

Разведчики ганты Ондея продолжали рыскать вокруг стана иксов. Видели, как волки заняли деревню и начали пировать, слышали северные песни и хохот. Это входило в планы Эрвина: пускай донесут Ондею, что волки обнаглели; пускай ганта ринется в бой, кипит от ярости. Но про Орудие никто не должен знать. Потому Джемис упражнялся скрытно, прячась за избами и телегами. Использовал невидимые плети или разжигал костры возле мишеней, чтобы маскировать вспышки. Занимал конюшню, выгнав прочь лошадей, располагал Орудие у ближней стены, а перед дальнюю расставлял поленья – и сжигал их одно за другим. Стрелять Перстом оказалось удивительно легко. В малых пределах Орудие могло корректировать выстрел, не шевеля рукою. Потому от Джемиса не требовалось точного прицела. Он направлял Перст рычагом примерно в сторону мишени и говорил:

– Третье слева полено. Бей.

Орудие наносило удар. Оно не медлило, не спорило и редко промахивалось. Если Орудие мазало несколько раз подряд, Джемис затягивал винты. Если поражало восемь целей без промаха – давал слабину. Страх перед болью заставлял Орудие бить очень метко. Оно не имело никаких иных мыслей, кроме желания попасть.

Но Эрвин отлично понимал: Орудие – вовсе не залог победы. У врага будут три перstonосца против одного у северян. Все трое – умелые наездники на резвых конях, а у северян – прикованный к стулу калека. Наконец, ганта Ондей приведет вдвое больше воинов, чем есть у герцога. Говоря по чести, битва будет почти безнадежной. Единственное, что дало Орудие, – вставку «почти».

Двое суток Эрвин София Джессика употребил на планирование боя. Осмотрел укрепленный лагерь на дальнем берегу Ройданы, нашел стройку слишком медленной, потребовал ускорить дело. Приказал прорыть склон и устроить удобный съезд из лагеря к реке. Засек время, нужное отряду, чтобы спуститься и пересечь Ройдану. Навестил и скрытую ложбинку, где давеча прятались шаванские дети. Она также вела из лагеря к реке, но, в отличие от нового спуска, была почти незаметна.

Проехал вверх и вниз по берегам Ройданы. На юге – как раз там, откуда приближался ганта Ондей – река изгибалась коленом. Ниже колена имелось место, удобное для переправы: русло было очень мелким, а дальний берег – пологим. Эрвин дважды съездил туда. Сначала вернулся напрямик в деревню, затем – переехал на дальний берег и проскакал вокруг изгиба реки к укрепленному лагерю на круче. Оказалось, что путь до деревни занимает только четверть часа, а до лагеря – пятьдесят шесть минут.

Затем он поднялся на дозорные башни при въезде в деревню, оценил вид сверху на дальний берег и укрепления. Спросил совета у офицеров, по их рекомендации провел учебные стрельбы с валов. Иксы разбились на пары: один стрелял, лежа на насыпи и стараясь не попасть под вражеский огонь; другой прятался за валом и перезаряжал арбалеты. Также отработали быстрый выезд из лагеря и переход через реку.

Затем герцог навел раненых. Многие из них пошли на поправку – по крайней мере, могли сами добраться до укрепленного лагеря. Тех, кто не мог ходить, следовало забрать на носилках. Для этой цели выделили отряд бойцов, отработали переход с носилками через Ройдану. Когда начнется вражеская атака, каждый северянин должен знать свою роль.

С тяжелым сердцем Эрвин присел возле Гордона Сю. Тот сгорал от лихорадки и проваливался в забытие. Герцог дождался минуты, когда капитан вынырнул из беспамятства, пожал его руку и сказал:

– Завтра будет сражение. За вас-то я не волнуюсь: змей-трава даже мертвого поднимет. А вот меня могут убить в бою, потому хочу сказать заранее. Вы – славный воин, Гордон. Для меня честь служить с вами.

Капитан набрал сил на легкую улыбку и поправил:

– Гордон Сю.

– Почему это так важно для вас?

– Расскажу после победы. Никак не раньше.

Приступ горячки погасил его сознание.

Поздним вечером, когда все приготовления были завершены, Эрвин обратился с молитвою к Светлой Агате:

– Святая Праматерь, ты кое-чего не учла, когда решила наказать меня. Возможно, я мерзавец или глупец, но за мною идут триста достойнейших воинов – таких, как Гордон Сю. Ни один из них даже мыслью не провинился перед тобой. Когда я дал им Перст Вильгельма, они подумали сперва о чести, а уж потом – о победе. Не хочешь меня видеть – дело твое. Но будь добра, сделай так, чтобы иксы пережили завтрашний день!

* * *

Ганта Ондей не допускал и мысли, что волки могут иметь Перст Вильгельма. Персты говорят только с любимцами Гной-ганты – сынами Степи. Когда Ондей узнал, что один из ханидов пал под Рей-Роем, а тело исчезло, – он не заподозрил кайров. Очевидно, кто-то из шаванов спрятал труп и украл Перст. Ондей рассчитывал вернуться, обшарить город и найти пропажу. Но сперва следовало покончить с волками.

Разведчики доложили ганте, что северяне заняли деревню Берха на берегу Ройданы и вовсю пируют там. Ондей пришел в ярость: Берха стояла на его кочевьях и пользовалась его защитой; кузнец Бершан был родичем ондеевой жены. Но ганта не ослеп от гнева. Он внимательно выслушал разведчиков, узнал об укреплениях, которые строят северяне. Сделал стоянку в паре миль от села, дал коням и людям целый день на отдых.

В его лагерь пришли девушки и дети из деревни. Сказали: «Волки отпустили нас, ни один даже пальцем не коснулся». Ондей был очень удивлен, пока девушки не добавили еще одно: «Волчий герцог предлагает тебе мир». Тогда ганта рассмеялся и сказал всадникам:

– Ориджин умоляет о мире! Он сам признал, что слаб. Покончим с ним! Завтра пойдем в бой и сдерем с волков плешивые шкуры! Положим в пыль всех, никому не дадим сбежать.

– В пыль! К Червю! – закричали шаваны.

– Поступим вот как, – продолжил ганта. – Два ханида вир канна и половина всадников поскачут прямо в деревню. Враги отойдут на другой берег и спрячутся за валами. Тогда я со второй половиной войска перейду Ройдану, обойду волчий лагерь и ударю в тыл. Мы зажмем их с двух сторон. Никто не сбежит!

Шаваны разразились криками, но их пыл не удовлетворил ганту. Люди размякли от долгой неспешной езды. Привыкли в пути находить свежие могилы северян, наполнились приятною верой, что волки сломлены идохнут сами собой. Когда пришло время ужина, шаваны сели вокруг котлов и завели такие беседы, словно враг уже побежден, осталось лишь поделить трофеи. Тогда ганта Ондей вскинул Перст и стал сжигать котлы. Среди фонтанов пара и вспышек пламени он взревел, словно демон:

– Никто не жрет, пока волки живы! Втопчем их в пыль, устроим пир на костях. Другого стола у нас не будет!

Когда шаваны стали свирепеть, ганта развязал красный мешок, в котором хранил ценную добычу – черепа кайров. Один за другим он швырнул их в толпу:

– Видите, как мало?! Гнойный Червь не наелся ими! Завтра принесите мне триста голов! Накормите Червя, а потом ешьте сами!

Кто-то, охваченный гневом, стал дробить и ломать черепа, а кто-то попытался забрать себе. В голосах зазвучала злоба, вспыхнули драки. Ондею этого и надо было. Он подлил еще масла в огонь:

– Завтра все получают трофеи, но только один уйдет богачом! Кто принесет мне голову Ориджина – получит Перст Вильгельма!

Вот теперь шаваны кипели от жажды крови, было даже трудно заставить их дожидаться утра. На рассвете шаванское войско разделилось и ринулось вверх по обеим берегам Ройданы, чтобы смешать с пылью ненавистных волков.

Дозорные иксы на сторожевой вышке издалека увидели врага. Трижды протрубил рог, и все северное войско пришло в движение. Люди покидали деревню и переходили за реку, в укрепленный лагерь. Взбивая облака брызг, проехала тяжелая конница Шрама. Стройною колонной по три проскакали иксы Айсвинда. Лидские Волки завели бравую боевую песню. Они везли Орудие, привязанное к лошадиной спине, а рядом плыл Стрелец. Лапы не доставали до дна, пес греб во весь дух, чтобы нагнать хозяина. Затем через реку двинулись раненые и санитары с носилками.

Деревня опустела: остался лишь герцог с вымпельной ротой да жители села, ожидающие своей участи. С верхушки сторожевой башни Эрвин смотрел, как приближается враг. Отряд Ондея выглядел темною кляксой среди зелени травы. Он двигался без видимого порядка, бесформенный и жидкий, и вовсе не такой большой, чтобы внушать страх. Эрвин встречал войска, в разы превосходившие эту стаю шаванов. Видал рыцарей Альмеры, закованных в стальную броню; многотысячную путевскую пехоту – от горизонта до горизонта сплошной стеною; видал и грозные точеные квадраты искровых полков. Все они пали перед Ориджином. А это – лишь горстка дикарей, пускай и с Перстами.

Альтесса укусила его за ухо:

– Верно, любимый, никакой опасности. Идем купаться!

На глазах герцога вражеское войско разделилось. Одна половина помчала прямо к деревне, вторая отклонилась на запад, чтобы пересечь Ройдану и зайти кайрам в тыл. Степняки исполнили маневр с ходу, без малейшей заминки, вызвав у Эрвина легкую тревогу. Он шелкнул хронометром – время пошло.

– Отходим за реку! Занимаем позиции! – скомандовал герцог, сбега с башни.

Лейтенант Фитцджеральд только этого и ждал:

– За реку! На позицию!

Бойцы первой роты прыгнули в седла и двинулись к переправе. Задержалась лишь одна дюжина – та, что стерегла шаванов. Кайры обнажили мечи в ожидании приказа. Фитцджеральд кивнул им, даже не глядя на герцога. Судьба пленных не вызвала вопросов: они видели Орудие, а значит, должны умереть. Однако Эрвин вмешался:

– Отставить. Заберем их с собой.

Последние люди покинули деревню. Под флагом герцога Ориджина вымпельная рота пересекла Ройдану и въехала в укрепленный лагерь. Следом загнали пленных сельчан. Барон Айсвинд и Шрам, и Хайдер Лид устали на Эрвина.

– Милорд, что здесь делают лошадики?!

– Я не мог оставить их в деревне: они выдадут врагу секрет Орудия.

– Мертвые – не выдадут.

– Кайры, вы хотели знать, чем мы отличаемся от бригады. В частности – этим. Пленные будут жить. Приставьте к ним охрану.

Эрвин глянул на хронометр: прошло семь минут, осталось сорок девять.

– По местам! Арбалетчики – к бою!

Стрелки и так уже находились на местах: лежали на валу, нацелив оружие на деревню. Напарники стояли внизу, держа наготове сменные арбалеты. Другой отряд оборонял тыльную сторону лагеря, обращенную на запад. Все конные кайры спешили и завели лошадей под прикрытие валов, чтобы их не задело Перстами. Раненых разместили в центре, под защитой с любой стороны. Северное войско заняло круговую оборону.

И последняя проверка. По заросшей ложбине Эрвин спустился к реке. У кромки воды стояло Орудие, за ним присматривал Джемис и пара Лидских Волков. Кусты надежно маскировали позицию, со стороны деревни почти невозможно было заметить. А вот сам Джемис отлично видел селение в просвет между ветвей.

– Готовы к бою? – спросил Эрвин, хотя и видел ответ.

– Так точно.

– Не давайте Стрельцу высунуться, его могут увидеть.

– Стрелец знает место, милорд.

Лиллидей избегал смотреть в глаза, это не давало Эрвину покоя.

– Кайр Джемис... что с вами происходит?

– Я готов к бою, милорд.

– Одного из нас могут убить. С учетом этого, скажите наконец...

– Тише, милорд. Враг в деревне.

Шум донесся из-за реки: стук копыт, конское фырканье, покрики шаванов. Первые всадники показались в просветах меж домов. Эрвин присел за кустом и глянул на часы. Пятнадцать минут – точно, как по нотам.

Дюжина шаванов спешили и побежали от дома к дому. Ударом ноги распахивали двери, совались внутрь, держа на взводе луки. Короткими криками докладывали: засады нет, здесь тоже, и здесь. Трех минут хватило шаванам, чтобы убедиться: деревня полностью пуста. Затем они выехали на берег.

Ройдана – узкая речушка. Эрвин отчетливо видел врагов: чернели усы на смуглых лицах, щурились узкие глаза, блестели бляхи на коже доспехов, щетинились оперенья стрел в колча-

нах. Кони шаванов были дивно хороши: ни капли не устали от скачки, а только разогрелись – гневно фыркали, били в землю копытом. Северные стрелки ждали, прильнув к земле.

Новые и новые всадники выезжали на берег. Добрая сотня накопилась вдоль Ройданы, а перстоносцы все еще не выдали себя. Хронометр показывал двадцать минут. Один из шаванов поднял к небу кулак и отдал приказ. Вся сотня вскинула луки – и в тот же миг Хайдер Лид скомандовал:

– Залп!

С упругим стуком арбалеты плюнули болтами. Дюжину шаванов смело из седел, остальные спустили тетивы. Бойкий свист воздуха – и глухое чавканье, когда стрелы воткнулись в земляной вал. Кажется, ни одна не поразила цель.

– Залп!

Арбалеты ударили снова – гораздо быстрее, чем ожидал враг. Шаваны не успели скрыться за домами, новую дюжину швырнуло в пыль. Их командир издал серию криков, отряд рассеялся. Одни спрятались за избами, другие помчали вдоль берега, движением спасаясь от арбалетных болтов. Прямо на ходу они вскидывали луки. Стрелы унизывали валы, но не вредили северянам. Перстоносцы еще не показались – очевидно, ищут удобное место для обстрела. И такое место есть, даже два: обе дозорные башенки поднимаются выше укреплений северян. Носители Перстов непременно обратят на них внимание... Все шло настолько хорошо, что Эрвин ощутил беспокойство. Лишний раз глянул на часы – двадцать семь минут из пятидесяти шести. Времени достаточно. План работает!

Солнце так сияло в безоблачном небе, что он не заметил огненный шар. Дикий крик боли раздался с укреплений, и Эрвин подумал: это явно не стрела, – и лишь тогда увидел вспышки. Южная дозорная башня изрыгала поток пламени. Шары неслись над деревней, рекой и валами. Северяне вжалась в землю, прячась от них. Шаваны разразились победными криками.

– Башня на прицеле, милорд, – доложил Джемис.

– Ждем вторую.

Эрвин видел, как темная фигурка взбирается по ступеням башни, занимает позицию наверху. Он ждал, чтобы убедиться: это тоже перстоносец. Хотел выявить обоих и бить наверняка.

Вторая вышка метнула пробный шар. Затем озарилась долгой серией вспышек.

– Второй обнаружен, – ровно произнес Джемис.

– Плетью – бей.

Джемис хлопнул Орудие по плечу и что-то сказал на ухо. Раздался тонкий свист, так хорошо знакомый Эрвину еще из Запределья. Верхушка сторожевой башни разлетелась на куски, стрелок рухнул наземь среди града обломков. Если и остался жив, то уже не боец.

– По второй – бей!

Свист. Еще свист. Ни яркое солнце, ни вспышки Перста не помешали точному удару. Башня треснула, как хворостина. Стрелок рухнул с площадки, новая плеть изломала его в полете. Тьма, а Джемис очень хорош! Или не он, а материал, из коего сделано Орудие.

– По всадникам на берегу, бегло, плетью!

Полуобняв Орудие, Джемис зашептал ему на ухо и открутил оба винта. Ухватив за рычаг, медленно повел рукой Орудия над рекою. Свист. Свист. Свист...

Эрвин даже не представлял, каково это – быть по правильную сторону Перста. Бессильные враги ломались, словно куклы. Нелепо раскидывали руки, отбрасывали головы, хрустели костями. Истошно выли, рушились под копыта собственных коней. Лошади тоже падали, когда плеть подсекала им ноги. Заходясь от боли, молотили культами оземь. За их безумным ржанием исчезало все: крики врагов, команды «залп», упругий звон арбалетов. Эрвин смотрел, смотрел и смотрел, полностью замороженный. Вражеское войско гибло без малейших усилий – как солома в огне! Он думал: десять тысяч раз прав был Вильгельм. Человеку нельзя владеть

Перстом, а полководцу – нельзя видеть такую битву. Это слишком легко. Порочная, непристойная, дикая легкость победы. Кто сделал это раз – не удержится от соблазна!

Кайр Обри потрянул его за плечо:

– Милорд, простите, не пора ли?..

Он заморгал, словно пьяный. Глянул на хронометр: прошло тридцать пять минут. Двадцать осталось на то, чтобы добить первый вражеский отряд и развернуть Орудие. Затратив время на переправу и обходной маневр, отряд ганты Ондее прискачет позже. Ганта думал зайти Ориджину в тыл, когда тот будет связан боем. Вот только ганта ошибся: когда он прибует, бой в деревне уже окончится!

– Первая, вторая роты – в атаку, – скомандовал Эрвин, и Обри передал приказ.

Конница Фитцджеральда хлынула из-за укреплений вниз по спуску. Влетела в реку, взметнула фонтаны брызг – клочки радуги заплескались на водной пыли. Играя мускулами, кони набирали ход. Блестя от влаги, сверкая белыми зубами, выпрыгивали на берег и врезались в нестройные ряды вражеского войска. Шаванов было больше, но обстрел Перстом буквально вырвал из них душу. Паника и ужас владели ими. Степняки ринулись врассыпную, сталкиваясь друг с другом, топчя поверженных. Иксы мчали следом и рубили на скаку. Мечи вертелись над головами, с каждым взмахом багровея от крови. Кто-то из шаванов успел спрыгнуть с коней, спрятаться в избах, заскочить на крыши. Но рота Шрама уже переходила реку, чтобы добить всех. За четверть часа восточный отряд шаванов погибнет, и Фитцджеральд со Шрамом вернутся в лагерь. Когда ганта Ондеей зайдет в тыл, кайры обрушатся на него с полной силой!

– А я хорош, не правда ли? – подмигнул Эрвин альтессе.

– Думаешь, уже победил?

– Это самая легкая из моих побед!

– Тогда позволь спросить, дорогой: что в этом случае я тут делаю?

Тревога лизнула свой тонкий пальчик, повела им в воздухе, словно пробуя ветер. Изящным жестом выгнула руку и указала пальчиком на запад – в степь, в тыл северян.

– Слышишь, любимый?

Он ничего не слышал, кроме звона клинков и боевых кличей. Но... тьма, почему?.. звон доносился с разных сторон! И с фронта – из деревни, где иксы добивали шаванов, но и с тыла – из-за линии укреплений!

А на хронометре сорок две минуты. Слишком рано!..

– Ганта обошел тебя, милый. На четверть часа раньше, чем ты ждал.

Сквозь Тревогу, сквозь кусты он бросился вверх по ложбине. Влетел в лагерь – и онемел. Шаваны были тут! Через проходы в тыловом валу они врываются в лагерь, гикали и свистели. Иксы Айсвинда осыпали их стрелами и болтами, Лидские Волки бросались в бой, обнажив мечи. Шаванов было немного – первая волна. Вероятно, их скоро перебьют, но последуют новые волны. А также ганта Ондеей со своим Перстом!

– Джемис, Орудие сюда!..

– Ты уверен, мой свет?

Эрвин закусил губу. Нет, тьма, Орудие не поможет! Его нужно поднять в лагерь, а потом еще затащить на вал. Нет времени на это, бой уже идет! В рукопашной Орудие погибнет. Нельзя допустить!

– Отходим в деревню! – заорал герцог. – Отступаем!..

Лидские Волки отбили первую волну. Шаванский авангард бежал прочь, но гул копыт нарастал за стеною укреплений. Стрелы сыпались дождем на лагерь, над валом лопались огненные шары. Вот-вот сюда ворвется главная сила Ондеей.

– Барон Айсвинд, любой ценой задержите их! Дайте нам хоть пять минут.

– Да, милорд.

– Капитан Лид, уносите раненых. Отходим в деревню, прячемся в избах.

- Да, милорд.
- Обри, мы с вами – к Орудию.
- Они сбежали по ложбине, путаясь в проклятущих кустах.
- Джемис, меняем позицию. Орудие – в деревню!

Нет времени искать коня, привязывать Орудие. Они подхватили его на руки и понесли прямо в реку. Чертовы камыши, проклятая грязь. Эрвин нырнул по грудь и чуть не упал, поскользнувшись на иле. Стрела булькнула в воду перед носом – не понять, откуда взялась. Битва гремела на обеих берегах. Они брели, увязая в донной грязи, продавливая грудью воду. Пес плавал кругами, довольный, что на сей раз не отстаёт.

Свистнуло, брызнула кровь. Случайная стрела задела руку Обри, он чуть не выпустил свою ношу. Орудие качнулось, на один миг Перст нацелился точно в голову Эрвину. Пленник даже не подумал о выстреле. На лице его светилось дурное блаженство: винты в черепе были отжаты. Скользя по бурой от крови глине, выбрались на берег. Несколько иксов ринулись навстречу:

- Милорд, что случилось?! Каков приказ?..
- Лагерь скоро падет. Занимаем деревню, ищем укрытия от Перста.

Всюду бродили кони без седоков. Отличные, выносливые степные кони. Тревога вспрыгнула на одного из них, хлопнула по седлу перед собой:

- Любимый, уедем из этого мерзкого места! Здесь кровь и грязь...

Он оглянулся на лагерь, которым вот-вот овладеет враг. Высокий берег реки, высокий вал на берегу. Ганта Ондей на этом валу будет королем. Он с Перстом – наверху и в укрытии, северяне – внизу, сиди и щелкай, как орешки... Нужно заставить его спуститься, переправиться на этот берег!

- Фитцджеральда ко мне.
- Я здесь, милорд.
- Возьмите первую роту, поднимите мой вымпел – и скачите отсюда ко всем чертям!
- Виноват, милорд?..
- Я приказал вам спастись бегством. Что неясно, тьма сожри?
- Где ваш конь, милорд?.. Возьмите моего!

Эрвин хлопнул себя по лбу:

- Я остаюсь. Вы – убегаете. Вон отсюда, дурачина!

Он выхватил Глас Зимы и стеганул по крупу лейтенантского коня.

Нечто горячее и мокрое ткнулось в руку – собачий нос.

- Милорд, сюда!
- Стрелец, ты говоришь?..

Пес метнулся туда, откуда звал Эрвина Джемис. Изба на отшибе – низкая, темная, внутри сумрак. Приоткрыв ставню на крохотном оконце, Джемис нацелил Орудие в сторону реки. Снаружи нельзя было его заметить.

- Отличная точка, кайр.
- Да, милорд. Я дождусь Ондея и пристрелю. А вы скачите прочь.
- Нет уж, я с вами.
- Милорд, я убью Ондея, потом зарежу Орудие. У шаванов не останется Перстов. Вы будете в безопасности.

Эрвин не удостоил его ответа. Отдал приказ кайру Обри:

– Найдите Шрама, велите его людям устроить засаду в деревне. Проследите за тем, чтобы Фитцджеральд сбежал вместе со своей ротой. Если он еще здесь – крепко пните под зад!

- Да, милорд.

Обри исчез, а Эрвин обернулся к окну. Лидские Волки покидали лагерь. Пешие воины спускались к реке, неся раненых. Конные ехали следом и прикрывали их щитами. На валу еще

держались иксы Айсвинда. Враг осыпал их стрелами, поливал огнем Перста. Тут и там люди вспыхивали заживо, факелами рушились в реку. Комок сдавил горло Эрвина. Ничего нельзя сделать!

Рота Айсвинда выстояла до той минуты, когда раненные выбралась на берег.

– Мы в деревне! Отступайте, барон! – Во весь голос проорал Лид, и Айсвинд отдал приказ.

Вот только отступить уже было невозможно: его роту рассекли на куски, отрезали от спуска и добивали, как загнанных зверей.

– Прыгай!..

Иного выхода и не было. Выжившие иксы стали прыгать с вала в реку. Эрвин заскрипел зубами от боли. Там же всего ярд глубины! Люди бились об дно, ломали кости, калечили суставы. Липкая грязь хоть как-то смягчала удар, некоторым удавалось встать на ноги. Но на валу уже появлялись шаванские лучники. С веселыми оскалами на рожах они взводили тетивы и всаживали стрелы в спины бегущих. Последние иксы прыгали с валов. Кричали от боли, поднимались на ноги, ковыляли через реку. Шаваны смеялись и пускали в них стрелу за стрелой. Ройдана багровела от крови.

– Милорд?.. – спросил Джемис.

– Нет, – выдавил Эрвин, – не стрелять. Ждем Ондя.

– Я могу прикрыть наших.

Эрвин и сам думал только об этом. Хлестнуть плетью по валу – и шаваны спрячутся, как мыши. Люди Айсвинда перейдут реку. Но ганта Ондей увидит, где Орудие.

– Не смей! Нельзя!

Скрипнула дверь, вошли Обри и Фитцджеральд.

– Почему вы здесь?! Должны были ускакать под моим флагом!

Фитцджеральд шмыгнул разбитым носом.

– Милорд, вымпельная рота скачет на восток. Но мое место – возле вас.

– Я дал ему... инструкцию, – сказал Обри. – Он не подчинился.

– Холодная тьма! Хотя бы Шрам исполнил приказ?

– Да, милорд, Шрам в засаде. Готов атаковать по...

Обри глянул в окно и осекся. На берег выползала горстка людей, истыканных стрелами, будто ежи. Все, что осталось от роты Айсвинда.

– Милорд, – процедил Обри, – сотрите в порошок этих мразей!

Эрвин стиснул зубы, чтобы не выкрикнуть: «Бей!» Первый отряд шаванов показался на спуске. Неторопливо, осторожно они съехали к реке. Держа наготове луки, присмотрелись к деревне. Проехали вдоль берега, добились искалеченных кайров, оставшихся в воде. Взяли под прицел деревенские избы.

– Рано, – выдавил Эрвин.

Новые шаваны показали на спуске. Один из них привстал в стременах, приложив руку ко лбу, поглядел вдаль над деревней, издал гортанный гневный крик. Он заметил герцогский вымпел над бегущей ротой Фитцджеральда.

– Ну же, давайте, погонитесь за мной...

Ответный крик донесся из-за вала. Шаваны разразились гиканьем и припустили вниз по спуску. Влетели в Ройдану, вспоров речную воду конскими грудями. С топотом выскочили на этот берег. Лидские Волки бежали на околицы деревни, пряча раненых от врагов. Шаваны изредка, мимоходом постреливали им в спины. Степняков уже не занимали раненые. Вдалеке маячил главный приз – герцогское знамя.

– Рано, – приговаривал Эрвин. – Нужен Ондя...

Целая сотня шаванов уже пересекла реку, вторая съезжала по спуску. Ройдана бурлила от людей и лошадей. Густая толпа, сплошные цели. Ударить бы по ним сейчас, на переправе! За вдох – дюжина трупов!

– Нужен Ондей... Ждем... Нужен... Тьма меня сожри!

Холодный пот прошиб Эрвина. А как узнать Ондю?! Он же не носит ни флага, ни вымпела! И не покажет Перст, пока мы не начнем стрелять. Как найти его?! Может, он был первым в колонне! Может, уже проехал село!..

Джемис наклонился к уху Орудия и шепнул:

– Если видишь ганту Ондю, убей его.

Орудие произвело выстрел. Тот всадник выезжал на берег в окружении других шаванов. Эрвин успел заметить, как он уродлив: кривая морда, щербатый оскал, желтые зубы... Голова разлетелась облаком крови и костей.

И Эрвин скомандовал – распрямляясь, разряжаясь, как взведенная тетива:

– Обри, сигнал к атаке! Бей их! Ради Агаты, бей всех подряд!

* * *

– Идем, любимый, – сказала альтесса.

– Идем, – согласился Эрвин.

Рука об руку они двинулись через поле боя.

Сразу же, у дверей избы, наткнулись на груды тел. Перед окном имелась такая же, и в огороде, и на улице. Перед окном – больше всего. Шаваны Ондю не разбежались после гибели ганты, Орудие не устало их. Они решили, что кто-то из ханида вир канна по доброй воле переметнулся к волкам. Полные ярости, кинулись в бой, чтобы покарать предателя. Обслуга Орудия и телохранители герцога, и даже сам Эрвин обнажили мечи и бились изо всех сил, прикрывая спину Джемиса. Помогла теснота избы: шаваны не могли ворваться всею массой. Узкая дверь, узкое окно. Враги невольно сгрудились в толпу... так и лежали теперь, изломанные плетью, изрубленные северными мечами. Герцог и альтесса поклонились им, выдержав минуту молчания. То были враги, однако храбрые воины.

– Тирья тон тирья.

Двинулись дальше по деревне. Тела были разбросаны тут и там, вперемешку шаваны и кайры, мертвецы и раненые. Бродили кони без седоков. Множество коней – теперь уж точно в них не будет недостатка...

Лидские Волки взяли на себя роль санитаров. Уносили раненых в тень, делили на легких и тяжелых, оказывали первую помощь.

– Иронично, – отметила альтесса.

Да. Лучшие убийцы, мастера насилия и пыток внезапно превратились в лекарей. Одни и те же знания нужны, чтобы ломать и чинить человеческое тело.

Окраина деревни, обломки дозорных башен. Держа наготове Глас Зимы, Эрвин разыскал двух перстоносцев. Оба мертвы, оба без правых рук. Один изломан так, что, очевидно, погиб сразу при падении. Второй смог отползти на пару ярдов. Там его нашел кто-то из соплеменников и отрубил руку, чтобы завладеть Перстом. С этим трофеем ускакал из деревни. Должно быть, сейчас он поет от счастья и славит Духов-Странников: богатый, будущий герой!..

– Какова длина цепи? – спросил Эрвин. Альтесса пожала плечами.

Сколько еще шаванов поочередно убьют друг друга, завладевая мертвой рукой? Сколько раз бесполезный Перст поменяет хозяина?..

Чтобы не мешать работать санитарам, назад пошли окраиной деревни. Тут царил девственная тишь, ни один осколок бойни не долетел сюда. Несколько лошадей жевали траву,

махали хвостами коровы, отгоняя оводов. Деловито жужжали пчелы. Да, у них же тут пасека. Кто-то когда-то делал мед... Когда-то давно – целых три дня назад.

– Вдохни поглубже, – предложила альтесса, глядя плечо Эрвина.

Они вышли на реку. Берега Ройданы превратились в погост. На этом берегу – шаваны и кайры, на том – одни северяне. На траве, на песке, в камышах, на отмелях... Санитары уже делают свое дело: поднимают и кладут в ряд, поднимают и кладут, поднимают и кладут... Их лица и жесты не дают ошибиться: здесь только мертвецы, никого живого.

– Милорд...

Эрвин обернулся к телохранителям, что следовали за ним. Но те молчали, а голос шел снизу, от воды. Воин с двумя стрелами в спине силился вылезти на берег, цепляясь за траву.

– Милорд...

Эрвин ринулся к нему на помощь. Хоть кто-то выжил! Не смей теперь умереть!

Боец будто прочел его мысли:

– Стрелы – ерунда, застряли в доспехе. Нога только сломана... Мы победили, милорд?

Здесь, посреди кладбища, не сразу повернулся язык. Заставить чувства умолкнуть, сказать трезво и сухо – будто читаешь книгу по истории:

– Потери велики, но победа наша. Враг разбит наголову. Все перстоносцы мертвы.

– Слава Агате!

Обри понес раненого в лазарет, а Джемис и Эрвин перешли на другой берег. К ним приблизился санитар:

– Милорд, вам следует увидеть...

Уничтоженное Перстом тело нельзя было узнать. Уцелел клочок плаща с капитанскими нашивками и наруч на мертвой руке – с гербом дома Айсвинд. Эрвин склонился над покойником, осенил четырехкратной спиралью.

– Светлая Агата, раз ты не изволишь посмотреть в нашу сторону, то изложу на словах. Твой внук, барон Курт Айсвинд, отдал жизнь, чтобы задержать врага. Его подвиг спас все наше войско. Уж будь добра, прими его в лучших покоях!

Эрвин прочел отходную молитву. Тревога сказала:

– Роте Айсвинда нужен новый командир.

Эрвин спросил:

– Какой еще роте?..

Оставив за спиной жуткий берег реки, они поднялись в укрепленный лагерь. Здесь царил неожиданный порядок: мертвые уже были сложены в ряд, раненые ухожены, кони собраны и привязаны. Капитан Шрам вышел навстречу Эрвину, и герцог похвалил его:

– Благодарю, что позаботились обо всем. Доложите о потерях.

Душа Эрвина сжалась в ожидании ответа. Но на сей раз Праматери улыбнулись:

– В моей роте только трое погибших и шестеро раненых, милорд. Подразделение боеспособно, моральный дух на высоте.

Шрам добавил после паузы:

– Вот только порядок навели не мы. Когда сюда поднялись, эти уже занимались ранеными.

Он указал на «этих». В тени вала сидели рядком все жители деревни: кузнец Бершан с детьми, знахарка с ученицей, дюжина пастухов, семья пчеловодов, группа чумазой мелюзги... Все, кого герцог пощадил нынешним утром.

– Почему они здесь? Разве не было возможности сбежать?..

Эрвин знал, что была. Когда бой перекатился из лагеря в деревню, на этом берегу не оставалось северян. Пленники вполне могли разбежаться.

Герцог подошел к кузнецу:

– Ты сказал Ондею, что у нас есть Перст?

Бершан опустил голову:

– Я сказал. Ондаей не поверил. Гной-ганта не мог дать силу волкам.

– Дурачье. И он, и ты. Почему вы не сбежали? Снова ждете милосердия – после того, как выдали тайну?

Жена кузнеца ударила лбом в траву и быстро заговорила на степном наречье. Бершан перевел:

– Мы видели, как ты убил трех ханида вир канна. Нельзя убежать от такого, как ты. Если захочешь, легко догонишь нас. Твоя доброта – вот вся наша надежда.

– Где мне взять доброту?

С тяжелым вздохом герцог повернулся к Шраму.

– Капитан, есть еще пленные, кроме этих?

– Так точно, три дюжины всадников Ондаей.

– Приведите и постройте.

Эрвин смотрел, как шаванов сгоняют в лагерь и ровняют в шеренгу. Альтесса обнимала его сзади, положив подбородок ему на плечо.

– Ощути разницу, любимый. Это ведь не Альмера.

После боя у реки Бэк пленные точно так же строились в линию. Но там были альмерские дворяне, внуки Праматерей, почти сородичи Эрвина. Здесь – дикари, что молятся быку и червю.

– Тогда тебе стоило быть милосердным.

Он согласился: тогда – стоило. Альмера горда и строптивая; прояви лишнюю жестокость – и все герцогство поднимется против тебя. Здесь – наоборот. Эти варвары, словно псы, уважают жестокость, а доброту считают слабиной. Зарежь половину – вторая станет твоими рабами. Отпусти всех – и Степь узнает, как мягок герцог северян.

– Это сейчас кузнец молит о пощаде. Но попробуй пощадить – он же плюнет тебе в спину.

– Да, любимая, – снова согласился Эрвин. – Я знаю, что будет так.

Подошли ротные командиры.

– Поздравляю с победой, милорд, – сказал Хайдер Лид. Повертел двумя пальцами у виска, будто вкручивал винт: – Орудие отлично себя показало.

– Моя рота вернулась в деревню, – доложил Фитцджеральд, шмыгнув носом. – Надеюсь, милорд удовлетворен качеством нашего бегства.

– Вам повезло, кайр. Слава богам, что Ондаей смотрел только на флаги. Если б заметил в деревне ваш командирский плащ, не ринулся бы в погоню, а сперва сжег бы все село. Снова нарушите приказ – сниму и плащ, и голову.

– Рад служить, милорд! – рявкнул Фитцджеральд, уверенный в правильности своих действий.

Подошел и Шрам:

– Милорд, пленные построены. Позвольте высказать просьбу: пощадите сыновей Бершана и заберите с собой. Нам пригодятся рабы, сведущие в кузнечном деле.

Хайдер Лид добавил:

– Я бы также взял женщин. Сами понимаете...

Эрвин качнул головой:

– Господа, позвольте напомнить: мы все еще отличаемся от дикарей.

Джемис Лиллидей сказал, поглаживая холку Стрельца:

– Милорд, нужно убить всех поголовно. Эти люди знают, что у нас Орудие. Некоторые даже видели его устройство. Никто не должен выжить.

– Благодарю за совет, кайр.

Рука об руку с альтессой Эрвин подошел к пленным шаванам. При взгляде на него жители деревни буквально затрепетали. Но всадники Онддея смотрели герцогу прямо в глаза, играя желваками от гнева. Старший из них процедил:

– Мы улетим с Ордой Странников в лучший мир! А за тобой придет Гной-ганта и скормит Червю. Волкам не будет спасения! Ваша кровь наполнит Ройдану!

Даже сам Эрвин не успел понять, как... Он не думал об этом, не принимал решения. Глас Зимы сам собою вылетел из ножен и метнулся зигзагом. Вверх-вниз, вверх-вниз. Молния Агаты полыхнула во всей красе.

Герцог стряхнул кровь с клинка и отступил назад. Разваливаясь на части, тело шавана рухнуло в траву.

– Я устал, – тихо сказал Эрвин, – очень устал слышать ваши угрозы. С того дня, как сделался герцогом, я предлагаю Степи только мир. Вы упорно считаете это моей слабостью.

Он пошел вдоль строя пленников, роняя слова:

– Наравне с вами я бился против Адриана. Когда Минерва просила разгромить вас – я отказал. Когда ганта Гроза попытался меня убить – я простил его. Две недели назад я пришел под стены Рей-Роя, чтобы предложить союз...

Один из шаванов ухмыльнулся – да так и застыл с перекошенной рожой. За один вдох Эрвин всадил клинок в грудь и выдернул обратно, и двинулся дальше, не глядя, как оседает наземь мертвое тело.

– Да, сожри вас тьма, я пришел в Рей-Рой с миром! Вы атаковали меня, даже не дав сказать. Но мы разбили вас и отняли Перст. Затем я пришел в эту деревню – и пощадил всех жителей, даже тех, кто узнал мою тайну. Вы снова напали...

Еще один пленник пошевелил челюстями. Глас Зимы только этого и ждал. Взлетел искрою и опустился, оставив борозду поперек горла.

– Зачем?.. – удивилась альтесса.

– Он хотел в меня плюнуть.

– А по-моему, просто сглотнул от страха.

– Значит, ему не повезло.

Эрвин шел дальше вдоль строя и говорил все громче, наполняя голос силой и злобой:

– Вы кидаетесь на меня, как чертовы дворовые псы! Гной-ганта – жестокий зверь, и вы лижете ему пятки. А я милосерден – значит, слаб? Вы уверены в этом?

Шаван дернулся – бежать или напасть, теперь не разберешь. Он захлебнулся стоном, когда клинок вонзился в его брюхо. Глядя в глаза умирающему, Эрвин провернул Глас Зимы:

– Как по-твоему, я слишком милосерден?

Тот затрясся в агонии, издал жуткий хрип. Эрвин выдернул клинок, позволив телу упасть.

– Коль вы собаки, мне придется лаять. Скажу на языке, понятном вам. Если снова полезете ко мне – я раздавлю вас, как червей. Если Гной-ганта вернется – раздавлю и его. Если с ним будет сорок тысяч всадников – я положу в пыль всех до единого!

Кузнец Бершан раскрыл рот – и Глас Зимы с радостным свистом метнулся в воздух. Полоса дымчатой стали вошла точно между зубов кузнеца, но не задела плоть. Острие меча остановилось во рту, почти касаясь языка.

– Ты желал что-то сказать? – осведомился Эрвин.

– Прости нас, – сказала жена кузнеца, сгибаясь до самой земли. – Гной-ганта принес беду. Онддей зря пошел за ним.

– Онддей пошел за ним потому, что Гной-ганта – зверь. Но волк – тоже зверь. Намного опасней червя.

Ориджин взмахнул мечом, сметая кровь с клинка, и убрал его в ножны.

– Вы свободны. Ступайте и расскажите всем: вы видели последний раз, когда герцог волков проявил доброту. Это чудо больше не повторится.

Монета – 1

*Июль 1775 г. от Сошествия
Восточное море; Грейс*

«Милая Низа, настало время нам с тобой хорошенько обмозговать наше будущее. Раз уж ты всячески вызвала мое доверие, то опишу все начистоту.

Перво-наперво сообщаю тебе, что все у меня вполне хорошо, за вычетом необходимости ночевать в одном помещении с шаванами. Во время сна они издают множество неожиданных звуков, в том числе и довольно пугающие. Но я преодолел эту проблему, приобретя в Леонгарде большой запас снотворного зелья. Надеюсь, моя девочка, что и у тебя все идет хорошо. Теперь же перейду к сути.

Давеча в Мелисоне ты упрекнула меня: дескать, я ничего не хочу и жизненной цели не имею. Было обидно услышать такое от той, кого спас и окружил своей заботой. Но позже, обдумав как следует, заметил я долю твоей правоты. Спроси меня: как жил Хармон Паула до прошлого года? А вот как: купил товар – продал, получил барыши. Снова купил, снова продал, наварил немного. Опять купил – и так по кругу, колесом. Теперь спроси меня: что в прошлом году случилось? Улыбнулась мне доля, да так ярко, что срубил я одним махом три тысячи эфесов. За раз выручил больше, чем за всю прошлую жизнь!

Тут уж стало ясно: нет смысла дальше по мелочам вертеться. Какой прок хлопотать за монетку, когда в кармане три тысячи? Тогда вопрос дальнейшей цели основательно встал передо мною. И я решил для себя вот что: нужно творить добро, на радость Праматерям. Но как его творить, скажи на милость? Ведь я не лекарь или священник, или еще кто-нибудь, чье ремесло располагает к добрым делам. Словом, не обучен я помогать людям.

Надумал себе лишь одно: отвезти Светлую Сферу в столицу и отдать владычице Минерве – уж она хорошо распорядится Предметом. Но и тут потерпел неудачу: Сфера была у меня отнята – да о чем говорить, если это несчастье на твоих глазах случилось. А потом угодили мы с тобой ко двору владыки Адриана, и тут уж я совсем запутался. Вся эта кутерьма с подачею вина и дегустацейей блюд решительно сбила меня с пути добра. Не использовал я свои возможности, хотя они имелись. Посуди сама: предворный человек явно может больше, чем какой-нибудь трубочист.

К счастью, плаванье по морям принесло мне облегчение. На галеоне, как оказалось, имеется особая должность под названием стюарт. Эти стюарты должны подавать пищу всем офицерам и вельможам, включая также владыку. Неправильно было забирать у стюартов хлеб, так что я оставил им подачу блюд на стол, а сам ограничился лишь дегустацейей. Освободив себе изрядный запас времени, я снова задумался о добре.

Должен сказать, моя милая девочка, я сопровождал свои мысли наблюдением за тобою. Одолжив у дежурного офицера зрительную трубу, стал рассматривать ваш корабль – «Величавую Софью». Я хотел убедиться в твоём благополучии и с великой радостью увидел, как ты свободно гуляешь по палубе, а рыцари и матросы приветливы с тобою, и даже сама леди Магда проявляет благосклонность. Не скрою, что любовался твоею стройною

фигурой, грацеозной походкой, волосами на ветру. Тут я спросил себя: какое доброе дело выбрала бы моя Низа? Ответ был прост и ясен: небесный корабль.

Ты с большим восторгом приняла изобретение, так радовалась полету и печалилась от утраты шара. А что, если в мире есть и другие люди, подобные тебе? Если многих девушек и юношей осчастливит путешествие по небу? Коли так, значит, постройка небесных судов и есть доброе дело, доступное мне! В одном ремесле я могу соединить и свой талант к торговле, и принесение счастья людям. Я должен строить и продавать шары!

При удобном случае я обратился с просьбою к владыке Адриану. Как ты знаешь, он приготовился жениться и по этой причине находился в прекрасном настроении духа. Я изложил свое дело. Сказал: так мол и так, для меня большая честь служить чашиком вашего величества. Я вовсе не достоин ее, вечно боюсь оконфузиться и опозорить августейшее застолье. Когда окажемся в Фаунтерре, видную роль чашика должен принять на себя благородный дворянин. А я прошу ваше величество позволить мне вернуться к делу производства небесных кораблей.

Адриан ответил с легкой насмешкой, но одобрительно. Сказал, что мне самое место в корзине воздушного шара, и что, вероятно, я попаду в Фаунтерру даже раньше него, ибо он хочет послать меня туда с одним дельцем. По словам Адриана, он совсем не возражает, если я открою в столице верфь для небесных судов.

Я очень обрадовался, как тут вспомнил еще об одном затруднении. Помнишь ли ты скверный слух о том, что полеты отнимают мужскую силу? Не отпугнет ли он наших будущих покупателей? Подобное несчастье уже случилось с мастером Гортензием. Но я легко нашел решение этой задаче! Если мы с тобой, Низа, обзаведемся ребенком, то всяком будет очевидна безопасность небесных путешествий. В этой связи я и подумал предложить тебе стать моей женой.

Согласись, это будет хорошо с любых точек зрения. Мы с тобой хорошо знакомы и удачно совпадаем по нраву, наша дружба испытана во многих пирипитиях. В столице никто не посмеет осудить твое степное происхождение, раз ты будешь супругой богатого судовладельца. А я получу надежную помощницу, которой можно доверить и денежные, и душевные дела. Вот потому и говорю: готовься к свадьбе, моя милая.

До скорой встречи!

*Хармон Паула Роджер
с борта галеона «Величавая Софья»*

Хармон слегка покривил душой, когда сказал, что лишь раз полюбовался Низой. На самом деле, он пялился на нее в каждый свободный час, а свободных часов имел теперь ох как много.

Очень быстро он заметил, что Низа перестала быть пленницей. Она гуляла где хотела, разговаривала с солдатами и матросами. Тот рыцарь, что прежде стерег ее, теперь угощал чаем и элем. Низа занималась рукоделием, починяла одежду для воинов миледи. На глазах у торговца сама леди Магда заплатила ей монету.

Не было сомнений: дочь герцога сочла задачу Хармона исполненной и освободила Низу. Поняв это, Хармон не перестал наблюдать, а напротив, буквально прирос к окуляру. Что бы Низа ни делала – вышивала ли, сидя на скрещенных ногах, беседовала ли с кем-нибудь, смотрела ли на море, подставив лицо ветру, – Хармону теплело на душе от каждого взгляда.

Вскоре он замучил просьбами всех дежурных офицеров. Они пришли к единому решению: навсегда отказать ему в пользовании зрительной трубой. Хармон стал смотреть без нее, невооруженным глазом. «Величаявая Софья» шла в добрых трехста ярдах от «Хозяина морей», торговец не видел почти ничего, но фантазия и память восполняли недостатки зрения. Он воображал Низу во всех вариантах. Вот она летит на шаре, сияя от восторга. Вот мирно спит, свернувшись калачом, подложив кулачок под щеку. Вот подает ему вино и рассказывает легенду про теленка. А вот гневно блещет глазами, увидев Светлую Сферу... Низа была чертовски хороша в окуляре зрительной трубы, а воображении – еще краше.

Но мысль жениться не посещала Хармона до той поры, пока его не достигли слухи.

Сплетни – почти всегда вранье. Положим, кто-нибудь выкладывает в досужей беседе:

– Олаф-портной, у которого лавка в соседнем квартале, выгнал жену! Да, выгнал, прямо-таки на улицу! Встал на рассвете, умылся, состряпал поесть, чаю заварил, позавтракал. Проснулась жена, только к нему: мур-мур-мур, – а Олаф ее хряп по шее, и за дверь. «Не нужна мне такая лежебока!»

Вот ты слушаешь это и замечаешь особый тон рассказа: напористый, убедительный. Думаешь себе: а откуда он, собственно, знает? Неужели сам завтракал с Олафом-портным и его женою? Спросишь для проверки:

– А тебе кто сказал – Олаф или жена?

Получишь твердый ответ:

– Олаф сказал булочнику, тот – мелкому Гансу, а Ганс – мне.

Так и знай: все вранье от начала до конца. Зайдешь завтра в лавку Олафа – увидишь их с женой в обнимку, еще нежней, чем были раньше. Сплетник ведь чего хочет? Удивить слушателя. А правдой не удивишь: известно же, что Олаф с супругой живут душа в душу, ничего тут нет поразительного. Вот и приходится сочинять небылицы.

Словом, слухи лгут всегда... Кроме случая, когда все вокруг говорят одно и то же.

Хармон впервые услышал о празднике от стюарда (либо ординарца, как бишь его):

– В Руайльде нужном вином запастись для торжеств. Если владыка имеет особые предпочтения, сообщите нам о них, господин чашник.

Сказано было буднично, без тени намерения удивить. Хармон наострил ухо:

– Что праздновать-то? Возвращение в Фаунтерру?

– Разве в Фаунтерру? По моим сведениям, мы идем в Грейс.

– И что за праздник будет в Грейсе?

Стюард погладил двумя пальцами свое запястье и ушел по делам. Жест означал намек на обручальный браслет. Хармон озадачился: какая еще свадьба? Не до нее сейчас. Война, Персты, Кукловод, деконструктор...

Но вскоре беседы о свадьбе зазвучали по всему кораблю. Короткими обрывками, без точности, но все – на одну тему. Шаваны предвкушали, сколько молоденьких девиц соберется на свадьбе. Матросы надеялись, что по случаю их отпустят на берег. Должны отпустить, шутка ли – такой праздник! Монахи Второго из Пяти обсуждали, какой обряд лучше: столичный или южный? Столичный придется по нраву жениху, зато в южном обряде больше чествуют Праматерь Софью.

И никто не говорил, о какой свадьбе речь. Казалось, что женитьба – дело ясное, всем известное, один лишь Хармон остался в незнакомых. Досада пробрала его до самых костей. Во-первых, что же он, последний дурак на корабле? Во-вторых, какой-то счастливчик женится и заживет сладко, уютно, с милою девушкой под боком, – а бедный Хармон все еще томится в одиночестве...

И когда шаваны вновь завели о женитьбе, торговец не выдержал:

– Неужели другой темы нет?! Обсудите лучше коней или Духа Червя, или что у вас там в степях принято!

Они очень удивились:

– Чего бы не поговорить? Не каждый день владыка женится!

– Постойте, вы сказали – владыка?

– А кто? Не ты же!

– Какой владыка? Адриан?

– Ну, ясно, не Ориджин!

– И на ком?

Шаваны переглянулись. Гурлах отчего-то заржал, Косматый хлопнул себя по заду.

– Не томите, а! Кто невеста?

Хаггот дал ответ. Торговец разинул рот, да так с открытым и остался.

Леди Магду Лабелин он женщиной не считал. Если думал о ней, то всплывали в уме несколько разных сущностей: свиное рыло, бьющий в живот кулак, ядовитая жаба, еще – колбаса, пухлая такая, с сальными прожилками. Образ девушки даже рядом не стоял. Вроде, имя женское – Магда; носит платье, длинные волосы; располагает грудью. По всем формальным признакам должна считаться женщиной... но нет, никак.

– Ты, верно, спутал, – сказал торговец шавану, когда обрел дар речи. – Владыка не может жениться на леди Магде. Никто не может. Это против законов природы.

И Гурлах снова заржал по-конски, а Хаггот сказал:

– Думаешь, почему владыка зол, как волк?

У Хармона будто открылись глаза. Вспомнил он дворянские повадки: если благородный излишне сдержан, подчеркнута вежлив, как Адриан последними днями, – значит, на душе зима с метелью.

– Вот тьма, – выронил торговец. Еще разок уточнил: – То есть, правда, на ней?

Косматый буркнул:

– Чего не сделаешь ради трона.

Ганта Бирай подкрутил ус:

– Да все у него хорошо. Жена – для политики, чтобы войско и союз. А для удовольствия заведет альтессок. Будет у него по красивой девице на каждый день недели. Вы еще позавидуете!

– А детей рожать? – Сказал Гурлах. – Владыке нужны принцы. Их никак не сделаешь без того, чтобы это...

– Разок потерпит, – ответил Бирай. – Глаза закроет.

И вот тогда Хармона озарила мысль. За исключением богатства, Низа лучше леди Магды буквально во всем! Красивее в сто раз, женственней, нежнее, добрее, скромнее. Словом, выше на множество ступеней – ну, за исключением богатства. И если владыка все-таки решился на брак, то о чем думать Хармону?!

Он испытал лишь малое колебание. Бирай и другие шаваны из адриановой стражи были грубыми дикарями. Скверно выйдет, если сын торговца и Низы вырастет походим на них. Стоит проверить, нет ли родственной связи между Низой и этими мордоворотами. Потому он спросил шаванов:

– Парни, а вы из какой части Степи?

Они удивились. Гирдан сказал:

– Тебе какое дело?

Ганта Бирай погладил свой расшитый пояс:

– Дурак ты, что ли, сам не видишь?

Хаггот ответил толком:

– Мы родились на Брокке, во владениях ганты Юхана Рейса, у самого Града Пламенного Быка! Кроме Косматого, тот из Удали приехал.

– Спасибо за ответ. А где родилась моя Низа, ты часом не знаешь?

Шаваны заржали.

– Во башка коровья! Купил сучку – и не спросил, откуда родом! Вдруг из Сырой Степи? Ночью вспорет тебе брюхо и набьет навозом, будет смеху! Или мышеедка из Тхарских Мельниц? Сварит тебе похлебку – а там лысые хвосты! А может, Низа – дочь народа холлов с берегов Дымной Дали? Тогда ж она и не шаванка вовсе!

Хаггот цыкнул зубом:

– Да ладно стращать, он же и так пуганый. Низа – не холка и не сырая. Точно я не скажу, но так поговору – вроде из Верхнего Рейса, где-то с пограничья.

– Это же не далеко от вашей родины, правда?

– От коня зависит. Моему – два дня ходу, а кляче Косматого – неделя.

Косматый бросил в Хаггота сапогом. Тот уклонился и метнул нож. Не в шавана, конечно, а просто так – показать прыть. Клинок вонзился в доски, и Косматый тут же заявил:

– Лысый хвост, а не бросок.

Скоро они все метали ножи в стену, нацарапав вместо мишени крест. А Хармон укрепился в своем решении.

Поскольку он и Низа по-прежнему плыли на разных кораблях, он сочинил ей письмо и передал через вестового при якорной стоянке в Руайльде. Хармон остался очень доволен тем, как логично и веско обосновал необходимость брака. План строительства небесных кораблей очень выгоден и заманчив, и давал твердые причины для женитьбы, чуждые всякого легкомыслия. Столь разумное предложение невозможно отвергнуть!

Пока эскадра шла от Руайльда к Грейсу, все на борту готовились к одной свадьбе, и только Хармон предвкушал другую.

* * *

– Все вон, – сказал герцог Морис Лабелин.

Стражники и слуги поспешили на выход. Только горничная все еще колдовала над свадебным платьем, пытаясь затянуть его на спине Магды и закрепить результат булавками. Герцог пристально глянул на горничную:

– Особенная, да?

– Ваша светлость, но как же...

– Ногами! Вон!

Бросив свое дело, девушка ринулась к двери. Платье тут же разошлось сзади, утратило форму и повисло на бретельках. Магда оказалась одета в белый мешок с прорехой на спине.

– Оно мне мало.

– Заказал по зимней мерке. Ты растолстела в Шиммери.

– Идовы портные ошиблись, нужно срочно сшить другое.

– Корова. Кабаниха.

– Папа!..

– К тому же, дура.

Кровь бросилась в лицо Магде. Папенька мог звать ее толстухой, лентяйкой, скрягой и даже свиньей, но всегда гордился ее умом.

– Отец, как вы можете?..

Герцог Морис обошел ее по кругу, рассматривая, словно чучело.

– Я закажу другое платье, – проямлила Магда.

– Нет.

– Выйду и переоденусь...

– Стой.

Герцог Морис выбрал точку для наблюдения, подвинул кресло и уселся так, чтобы видеть всю полноту уродства дочери.

– Дуреха... – он брезгливо встряхнул подбородками. – Что мне с тобой делать?

Магда не нашла ответа. Уткнулась в пол, погладила себя по бокам, силясь придать платью подобие формы.

– Хоть осознаешь, что натворила?

Магда промолчала.

– Та дочь, которая была у меня зимой, все понимала бы сама. Но солнце так напекло тебе голову, что мозг расплавился и вытек через ноздри... Свинка моя, какой черт подбил тебя связаться с Адрианом?!

– Я думала...

– Ни черта ты не думала! Уж точно – не головой! Между ног засвербело, а тут раз – мужчинка. Красавчик, янмэйчик. Отчего бы не взять?

– Отец, я не...

– Твою ж Праматерь, кончай перебивать! Когда захочу услышать хрюканье, дам тебе слово. А сейчас – молчи и терпи! Я вот терпел, сожри тебя тьма. Ты лазила где-то в горах, куда птицы не летают, слала мне эти вот писульки... – Герцог с отвращением сжал пальцы, будто комкал ленту голубиной почты. – Я ничего не мог, только читать и молиться, чтобы ты не испортила окончательно все! Не утопила в глубоком дерьме свои же успехи! Читал и молился, заклинал Праматерь Софью... Но какое там! Ты утопилась сама, высунула руку из выгребной ямы, схватила меня, маму, брата, вассалов, рыцарей – весь Дом Лабелин – и бульк в дерьмище!

Герцог сорвался с места, взбудораженный гневом. Принялся расхаживать по комнате, тяжелым шагом выжимая скрип из половиц.

– Адриан – прокаженный. Знаешь, когда по всему телу – эти вот язвы, из которых льется гной. Он противен целому миру, все хотят его прикончить. Адриан – идеальный козел отпущения. Кто еретик? Адриан. Кто разогнал Палату? Адриан. Кто самодур и деспот? Кто сжег Эвергард? Кто допустил мятеж, потерял достояние Династии? Кто крал леденцы и насиловал овец?! Адриан, Адриан, еще трижды – Адриан! Черт, даже я хотел его придушить – за то, что он проиграл, когда я ставил на победу. Как можно было проиграть, имея пятнадцать искровых полков!.. С этим существом надо было сделать одно: при встрече сразу заколотить в гроб. Просмолить все щели, чтобы защититься от заразы. В таком виде привезти его сюда и продать кому-нибудь – вместе с гробом, не открывая. Но, боги, класть его в свою постель!..

Герцог сделал короткую паузу. Новая волна гнева захлестнула его и брызнула словами:

– Знаешь, в чем самая большая твоя глупость? Конечно, нет, откуда!.. Ты думаешь, что он исполнит обещания. Станет тебе верным мужем, окружит тебя, значит, заботой и уважением... Очнись! Этот кусок янмэйского дерьма до сих пор мнит себя императором. Он, видишь ли, оскорблен твоим шантажом. Ты заметила: он не пляшет от счастья, не лижет нам пятки в благодарности за то, что жив. Он, понимаешь ли, таит обиду и лелеет планы мести. Спать с ним в одной койке – все равно, что с шакалом!

Морис Лабелин вытер платком пот со лба. Грузно опершись на подлокотники, опустился в кресло. Он тяжело дышал, утомленный собственной яростью.

– Ладно, идиотка, теперь скажи... О чем ты думала?

Магда разгладила платье, собираясь с мыслями. Поискала сторону, откуда можно зайти, не рассердив отца. Как начать, чтобы первую фразой смыть с себя клеймо «дуреха».

– Прежде всего, папенька, я проверила, что задумал Адриан. С помощью одного человека стала перехватывать его письма. В них нет никаких планов против нас. Вот, поглядите...

Придерживая платье левой рукой, Магда открыла ящик стола и вынула пачку бумаги.

– Дура, – буркнул отец. – Там все вранье.
– Вы даже не прочли!
– Раз Адриан дал их перехватить, значит, там заведомая ложь. Он накормил тебя дерьмом.

Магда сглотнула комок горечи.

– Папенька, мы захватили огромное число оружейных очей. В дороге солдаты тренировались, скоро у нас будет полноценный искровой полк!

– Чувствуешь вонь?.. – буркнул отец. – Это я обделался от счастья. Целый искровой полк – надо же! Одна десятая той армии, которую Ориджин разбил в прошлом году!

– Очей хватит на пять полков. Мы подготовим тысячи солдат...

– Они будут спать в твоей кровати, между тобой и мужем?.. Чем они помогут, когда Адриан решит предать?!

– Он не сможет предать меня, пока не одержит победу над...

– Вот именно, сожри тебя тьма! Если он не одержит победу, вас с ним захотят убить Ориджин, Минерва, Кукловод и еще примерно полмира! Но если одержит, то убивать тебя придет он сам!

– Папенька, наши враги воюют между собой. Шейланд и Ориджины расправятся друг с другом. Тот, кто останется, будет слаб.

– Хрен мышиный – вот кто слаб! Весь Запад теперь за Шейландом. Орда, вооруженная Перстами! Они сожрут Первую Зиму и даже не подавятся!

– Есть деконструктор...

– Это что за дрянь?!

Магда толкнула манекен, на котором прежде висело платье. Деревянная фигура с грохотом треснула на пол. Руки отвалились и отлетели в стороны.

– Папенька, если вы и дальше будете перебивать меня, то услышите лишь одно: как я называю вас старым мерзким засранцем.

– Тогда я пошлю тебя ко всем чертям. Одну, без армии и денег. Сдохнешь в канаве со свиньями.

– А вы сдохнете старым мерзким засранцем, которому не хватило ума выслушать собственную дочь.

Герцог поскреб подбородки.

– Что там за хренконструктор?

– Священный Предмет, способный уничтожать другие Предметы. Помните форт в Запределье? Был – и не стало. Предметы исчезли в небытие и забрали с собой форт.

Во взгляде отца появилось нечто вроде интереса.

– Хочешь сказать, ты знаешь, как это сделали?

Магда заговорила медленно и многословно. Теперь-то отец не станет перебивать, из любопытства будет слушать внимательно. А пока слушает – успокоится и сможет ее понять.

Не торопясь, Магда изложила все, что знала о деконструкторе, и даже кое-что домыслила. Отцовский гнев ослаб, багровые пятна ушли с лица.

– Любопытные сведения. Как ты их добыла?

– С помощью шпиона. Он узнал, что у Адриана есть книга с описанием деконструктора. Я нашла ее и убедилась.

– Хм...

Герцог щелкнул пухлыми пальцами. Вспомнил, что слуг нету рядом, и попросил:

– Дочь, налей-ка вина.

Она исполнила. Отец спросил, промочив горло:

– Как нам поможет этот деконструктор?

– Я полагаю, он поможет Адриану. Узнав о нем, владыка сразу решил идти на Фаунтерру. Несложно догадаться: Адриан планирует выждать, пока Шейланд разобьет Ориджина, а потом отнять деконструктор и уничтожить самого Шейланда вместе с его бригадой. Замок Уэймар набит Священными Предметами, лучшие солдаты Шейланда носят с собой Персты. Деконструктор сметет их, как пыль со стола!

– А как Адриан заберет деконструктор? Это главное орудие Кукловода, он бережет его лучше, чем собственную задницу.

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Не знаю. Я верю, что он это сделает.

– Веришь, да?

– Я ставлю на Адриана, как на беговую лошадь. Необязательно знать, в каком порядке конь переставляет ноги. Достаточно верить, что он придет к финишу первым.

В голосе отца вновь зазвенела злоба:

– Значит, ты сделала ставку? Бросила на кон все наше благополучие и просто надеешься выиграть?

– Да, отец.

– Если твоя ставка сгорит, нас сотрут в порошок Ориджины. А если сыграет – это же сделает Адриан!

– В случае победы, папенька, – процедила Магда, – ты получишь все, что захочешь. Адриан попытается отомстить лично мне, но не целому Дому Лабелин. Династия не переживет потери последнего союзника.

– Ты, значит, жертвуешь собой. Ложишься в койку со зверем ради счастья семьи. Как благородно!

– Вообще-то, да, благородно, – краснея, выдавила Магда.

– Неужели! В случае твоего провала Ориджин спросит с меня! Я – герцог, не ты! Я в ответе за нашу политику! Рискнуть отцом, чтобы надеть корону – прекрасный план! Пойми, дуреха: твоя ставка – моя шкура!

Вот тогда гнев, уже давно копившийся в Магде, пересилил робость перед отцом.

– Твоя бесценная шкура, как я могла забыть! Прости, что не учла твою проклятую трусость!

Отец побагровел:

– Что?.. Как ты посмела?!

– Захотела и посмела, в отличие от тебя. Ты ничего не смеешь, в этом беда! Не рискнул встать на сторону Ориджина. Мы бы купались в золоте, если б поддержали его, – но нет, ты выбрал императора, так было безопаснее! Когда Ориджин отнял половину герцогства – ты не стал биться до конца. Мы могли победить. Ориджин сидел в заднице – то есть, во дворце. Кайры только и думали, как спасти своего герцога. Мы могли ударить им в спину... но снова нет! Мой папенька – осторожней всех на свете!

– Заткнись, дуреха!

– Я не дуреха. Ты это знаешь, трус несчастный. Я разгромила шиммерийцев. Добыла все очи, какие были на чертовом Юге. Привезла обратно твои два миллиона эфесов, а вдобавок – новый искровой полк и императора в роли жениха. Знаешь, как мне все это удалось?! Я, тьма сожри, посмела! Хватило мужества протянуть руку и взять! В твоей дочке нашлось больше отваги, чем во всех твоих сраных рыцарях! Будешь упрекать меня за это? Ступай к черту! Я возьму свой полк и пойду к тому, кто ценит смелость.

Отец утратил дар речи. Лицо оплыло, челюсть отвисла, глаза стали больше серебряных glory, кадык подрагивал, будто в горле что-то застряло. Магде стало жаль его, она сказала мягче:

– Ты спрашивал о моем плане. Еще в Шиммери я разработала один – осторожный, как ты любишь. Взять Адриана в плен, привезти сюда и продать Ориджину. Риска нет, выгода велика... Но потом пришли сомнения: велика ли? Ведь, если подумать, чем заплатит нетопырь? Он силен и не зависит от нас, а Адриан – слаб и не слишком опасен. Ориджин не вернет всех наших земель, бывший император того не стоит. И уж точно не возьмет меня в жены. Может быть, при лучшем раскладе, мы получим город. Один.

– Фрр... – буркнул герцог.

– А очи – что будет с ними? – Продолжила Магда. – Искровая армия под нашим флагом – как редька в задницах Ориджина с Минервой. Они уберут угрозу любой ценой: заставят вернуть очи либо отнимут с боем. Теперь сведи баланс, отец. Мы лишимся половины земель и гигантской груды очей – а получим один город и сколько-то денег. Мы были вторым герцогством в мире – а станем огрызком вроде Шейланда. Неужели тебе не противно? Не тошно быть несчастным слабаком, которого все поимели?!

Герцог хлопал ртом, пытаясь отдышаться. Он походил на человека, которого облили кипятком, а затем бросили в прорубь. Магда наполнила кубок:

– Хочешь вина, папенька?

– М... – выдавил отец.

Магда опустилась на колени возле его кресла и подала кубок обеими руками.

– Уфф... – выдохнул отец, приложившись к вину.

Магда положила руку ему на плечо.

– Папенька, я не глупа. Могер Бакли хотел ограбить меня – и сдох. Генерал Гитан нахамил мне – он тоже сдох. Принц Гектор пытался нас обмануть – я забрала его войско и очи. Да, возможно, Адриан захочет отомстить... но кто тебе сказал, что он сумеет?

– Э... – буркнул отец с легчайшей тенью одобрения.

– Знаешь, – сказала Магда, – я привезла Хармона-торговца.

– Да?..

– Если захочешь, можешь спустить с него шкуру, но я бы не стала. Хармон хорошо послужил нам, узнав про деконструктор.

– И это повод простить его?..

– Отчего нет? Главный мерзавец – Шейланд, его мы прикончим. А Хармон – всего лишь собака. Служил Шейланду, теперь служит нам.

– Он вернул Светлую Сферу?

– Я же писала: Сфера у Адриана. Но любящий жених легко отдаст невесте такую малость.

– А что еще мы получим?

Магда обняла отца и зашептала на ухо. Он слушал, понемногу смягчаясь. Когда дочь окончила, на губах герцога проступила улыбка.

– У меня тоже есть кое-какие пожелания. Пускай твоя ставка принесет нам...

Он окончил шепотом. Магда рассмеялась:

– Да! О, да!

– С учетом этого, – сказал отец, – не стоит просить Сферу у Адриана. Она слишком испачкалась, обладание ею не приносит удовольствия. А он будет думать, что вернул нам часть своего долга. Нет уж, пускай долг растет! Оставим Сферу Адриану как свадебный подарок. И даже прибавим кое-что.

Отец извлек из сумки бархатный сверток, Магда увидела очертания двух колец, вложенных друг в друга.

– Ты принес подделку?..

– Если подумать, это более уникальный шедевр, чем сама Сфера. Предметов в мире много, а точная копия известна лишь одна. Вручим Адриану и то, и другое. Прибавим к его долгу. Дающему вернется сторицей – так говорила Глория?

– Еще как вернется, – ухмыльнулась Магда.
Герцог привлек ее к себе и тихо сказал:
– Снова назовешь меня трусом – горько пожалеешь.
– Прости, папенька.
– Уже простил. Но это единственный раз.
Потом обратил взгляд к нелепому наряду дочки:
– Фу, какая дрянь. Велю принести другое платье.
– Другое?..
– Я немного знаю свою дочь, потому заказал два. Одно – по зимней мерке, второе – на пару дюймов больше. В день свадьбы ты будешь красавицей.

* * *

Как оказалось, Грейс не готовился к императорской свадьбе. С прибытием флота здесь начался полнейший хаос. На берегу дежурила герцогская стража в ожидании груза очей. Из кораблей высадились всевозможные солдаты – наемники, рыцари, шаваны – и перемешались со стражей. Каждый искал свое подразделение, все металось туда-сюда, усиливая неразбериху. Зеваки собрались поглядеть на воскресшего императора. Констебли, призванные следить за порядком, в кутерьме запутались сами и впустили толпу на главную подъездную дорогу. Там возник дичайший затор. Одни успели проскочить через него, другие остались на берегу – не зная, куда делись первые. Все искали друг друга. Царил шум, гам и гвалт.

Хармон пытался найти Низу – та еще задача! В орущей толпе он не видел ни одного знакомого лица. Краем уха услышал, что леди Магда со свитой успела уехать во дворец Грейсендов. Хармон не знал, входит ли Низа в свиту, но других вариантов все равно не имелось. Он поехал во дворец... верней, пошел – ведь все, что могло ехать, стояло в заторе. Дворец был виден с берега, однако Хармон сумел заблудиться. Казалось, поднимись на горку, сверни направо – и ты на месте. Он поднялся, свернул – попал в тупик. Пошел в обход – забрел на рынок. Базарная площадь имела такую форму, что потеряется даже следопыт с собакой. Хармон сумел отыскать выход – но не в ту сторону, и понял это не сразу, а пройдя несколько кварталов. Вместо дворца маркизов Грейсенд он попал на окраину. Улочки сделались кривыми и узкими, дома придвинулись друг к другу – настоящий лабиринт. Когда спросил дорогу, услышал объяснение такой длины, что впал в отчаянье. Но тут, о диво, показался извозчик! Хармон с воплями кинулся за ним вдогонку. Извозчик испугался и хлестнул коня, торговец тоже побежал быстрее. На повороте экипаж притормозил, и Хармон прыгнул на подножку:

– Ради всего святого, вези во дворец маркиза!

Когда приехали, уже отзвучала вечерняя песня. Как и следовало ждать, Хармона во дворец не пустили и даже отказались передать записку Низе: «Ночью не положено. Утром приходи». Тут он впервые задумался: а где ночевать самому Хармону? Наверное, со свитой Адриана – но где остановилась она? Дворцовые стражники сказали: «Нет, Адриан не здесь. Он в Южном форте... А может, в Северном, точно не знаем. В одном из двух». На логичный вопрос последовал естественный ответ: Южный форт – на юге города, а Северный – на севере. Если ошибешься – изволь пройти весь город от края до края. И на случай, если этого было мало, судьба послала Хармону еще один подарок: из дворца вышел барон Хьюго Деррил. Он следовал по своим делам в обществе сквайра, но ради Хармона сделал остановку. Сказал будто бы приветливо:

– А, торгаш! О тебе как раз говорили.

– И что же, господин барон?

– Милорд Морис принял решение оставить Светлую Сферу владыке в качестве свадебного подарка. Считается, что руки императора очищают любую вещь. Какая бы грязная исто-

рия ни стояла за предметом, она стирается, попав в собственность самого справедливого из смертных.

Хармон знал это. Из таких соображений он и хотел передать Светлую Сферу Минерве.

– Значит, теперь Сфера чиста?.. И наши недоразумения улажены?..

– Герцог Морис согласился помиловать тебя. Ты больше не приговорен к смертной казни.

– Отрадно слышать, милорд!

Вдох спустя кулак барона врезался Хармону в брюхо.

– Ничего не улажено. Ты обманул меня. Опозорил перед сеньором. Ты лжец и прохвост.

Каждую из этих коротких фраз барон Деррил сопровождал новым ударом. Когда Хармон свалился наземь, вместо кулаков пошли в дело сапоги.

– Я не должен тебя убивать. Но в остальном не ограничен. Ты – грязь. Твое место – на земле.

Сквайр предложил помочь барону. Тот не нуждался в помощи, ибо действовал не по долгу, а от души. Одно спасло Хармона: барону со сквайром подвели коней, и Деррил отвлекся от приятного дела.

– До новой встречи, торгаш.

Хорошо быть мужчиной в теле. Худому парню барон переломал бы все кости, а Хармона спас толстый слой жирка. Но болело решительно все. Настолько болело, что он даже не смог подняться на ноги. На карачках дополз до извозчика, кое-как залез в коляску.

– Давай в этот... ой... Южный форт.

– А может, в больничку? Тебя здорово отделали.

Святая правда: замесили в тесто. Но Хармон хотел скорее попасть к Адриану – не в последнюю очередь затем, чтобы пожаловаться на барона Деррила.

– В форт езжай.

Разумеется, форт оказался не тот. Адрианом там и не пахло, а вахтенный солдат почему-то даже не знал, что он воскрес.

– Какой император?! Шутники чертовы! Прочь отсюда!

Ближе к полуночи он добрался в правильный форт. Кряхтя и охая, расплатился с извозчиком, вылез из экипажа. И услышал:

– Здравствуй, славный! Наконец-то дождалась!

Из темноты появилась!.. Ночь мешала ему разглядеть милые сердцу черты, зато скрывала его собственный плачевный вид. Хармон напрягся, чтобы не стонать и говорить как можно тверже:

– Я рад тебя видеть живой и здоровой! То бишь, не очень-то вижу, но по голосу слышу, что все хорошо.

– Да, славный, лучше не бывает!

– Я искал тебя во дворце у леди Магды.

– А я ждала тебя здесь! То есть, мы ждали...

Она глянула через плечо на воина, стоявшего осторонь. Кажется, он был тем самым рыцарем, что давеча стерег Низу. Хармон удивился:

– Ты до сих пор под стражей?!

– О чем ты, славный? Сир Питер просто составил мне компанию. А я принесла тебе деньги.

– Вот и хорошо! – Сразу ответил Хармон, ведь что может быть плохого в деньгах? Но потом озадачился: – Стой, а какие?

Низа помедлила. Трудно судить в темноте, но кажется, она ощущала неловкость.

– Пять золотых эфесов, славный. Те, которые ты уплатил за меня.

Его глаза полезли на лоб:

– Зачем вдруг? Ты мне не должна!

– Хочу быть полностью свободной, и чтобы ты не держал на меня зла.

От дурного предчувствия у Хармона похолодело внутри.

– За что мне злиться?

Низа вложила монеты ему в руку.

– Полагаю, теперь не за что. Я вернула долг, и я полностью честна перед тобой. Мы с сиром Питером решили пожениться.

Хармон чуть не сел. Как пожениться?.. Что это значит?.. Почему не со мной?!

– Нет, Низа, ты что-то путаешь! Этого быть не может!

– Отчего? Я свободна, ты всегда так говорил. Питер и я полюбили друг друга. Почему же мне не стать его женою?

– А... э... но как же... Я тебе писал! Ты прочла?..

– Я не умею, ты же знаешь. Питер прочел мне вслух. Я рада, что Адриан позволил тебе строить небесные корабли, это прекрасное дело!

– И... это все, что Питер прочел тебе?

– А что еще там было?

Он крикнул, поскрипел, прочистил горло.

– Ну... в общем... больше ничего серьезного.

Низа обняла его:

– Знай, славный: я не забуду того, что ты сделал для меня. Навсегда останусь твоим другом. Если тебе нужна будет помощь – в любое время можешь обратиться ко мне.

– Что ж, большое спасибо. Я несказанно рад это слышать. Просто-таки пою от счастья...

* * *

Адриан сидел в кабинете, на столе перед ним стоял какой-то ларец. Хармон едва держался на ногах, в голове гудело, больших трудов стоило разбирать слова владыки:

– Завтра состоится моя свадьба, а сразу после нее я вернусь к государственным делам.

Одним из таковых является отправка послов в Фаунтерру. Положение не терпит проволочек, необходимо как можно скорее... Сударь, вы слышите меня?

– Простите, ваше величество, – выдавил несчастный купец. – Я пережил тяжелую трагедию...

– Какого рода?

– Измену женщины... – Хармон знал: бестактно задавать такой вопрос, но сейчас ему было все едино. – Скажите, владыка, вы когда-нибудь любили?

Адриан помедлил, оценив право Хармона на подобную наглость, и нашел, что разбитое сердце заслуживает поправки.

– Любил. Но вас, сударь, как и меня должен утешить следующий факт: в мире есть предметы, гораздо более ценные, чем любовь.

– Власть?

– Не она сама, но то, чего можно достичь с ее помощью.

– Ваше величество, я слышал, вы были помолвлены с Минервой... Отчего теперь женились на другой? Минерва предала вас?

– Сомневаюсь в вашем праве знать ответ, – холодно сказал Адриан. Но, помедлив, добавил: – Пока не предала. Если вернет то, что принадлежит мне, то будет чиста перед богами.

Купец тяжело вздохнул. Выходит, ему хуже, чем владыке: Низа украла самое ценное – сердце Хармона. И уже точно не вернет.

– Я вижу, эта драма сильно потрясла вас, – сказал Адриан с неожиданной чуткостью. – Хочу подарить вам отдых, который залечит раны. Поезжайте в столицу, развейтесь и отриньте любовные страдания.

– В столицу, ваше величество?.. В Фаунтерру?..

– Милостью богов, у нас пока что одна столица. Я направляю туда в качестве послов графа Куиндара и барона Деррилла. Косматый и Гурлах поедут для охраны моего подарка, – владыка положил руку на ларец, и лишь теперь Хармон заметил, насколько богато он украшен. – Поезжайте также и вы. Отдохните в Фаунтерре, найдите барышню, которая залечит ваши раны.

– Ваше величество... не шутит?

– В чем вы усмотрели иронию? Разве у меня нет сердца?

– Никак нет, ваше величество, я не об этом... Премного благодарю вас. Вот только барон Деррил не очень-то любит меня. Все изъяны моей внешности, которые вы видите, – дело его рук.

– Я предупрежу его о необходимости бережного обращения с вами. Вы мой верный слуга, я не дам вас в обиду. Езжайте в Фаунтерру. Исполните мое поручение – а потом займетесь судостроительством, как вы и желали.

Меч – 1

Июль 1775 г. от Сошествия

Уэймар

Едва судорога оргазма прекратилась, Джоакин Ив Ханна вышел из альтессы и откатился в сторону. Перевел дух, смахнул с лица обильный пот. Стояла душная июльская жара, комната напоминала парилку. Джоакин взмок весь, даже волосы слиплись от влаги. Не глядя, он нашарил какую-то тряпку и принялся вытираться. С долей брезгливости покосился на Хаш Эйлиш. Она лежала, впечатанная в койку, обморочно закатив глаза. Костлявое, жилистое тело женщины подрагивало не то в экстазе, не то в агонии. Джоакин поморщился и снова пообещал себе: хватит, сегодня – последний раз. Вытер остатки пота, отбросил в угол мокрую ветошь (то оказалось платье Хаш Эйлиш). Сел, досадливо потянулся к кувшину воды. Как приятно было бы освежиться, опрокинуть кувшин себе на голову... но вода – не для того. Осторожно, чтоб не расплескать, наполнил кружку, выпил до дна. Со двора донесся звук сигнального рога.

Джо стал одеваться, то и дело поглядывая на любовницу. Она не подавала признаков жизни, это злило. Рог повторился, Эйлиш даже не пошевелилась. Джо толкнул ее:

– Вставай уже!

– Аххх...

– Да вставай! Не слышишь, что ли?

– Слышууу... – выдохнула она и потянулась, чтобы схватить парня за член. Он отбил ее руку.

– Какого черта! Молитва будет, вставай, опоздаем!

Джоакин не боялся опоздания, поскольку не собирался на молитву. Однако расслабленность Эйлиш бесила его. После оргазма его все в ней бесило.

– Ладно, плевать, пойду один.

Он застегивал оружейный пояс, когда Эйлиш, наконец, соизволила встать.

– Возьми меня, сир Джоакин.

– Дура.

– Возьми меня к ней, мой храбрый.

– К кому?

– А к кому ты пойдешь вместо молитвы?

– Хрена лысого.

– Ты мне обещал!

– Не было такого.

– Если не возьмешь, я больше не приду.

– Мне же лучше, – отрезал Джоакин и вышел вон.

С верхушки северной башни открывался такой вид, что захватывало дух. Горстка избранных стояла здесь – в высшей точке замка, Уэймара и всего графства. Сотнею футов ниже притихла толпа, рассеченная надвое крепостной стеною. Внутри замка – челядь и воины Шейланда; снаружи, на Лысом холме – кайры Флеминга и закатники. Тысячи людей окружали башню, теснились у ее подножья, словно волны, бьющиеся о скалу. Уже этой картины достаточно, чтобы ахнуть от восторга. Но стоило перевести взгляд дальше... Замок со всеми фортификациями, с людьми и лошадьми, шатрами и повозками, оружейными пирамидами, пепелищами лагерных костров – все было втиснуто на малый островок, не больше полета стрелы в поперечнике, а вокруг зияла пропасть. В смутной дали за обрывом, подернутые дымкой расстояния и маревом жары, серели крохотные, игрушечные городские кварталы. Уничтожив

склоны холма, меч богов стер плавный переход. Пропасть отделяла теперь низкое от высокого, людское – от божественного, простых – от избранных.

При вечерних молитвах Джоакин Ив Ханна наслаждался обществом избранных и видом с верхушки башни. Но сейчас начиналась утренняя, а по утрам он исполнял иную обязанность.

– Вон он, смотрите!.. – прошло по рядам воинов.

Граф Виттор Шейланд, облаченный в сияющие доспехи, показался между зубцов башни. Сотни лиц поднялись к небу, сотни взглядов направились вверх, и Джоакин кивнул Мартину:

– Пора, милорд.

Через тыльную дверь донжона они вывели во двор женщину. Ее голову скрывал мешок, а руки были связаны. Понукая пленницу веревкой, Джоакин повел ее вдоль крепостной стены, за спинами толпы. Мартин придерживал женщину за плечи.

Далеко вверху граф Виттор Шейланд встал на постамент, чтобы быть видимым над башенными зубцами, и сотворил священную спираль. Войско затихло, созерцая великого человека. С головы до пят его покрывала броня из Священных Предметов. Она лучилась и сияла, солнечный свет преломлялся в божественном металле и окружал графа радужным ореолом. Стоило взглянуть на него – и сердце замирало от восторга.

– Приветствую вас, воины богов, мои верные друзья!

– Урааа! – отозвались солдаты.

Джоакин распахнул калитку в задней стене замка. Пригнув головы под каменным сводом, они миновали проход и вывели пленницу. За стеною их ждал Айви с парой коней и мужик с телегой.

– Ну, что как?

– Да помаленьку, брат.

Джоакин привычным движением перебросил женщину через борт телеги. Прикосновение к ее телу, войдя в ежедневный ритуал, больше не вызывало никаких чувств.

– Давайте, милорд... – Джо кивнул Мартину, приглашая того забраться в повозку. И вдруг Мартин попросил:

– Садись со мной, ну.

– Миновал еще один день – а значит, мы на день ближе к триумфу. Боги указывают нам путь и наполняют нас верой!

Голос графа Виттора пленял и завораживал. Быть может, у графа имелся Предмет, придающий силу словам. А может, так и должен звучать голос человека, стоящего на башне и сверкающего, будто солнце.

– Как – с вами? – удивился Джо. – Порядок всегда один: вы в телеге с волчицей, а мы с Айви – верхом.

– Нагнись-ка.

– Куда?

– Ну, ко мне, сказать хочу.

Мартин приобнял Джоакина за шею и шепнул на ухо:

– Она мне житья не дает. Только сяду в телегу – такое говорит, ну... Тихо, чтоб вы не слышали.

– Урааа! – грянуло со всех сторон.

– Да, друзья! – повторил граф. – Целая орда идет к нам на помощь! Двадцать тысяч всадников скачут во весь опор!

– Урааа!..

Джоакин поскреб затылок. Не нравилось ему настроение лорда Мартина: последними днями тот слишком робел перед волчицей. Норовил увильнуть от дежурства, спихнув на напарника. Боялся входить к ней, стоял в коридоре, пока слуги кормили и омывали пленницу. За целую неделю ни разу не ударил ее... С одной стороны, не стоило поощрять трусость лорда

Мартина. С другой, полезно будет посидеть рядом и послушать, что она там лепечет. Зная причину, легче развеять страхи милорда.

– Айви, будь другом, поведи мою кобылу.

Джоакин запрыгнул в телегу, и возница встряхнул поводья.

Граф Виттор потрясал рукой, разбрасывая во все стороны слепящие блики:

– Друзья, великая победа сама галопом мчится к нам! Мой верный вассал и добрый друг по имени Пауль возглавил сильнейшее войско в мире. Он ведет его сюда! Быстрые степные кони! Персты Вильгельма в руках воинов! Никто не выстоит перед ними!..

Голос графа становился слабее по мере того, как телега отдалялась от стены. По обе стороны дороги стояли шатры, между которыми замерли кайры Флеминга, внемлющие речам с высоты. Несмотря на тесноту, их лагерь сохранил подобие порядка. Четко просматривалось деление на дюжины и сотни, имелись удобные выходы к дороге, кони занимали подходящее место. Возле многих шатров стояли сапоги: греи начищали их с самого утра, пока не началась молитва.

– Все, что нужно от нас, набраться терпения и ждать! Держу пари, никогда еще победа не давалась вам так легко. Просто сидите на своих задницах, и ничего больше! – Граф дал воинам время оценить шутку. Раздался довольно жидкий хохот.

Джоакин опустил глаза к Ионе. Волчица спокойно лежала на дне телеги, сложив на груди связанные руки. Никакого желания поговорить она не изъясляла. Джо с укоризной кивнул Мартину: мол, стоило ли волноваться? Милорд пожевал губу.

– Сегодня в утренней молитве мы попросим богов только об одном – о терпении. Нужно выстоять всего лишь неделю или две – и победа придет! Помолимся, друзья мои...

Воины по сторонам дороги принялись бубнить, осеняя себя спиральями. Переваливаясь на ухабинах, телега двигалась прочь от замка. Голова пленницы ритмично покачивалась под мешковиной.

Шатры беломорцев остались позади, начался лагерь закатников. Он был почти пуст: большинство солдат ушло к замковой стене, чтобы слышать графа. Те немногие, что остались, готовили завтрак. Кое-где горели костры, булькала вода в котелках. Их было мало – на пальцах сосчитать. Солома в кострах чадила едким удушливым дымом. Солдаты тихо и хмуро перешептывались, провожая телегу тяжелыми взглядами. На всякий случай Джоакин подкатал рукав, чтобы стал виден Перст на его предплечье.

– Чего она молчит, ну? – спросил Мартин.

– Вам не угодить. Когда болтает – тоже жалуется.

– Она по-особому молчит.

Громкий, болезненный стон донесся из лагера. Несколько раненых выбрались погреться на солнце. Выглядели они так, будто неделю пролежали в гробах. Один снимал повязку с ноги – это и стало причиной стога. Плоть под повязкой имела иссиня черный цвет. Джоакин крикнул раненому:

– Эй, ты! Покажи ее лекарю, а то помрешь!

– Отрежет.

– Помрешь, говорю! Гнилая кровь!

– Угу...

Другие закатники стали смотреть. Не на путевца, а на его кобылу, которую вел за поводья Айви.

– Давай-ка, – буркнул Джо вознице. Тот подхлестнул быка.

Проехали лошадиный скелет. Над гладкими, выбеленными костями лениво вились несколько мух. Скелет лежал тут и вчера, и позавчера. Какого черта до сих пор не закопали?..

Проехали солдата, который медленно, с натугой резал сапог на лоскуты. Рядом сидели еще трое, на земле между ними валялись игральные кости. Мартин дернул Джоакина за рукав:

– Ну, скажи ей, чтобы не молчала!

– Что она вам далась?..

Дорога изогнулась и пошла на спуск. Обогнули несколько пустых фургонов, которые раньше играли роль складов. Миновали невысокий вал со рвом – первую полосу укреплений. Часовые только переглянулись вместо приветствий, один буркнул:

– Разъездились.

Вдруг странный запах шибанул в ноздри. Рот наполнился слюной: похоже, кто-то варил мясо. Группа закатников собралась вокруг костра в тени частокола. Они устроились так, чтобы ветер гнал запах прочь от лагеря. Джо и Мартин ощутили его лишь потому, что уже спускались с холма.

– Останови, – приказал Джоакин и спросил куховаров: – Что готовите, парни?

Один из них шаркнул ногой, оттолкнув за спину что-то мелкое, белое – косточку, что ли?.. Другие встали рядом, загородив собою место трапезы.

– Да это, такое всякое...

– Толком отвечайте! Что у вас в котле?

– Того да сего. А че тебе?

Джо поиграл рукой с Перстом.

– Где взяли ваше того-сего?

– Там уже нет, кончилось.

– Покажи кость.

– Какую?

– Которую в землю втоптал.

– Гы-гы. Ты обсмотрелся, нет там ничего...

Джоакин не знал, как поступить. Он же не офицер, это вроде бы не его дело. Кивнул с вопросом лорду Мартину, но тот намертво прилип к волчице: тарасился на нее во все глаза, силясь что-то распознать сквозь мешковину.

– Трогай, – буркнул Джо мужику. Когда отъехали ярдов на десять, Айви обронил:

– Жрут, гады...

И вдруг Джоакин заметил то, о чем говорил Мартин: волчица действительно молчала странно. То ли шея ее слишком напряжена, то ли пальцы сложены как-то особенно, то ли дыхание слишком вяло проступает сквозь ткань... Захотелось сорвать с головы мешок и посмотреть ей в лицо. Но делать этого не следовало: граф строго-настрога запрещал.

– А что она обычно говорит, когда едет с вами?

– Да ну... – Мартин отвел глаза.

– Милорд, ну какая тут тайна? Вы ж сами хотели, чтоб я услышал.

– Ну это... Говорит, что я – раб.

– Как – раб?

– У Вита. Мол, я за ним выношу помои.

Джоакин принужденно хохотнул:

– Выдумала тоже!

– Еще говорит, Вит меня не уважает, а терпит. Разозлится – побьет, подобреет – приласкает. Ну, как плохую собаку.

– Будет вам, милорд! Нашли кого слушать. Снова рот раскроет – вы ей...

Джоакин потряс кулаком. Мартин согласился без особой радости.

Спуск сделался круче. Возница пыхтел, бык припадал на задние, удерживая вес телеги. Остался позади второй вал – выше и круче первого, снабженный стрелковыми площадками. На них отдыхали лучники: скинув куртки, лежали на солнышке, почесывали худые брюха.

– Служаки, – проворчал Джоакин.

Перегнулся, подобрал ком сухой земли, швырнул. Лучник, в которого попало, слабо выругался и остался лежать.

Сразу за вторым валом открылась пропасть. Бездна зияла в трех шагах от дороги – пугающий отвесный срез, подрубленный мечом богов. Узкая полоска земли все еще соединяла Лысый холм с городом – по ней и ехала телега. Впереди, за пропастью, уже ясно виделись дома. Взгляд Джоакина всегда прилипал к одному из них – рассеченному надвое. Половина здания исчезла без следа, оставив вторую раскрытой настезь. Чернела внутренностями испорченная печка, свисал над пропастью кусок лестницы, остаток окна блестел стеклянной зазубриной. На полу валялось что-то бесформенное, мерзкое. Джо подозревал, что это – тело хозяина дома, вернее, половина тела. Правая или левая – тут уж не разберешь...

Последний рубеж обороны: каменный бастион в самом низу спуска. Возведенный задолго до войны, он чудом избежал удара меча богов, только край стены треснул, когда рядом разверзлась пропасть. На бастионе дежурил Перкинс с двумя дюжинами солдат. Они – первые среди всех встреченных – несли вахту всерьез. Несмотря на жару, никто не снимал брони. Часовые внимательно глядели в бойницы, поглаживая взведенные арбалеты. Блестело оружие, темнели тугие колчаны с болтами, наливался молоком Перст Вильгельма на руке Перкинса.

– Здравия, милорды. Вас уже ждут.

Перкинс махнул своим парням, они взяли за рукоять лебедки. Ворота поднялись, и Джо увидел северян.

Эти парни всегда раздражали его. День ото дня северяне приходили строго одинаковым составом: четверо кайров, восемь греев, одна телега. Всегда располагались на тех же самых точках, будто булыжники мостовой помечены под их ногами. И никогда не подавали даже признака эмоций. С тем же успехом их могла заменить дюжина скульптур, расставленных на площади перед бастионом.

Айви спешил и вышел вперед, следом выехала телега с Мартином, Джо и волчицей. Колеса громыхнули по камню. До войны эта площадь звалась Ремесленной, через нее шли дороги и вверх, к тыльным воротам замка, и на север, за городскую стену, в Холодный город. До войны колеса часто грохотали по здешним камням, а дома вокруг площади стоили немалых денег. Когда возник обрыв, земля под площадью просела. Крайние справа дома рухнули, остальные покрылись сетками трещин. Булыжная мостовая вспучилась, как поверхность штормового моря.

Возница остановил телегу по одну сторону каменной волны, по другую размещалась повозка северян. Кайры пристально глядели на Джоакина.

– Чего пялитесь, ну? – Крикнул Мартин. – Здесь она!

Джо дернул пленницу за ворот, поднимая на ноги; Мартин смахнул с головы мешок.

Иона Ориджин часто заморгала, ослепленная ярким светом. Привыкнув, высоко подняла подбородок, подставила солнцу лицо, с наслаждением вздохнула. Она делала это каждое утро, что тоже бесило Джоакина. Агатовка ломает комедию, нарочно ведет себя так, чтобы нас обвинить! Ах, бедная-несчастливая, томится в подземелье, света божьего не видит... На самом деле чертова лгунья живет в собственной спальне! Да, не может выглянуть в окно, клетка мешает. Но кто виноват, что ее заперли в клетку? Дикому зверю только там и место!

– Убедились? – процедил Джоакин. – Она в порядке, цела-невредима. Давайте груз!

Привычно игнорируя его, старший из кайров обратился к Ионе:

– Здравия вам, миледи. Как ваше самочувствие?

– Благодарю вас, я невредима и полна сил. Желаю здравия всем храбрым воинам Агаты.

– Слава Дому Ориджин, – отчеканил кайр.

– Я бесконечно горжусь вами. Ради Праматерей, вы сражаетесь с чистым злом. Светлая Агата держит руку на вашем плече.

– Мы только исполняем свой долг.

– Это не парад! – гаркнул Джоакин. – Хватит нежностей. Грузите!

Никто и не пошевелился. Северяне ждали приказа от своего офицера, а тот смотрел на Иону. Она выдержала паузу, ощущая себя хозяйкой положения. Наконец, произнесла:

– Не будем задерживать моих провожатых, ведь они голодны. Будьте добры, начните погрузку.

По сигналу офицера двое греев стали перебрасывать мешки из одной телеги в другую. Мешков было мало, без горки, вровень с бортом. И во всех, конечно же, крупа. Проклятые подонки! – привычно подумал Джоакин. За время осады еще не было дня, чтобы он воздержался от этой мысли.

Высокородный заложник представляет собой не только возможность, но и проблему. Джоакин вместе с графом Шейландом убедился в этом первыми же днями осады Уэймара. Если бы графу требовались деньги, Иона стала бы золотым дном, Ориджины отдали бы за нее любую сумму. Но граф желал не денег, а снятия осады, и все переговоры зашли в тупик. Шейланд угрожал убить заложницу, если северяне не отступят. Десмонд Ориджин отвечал, что уведет войско из Уэймара лишь тогда, когда Иона получит свободу. Было ясно: если граф исполнит угрозу и убьет пленницу, северяне достанут его из-под земли. Но если граф освободит ее, как требует Ориджин, ничто не помешает северянам нарушить договор и продолжить осаду. Таким образом, Иону нельзя было ни убить, ни обменять. Какой тогда от нее толк?

Внезапно лорд Десмонд проявил гибкость и сам предложил компромисс. Если Иону будут каждое утро выводить из замка напоказ, Ориджин заплатит за это провиантом. Телега припасов за один взгляд на живую и невредимую дочь. Так Десмонд защищал Иону от смерти и пыток во время осады.

Поначалу Шейланды сочли это хорошей сделкой. Они ведь и не собирались убивать пленницу (по крайней мере, пока). Достаточно лишь воздержаться от пыток, а также не бить Иону по лицу, чтоб взамен получить ежедневную поставку продовольствия. Десмонд – дурак, что предложил такое! Он же сам дает Уэймару возможность выстоять в осаде!

Однако вскоре стало ясно, что на самом деле представлял собою дар северян. Телега харчей в день – это не спасение для трех тысяч человек, запертых на холме. Телега – это им на один зуб! Хуже того, большую часть припасов северяне давали бобами и крупами – овсяной и гречневой. Обычная пища для шейландцев в мирное время... Вот только в осаде она стала почти непригодной. Без дров и воды не сварить ни бобы, ни кашу. А воды, как и дров, в замке мучительно не хватало! По логике вещей, каша доставалась тем, кто имел вдоволь огня и воды – то бишь, самым высокопоставленным. Графам, дворянам, офицерам, перстоносцам... а также самой пленнице – во избежание отравы. Но простые солдаты оставались голодны и все больше наполнялись ненавистью к знати. Каждая телега усиливала раскол внутри гарнизона. Совсем бы отказаться от них, – со злостью подумал Джоакин, и в животе у него тут же предательски заурчало.

Когда телега была заполнена примерно наполовину, Иона раскрыла рот.

* * *

Граф Виттор Шейланд расстегнул ожерелье под названием Капля Солнца, затем ослабил воротник. Избавившись от удавки, поскреб ногтями шею. Снял и отложил в сторону сияющий шлем – будто тот мешал понимать слова брата. Сложил ладони домиком перед грудью, глубоко вдохнул, набираясь терпения, лишь тогда нарушил молчание:

– Марти, повтори-ка, что именно она сказала?

– Ну, это... все.

– Что именно – все?

– Все, что видела, Вит. Наши жгут в кострах солому – дров-то нету. Собак и кошек пожрали, взялись за коней. Молятся вполсилы; на вахте чешут зады. Раненые заживо гниют...

– Закатники съели мертвеца, – подсказал Айви.

– Может, и не ели, – уточнил Джо, – но подозрение имеется.

– Да, Вит, про это тоже. Все им выложила как есть, проклятая стерва!

– Марти, братец мой любимый, ты говоришь: «все, что видела». Как, тьма сожри, она могла видеть, если я велел везти ее в мешке?!

– Ну, она и была в мешке! Клянусь, прямо на голову напялили, почти до самых сисек!

– К тому же, лежала на дне телеги, – добавил Джо.

– Тогда как она увидела все?!

– Ну... кто знает, учуяла как-то. Солома дымит, гной из раны смердит, эти мясо варили – оно пахло...

Граф Виттор помедлил, дав Мартину время ощутить себя кретином. Затем продолжил:

– Позволю себе еще один вопрос, мой милый братец. Пока она все это говорила, ты стоял и слушал? Не испытал ли ты желания как-нибудь помешать?

– Я велел ей заткнуться. Сказал: «Заткнись, не то будет хуже!»

– Сказал, значит?

– Ну, да. Громко так, строго: «Заткнись, сука!»

– И что она?

– Не послушалась.

– Надо же! Ну, коли так, ничего не поделаешь, пришлось вам терпеть до конца. Может, она с этим кайром еще в картишки перекинулась?

– Гм-гм, – откашлялся Джоакин. – Я ее ударил, милорд.

– Ты – что?

– Дал ей затрещину, милорд. Она упала и умолкла.

Граф с большим интересом повернулся к Джоакину.

– Ты ударил ее на глазах у дюжины кайров?

– У сотни, милорд. Как только вlepил ей, открылись ставни домов на площади и отовсюду высунулись арбалеты. Там была рота стрелков, если не больше. И дюжина мечников.

– Весьма любопытно. Я полагаю, северные мерзавцы пожелали тебя убить. Как же ты вышел из положения?

Джоакин погладил Перст на своей руке.

– Ты всех перестрелял?! Тьма сожри!

Джо потупился, заливаясь краской.

– Нет, милорд, я не стал открывать огонь. Было очень опасно, ваш брат находился под прицелом... Просто Айви взял ее в захват, а я сказал: «Все бросайте оружие, иначе застрелю ее!»

– И они бросили?

– Грм... Боюсь, что нет, милорд.

– Отчего так?

Мартин шагнул вперед, будто стараясь прикрыть собой Джоакина.

– Брат, ну не дави ты его! Джо поступил правильно, это твоя стерва все испортила! Она снова раскрыла рот и говорит: «Да, путевец, убей меня! Потом кайры вас порешат и отберут ваши два Перста, и третий у Перкинса тоже, а в замке-то всего пять. Я помру – замок падет, славный обмен». Джо не стал ее кончать, и хорошо сделал!

Виттор встряхнул головой.

– Стоп-стоп, полегче, Марти. Хочешь сказать, она еще и выдала им число наших Перстов?!

– Э, вроде как, да.

– А что ты делал в это время, позволь узнать? Пускал слюни пузырями? Яйца тербил?
– Милорд... – начал было Джо.
– Тьма сожри, путевец, я спрашиваю брата! Не смей отвечать вместо него! Он – лорд, а ты – вассал.

– Вит, – буркнул Мартин, – ты как отец.

– О чем это ты?

– Высмеиваешь меня, как дурака последнего. Но когда тебе выгодно, называешь лордом.

– Да ты ведешь себя, как дурак! Пленница выдает секреты – а ты сопли жуешь!

Мартин побагровел и громко, злобно шмыгнул носом.

– Ладно, – бросил граф, – валяй дальше. Что еще она рассказала? Что ты трясешься перед ней?

Мартин буквально задохнулся от обиды. Джоакин рискнул вмешаться:

– Больше ничего, милорд. Я пригрозил застрелить командира кайров, если она выдаст еще что-нибудь. И она сказала кайрам: «Спрячьте мечи, не стоит зря погибать. Замок еле держится, скоро падет».

– Тьма холодная. И что потом?

– Кайры убрали мечи. Попытели немного, но покорились. Затем окончили погрузку.

– И все?

– Ну... да.

– Марти, Айви, вы подтверждаете слова Джоакина? На этом все и кончилось?

– Э... угу... да, милорд...

Виттор грохнул кулаками по столу.

– Что было еще, сожри вас тьма?!

– Этот кайр, ну... развязал мешок с бобами и нассал туда.

– Seriously?..

– Да, милорд, очень основательно. Как конь.

Граф не выдержал и расхохотался. Из глаз его брызнули слезы, в смехе звучали ноты истерики. Джо, Мартин и Айви переминались с ноги на ногу, не находя себе места. Только Мартин украдкой шепнул путевцу: «Спасибо!»

Наконец, граф Шейланд взял себя в руки.

– Уфф... Одно могу сказать точно: бобы из того мешка будете жрать вы. Ну, и моя душенька, разумеется. Я передам повару.

– Милорд, – прокашлял Джоакин, – позвольте сказать.

– О, охотно! Повесели меня еще разок!

– Я думаю, в этом происшествии есть и хорошие стороны.

Граф заржал, но Джо не дал себя сбить:

– Да, милорд, тут имеется выгода. Во-первых, я стукнул леди Ориджин на глазах сотни кайров – и остался жив. Это для них страшное оскорбление, но они стерпели. Значит, боятся за нее и Перстов боятся тоже. И то, и другое нам на руку. Можно быть уверенными: на штурм они не полезут.

– Это я и так знал. Замок окружен идовой пропастью. Какой штурм!

– И второе, милорд. Она сказала им, что мы долго не выдержим. Надо понимать так: не достоин до прихода орды. Теперь они думают, что мы сдадимся сами. Значит, все, что нам требуется, – выстоять. Дождаться Пауля и не сожрать друг друга.

– Всего-то... – мрачно выронил граф. – А не подскажешь ли, сир Джоакин, как это сделать?

* * *

Все пошло к чертям со дня сражения.

В разгар штурма, когда большинство северян сгрудилось вокруг замка, граф нанес удар своим главным орудием. Не зная истинного названия, Джо именовал его в мыслях Мечом Богов. Взмах Меча отрубил склоны Замкового холма и отправил в небытие тысячи штурмующих. Сразу после этого кайры Флеминга высадились с кораблей, атаковали Ориджина с тыла и должны были легко добить тех, кто выжил после взмаха Меча.

Но проклятый Десмонд был готов к такому ходу событий. Тысячи воинов, окружавших замок, оказались в большинстве своем жителями Уэймара. Живые щиты предназначались для того, чтобы замаскировать подмену. За спинами горожан, привязанных к таранам и осадным башням, шла еще одна волна горожан – переодетых в серые плащи греев. Только пара сотен кайров находилась среди них, дабы держать в повиновении перепуганных мужиков. Остальные воины Севера наблюдали за бутафорским штурмом с безопасного расстояния.

Чем больше Джоакин вспоминал ту ночь, тем сильнее поражался идовой расчетливости Десмонда. Живые щиты создавались не для устрашения, а для маскировки. Женщины и дети висели на башнях потому, что мужики требовались для иной цели: изображать греев. Настоящие кайры прятались за домами и живыми щитами, что мешало верно оценить их число. А чтобы окончательно скрыть подмену, для штурма было выбрано ночное время. Десмонд Ориджин не ждал, что штурм достигнет цели. Как выяснилось позже, львиная доля его солдат находилась в совсем ином месте. Штурм нужен был лишь затем, чтобы спровоцировать взмах Меча Богов.

Тем временем воины Флеминга вместе с Джоакином высадились в речном порту – и наткнулись на кайров Первой Зимы, вдвое превосходящих числом. Уничтожение флемингова батальона было подлинной целью всего сражения. Вызвав взмах Меча и отрезав замок от города, Десмонд взялся за предателей.

Бой в порту оказался самой яростной схваткой, какую видел в своей жизни Джоакин. Кайры Первой Зимы и кайры Беломорья рубились беспощадно, стремительно, люто. Враги не уступали друг другу в мастерстве, но численный перевес был на стороне Ориджина. Люди Флеминга гибли десятками, батальон сминался под напором врага. С первых минут два войска смешались меж собой, и Перст Вильгельма стал бесполезен: Джо не мог отличить своих кайров от чужих. Но он придумал, как спасти положение. Взяв у Флеминга дюжину бойцов для прикрытия, Джоакин отбежал к реке, по набережной и портовым улочкам обошел противника и ударил сзади. Выбор целей стал прост: видишь спину – значит, видишь врага! «Огонь, – приговаривал Джо, меч пламенные шары, – огонь, огонь!» Кайры Первой Зимы среагировали мгновенно. Два быстрых отряда ринулись в обход, чтобы клещами охватить перстоносца. Прошло несколько минут – и он очутился в окружении. Лишь мужество бойцов прикрытия спасло жизнь Джоакина. С трудом отбившись, он вынужден был отступить. Тем не менее, его атака принесла пользу: она ослабила фланг Ориджина, и Флеминг бросил туда главные силы. Кайры Беломорья пробили порядки противника. Но из-за больших потерь Флеминг не мог продолжать сражение. Используя возможность, он вывел из боя остатки своего войска и рванулся к замку.

К твердыне Шейландов вела теперь лишь одна дорога – через Лысый холм. По ней пешим порядком спускался полк закатников, чтобы помочь Флемингу. На тот момент в замке еще не знали, что Десмонд сохранил свое войско. Думалось, что взмах Меча уничтожил большинство кайров Ориджина, а остатки обращены в бегство. Потому, наткнувшись на бегущих северян, закатники решили, что видят кайров Первой Зимы, – и атаковали их. Северяне, разгоряченные боем, ответили со всей яростью. Лишь спустя несколько минут Хаш Эйлиш с Мартином

Шейландом разобрались в обстановке и убедили Флеминга прекратить бой. Десятки, если не сотни успели погибнуть. Что еще хуже, замешательство отняло время – и кайры Ориджина настигли батальон Беломорья. Снова закипела схватка, только на сей раз в крайне невыгодной позиции: закатники смешались с беломорцами, лишились командования и боевых порядков, да вдобавок были прижаты к холму. Нечего было надеяться на победу, оставалось только под прикрытием огня Перстов Вильгельма отойти на Лысый холм.

Единственное, чего не смог понять Джоакин: зачем Десмонд Ориджин отдал на убой свои корабли? Очевидно, тут агатовский лорд все-таки просчитался: не ожидал, что на стороне Флеминга окажется стрелок с Перстом. Но несмотря на эту ошибку, победа Ориджина вышла блестящей, а положение Шейланда – близким к катастрофе. Солдаты графа Виттора, генерала Хориса и графа Флеминга (общим числом около трех тысяч) оказались заперты на островке, состоящем из двух холмов – Замкового и Лысого. С трех сторон их окружила пропасть, оставшаяся после взмаха Меча. С четвертой, северной, сохранился спуск в направлении городских ворот. Узкий, крайне неудобный для атаки, зажатый между двумя пропастями. Прорваться с боем здесь невозможно, остается сидеть в замке и ждать подкреплений.

Граф Виттор взял под строгий контроль склады провианта, источники воды, лекарские снадобья. Всего оказалось пугающе мало. К гарнизону замка прибавилось больше двух тысяч лишних ртов, а пополнить припасы было невозможно. Стояла идова жара. Цистерны с дождевым стоком быстро пустели, колодцы ежедневно вычерпывались до дна. Войско страдало от жажды, смердело и вшивело. Человеку на день отпускалось две пинты воды – ни умыться, ни напиться толком, лишь промочить горло.

Нехватка снадобий сказывалась тем острее, что битва оставила сотни раненых. Они выли от боли и заживо сгнивали на жаре. Граф Флеминг избавил своих людей от мук: помолившись за их души, нанес удары милосердия. Но закатники хотели жить и умоляли о помощи, и мягкотелый Хорис каждый день просил у Виттора чего-нибудь: то воды для промывки ран, то вина, чтобы облегчить страдания. Генерал был сильнейшим союзником графа, Виттору приходилось удовлетворять прошения. Чертовы раненые получали поблажки в ущерб здоровым. Что самое обидное, некоторые потом все равно умирали, впустую потратив вино и воду.

С пищей тоже обстояло худо. Хорис и Флеминг лишились своих обозов. Один из крупных замковых погребов, расположенный в склоне холма, был уничтожен Мечом Богов. Того, что осталось, при обычной норме питания хватало всему войску на неделю. При половинном отпуске – на две недели, при четвертинном – на месяц. Ситуацию обсудили на военном совете. Граф Флеминг потерпел поражение от Десмонда, но не пал духом, ведь знал заранее, что с Десмондом будет непросто. Он сказал:

– Надо урезать норму до четвертины. Во имя святого дела мы готовы потерпеть!

Генерал Хорис, напротив, требовал полноценного питания:

– Любезный граф, мои люди пришли сражаться на стороне богов. Они не смогут понять, почему боги дали нам оружие, но не позаботились как следует накормить. У солдат возникнут всякие сомнения, а когда войско сомневается – беда не за горами.

Шейланд пошел на компромисс: урезал пайки наполовину. Кроме того, велел забить старых и слабых лошадей, а также лишить питания тяжелых раненых. Таким образом, пищи должно было хватить на две с лишком недели.

Затем на птичьих крыльях прилетела еще одна скверная весть: Галлард Альмера наголову разбит Эрвином и заперт во Флиссе. Армия Надежды, встав на сторону северян, осадила Флисс. Положение приарха безнадежно.

Спустя неделю Пауль сообщил, что достиг Рей-Роя и подчинил себе орду. За этим радостным известием следовало дурное: он приведет шаванов в Уэймар только через месяц. Граф сорвался и заорал:

– Ты нужен мне здесь через семь дней!!!

Пауль ответил с ледяным спокойствием:

– Месяц, граф. Держись как можешь.

Ежедневно Шейланд кормил войско сухарями и лошадиными костями – а также обещаниями, что орда вот-вот придет на помощь. Граф не считал зазорной ложь во имя благого дела, но столь вопиющий обман даже ему давался с трудом. Пауль только покинул Рей-Рой, раньше августа он никак не доберется в Уэймар.

Нужно выстоять целый месяц. Сгнивая заживо, жуя подметки, слизывая росу с камней.

Когда Джоакин и Мартин вышли от графа, на душе у обоих скребли кошки. Хотелось как-нибудь развлечься, развеять тяжкие мысли. Лорд Мартин зашагал к замковому колодезю. Его берегли как святая святых, восемь надежных воинов неусыпно стояли на страже.

– Дай-ка водички напиться! – потребовал Мартин у командира вахты.

– Милорд, вы же знаете, нельзя.

То была истинная правда: на рассвете колодец вычерпывали досуха и под бдительным надзором распределяли улов. Днем и ночью, аж до следующего утра, никому не позволялось набирать воду.

– Ах, паскуда! – накинулся Мартин на офицера. – Ты хоть знаешь, кто перед тобой?!

– Да, милорд. Вам тоже нельзя, граф запретил. Там и воды-то нет, еще не набралась...

Мартин выхватил кинжал:

– А я тебе сейчас кишки выпущу. Как тогда, не появится водичка?

Командир побледнел, ведь с Мартина станется исполнить угрозу.

– Ну прошу вас, граф же не велел...

– Граф, говоришь?! А я тебе что, не лорд?

Джоакин взял Мартина за плечо:

– Будет вам, оно того не стоит.

Младший Шейланд натужно заржал:

– Гы-гы-гы, да пошутил я! Видал, как он обмочился?

Но едва отошли от колодца, как Мартин снова скис.

– Дерьмово на душе, да?

– Ага, – согласился Джо.

Прошагали вместе по двору. Все, что попадалось на глаза, ничуть не улучшало настроения. У голубятни торчала усиленная стража, чтобы голодные не пожрали птиц. Вдоль стены длинной шеренгой блестели росоловки – листы железа и стекла, на которых к утру осядет влага. Солдаты ночного караула норовят тайком лизать их, а солдаты дневной вахты царапают росоловки кинжалами, чтобы ночные подрали себе языки. Вдоль казармы трепыхалась на ветру гирлянда белья. Уже неделю никто и не думал стирать, вода шла только на питье и кашу. Солдаты вывешивали грязное белье, чтобы хоть немного выветрилось. Оно распространяло вонь по всему двору.

Мартин нашел кучку лошадиного навоза, прицелился, пнул так, чтоб полетело на бельевую веревку. Не попал.

– Везет тебе, Джоакин. Вечерком поимеешь свою мумию, развлечешься. А мне что?

– Тоже найдите кого-нибудь. Есть же всякие...

– Кого найти, ну? Служанку? Они все шлюхи, а я чистую хочу. Невинную, понимаешь? Чтобы с душой.

Джоакин вздохнул. От невинной девушки с душой он и сам бы не отказался, но где такую возьмешь в осажденной-то крепости?

– Уговорите брата, милорд. Сделаем наш план, прогоним когтей – тогда и барышни будут. Мартин вздохнул еще печальней, чем путевец.

– Ты ж видел, какой теперь Вит. Уговоришь его, ага.

– Угу...

У каждого из двух приятелей имелся свой план спасения Уэймара.

План Джоакина заключался в том, чтобы безлунной ночью скинуть со стен веревки и спуститься в город малым отрядом. Дюжина храбрецов с Перстами Вильгельма, переодетая в кайровские плащи, сможет тайно добраться почти до самого штаба Десмонда Ориджина. В последний момент лазутчики выхватят Персты и перебьют вражеских офицеров. А чтобы окаянный Десмонд никак не спасся, нужно применить главное оружие – Меч богов. Отправить в бездну и штаб, и весь офицерский квартал! После такого удара северяне либо отступят, либо, паче чаяния, признают-таки Рихарда своим сеньором. А спастись лазутчики смогут при помощи канализации: нырнут в сточный туннель – и вылезут аж за городом. Главным героем вылазки Джоакин видел себя, а на роль напарника прочил лорда Мартина.

Граф Виттор отвечал, что северяне ждут подобной выходки и захватят в плен весь отряд, и получат ценных заложников с Перстами Вильгельма в придачу. Зато он, граф Виттор, избежится от двух безмозглых идиотов, и, вполне возможно, эта радость стоит такой цены.

План Мартина был значительно проще: связаться с Паулем через Священный Предмет и приказать ему примчаться сюда и убить северян. Пауль потому не спешит в Уэймар, что Виттор говорит с ним слишком мягко. А нужно пригрозить так, чтобы тот затрясся до поджилок и примчал галопом. «Чем же ты его испугаешь, братец?» – любопытствовал граф Виттор, и лорд Мартин на полном серьезе отвечал: «Если Пауль не примчится, ты разберешь Абсолют на части. Одни утопишь в озере, другие зароешь, третьи отдашь когтям». Граф Виттор нервно хохотал и тыкал пальцем в лоб Джоакина: «На двоих одна горошина мозгов, и она вот здесь».

Насмешки графа не изменили взгляды приятелей. Каждый по-прежнему верил в свой план и с уважением относился к плану второго.

– Пошли вечером собачить задних, – предложил Мартин.

– Да ну...

– А чего? Хоть какая-то потеха.

– Вечером молитва.

– После нее.

– У меня задание от графа, к Хорису надо.

– Так после Хориса! Уже стемнеет, самое то.

– Я к Хорису пойду вдвоем с Эйлиш.

– Вот и бери мумию с собой! Вместе пособачим. Задние как раз ночью выползают!

– Я подумаю, милорд. Ее спрошу...

Задними называли неблагонадежных солдат – тех, что подрывали дисциплину и пытались добыть пищу запрещенными способами. Их легко было заметить во время молитв: они опаздывали и собирались в задних рядах, отсюда пошло прозвище.

А собачил их лорд Мартин следующим образом. Вечерком выводил на окраину лагеря свою свору – шесть уцелевших охотничьих собак. Одну суку, самую невинную на вид, выпускал бродить в качестве приманки, а сам следил из засады. Задние замечали одинокую псину и глотали слюни. Набиралась группа в несколько рыл, охочих до собачатины. Окружали суку, доставали ножи – тут-то выскакивал лорд Мартин, палил в небо Перстом и спускал с привязи остальных псов. Задние разбегались, самого медленного свора разрывала на части. Мартин пытался угадать, сколько минут он провизжит прежде, чем сдохнет. А собаки наедались досыта – это был их единственный источник пропитания.

Джоакин не особо любил эту забаву, видя в ней нечто бесчеловечное. И уж тем более не собирался приглашать Хаш Эйлиш – из боязни, что травля придется ей по душе, как и другие проявления смерти, и ему станет еще противней делить с нею постель. Впрочем, он и так решил больше не спать с мумией...

* * *

Хуже всего в осаде – скука. То есть, голод и жажда, конечно, тоже дрянь. Жрешь вечно сухомятку, живот крутит постоянно. Не ешь – болит от голода, пожрешь – не можешь переварить. Воды нет, помыться нечем, смердишь как свинья. И хорошо еще, что на дворе лето, зимой бы все померзли без дров... Словом, все плохо, но скука – особенная сволочь. Ведь когда голодно – мечтаешь о жратве, когда нет воды – ищешь напиться; но когда скучно – в голову лезут все беды сразу!

Ходишь по замку и думаешь подряд. Не успеет Пауль, да и вообще, нет на него надежды, по всем разговорам ясно, что ему на нас плевать. Надо самим спасаться – а как? Убить бы волчицу, суку. Не для спасения, это не поможет, но для справедливости. Ведь мы ж завываем от голода, а ее граф кормит до отвала и дает ведро воды в день. Зачем? Чтобы обмануть: у нас, мол, всего вдосталь, никаких трудностей. А потом оказывается, все впустую, она уже и так поняла, и своим кайрам рассказала, сволочуга. Жаль ее Гарри не застрелил, когда мог. Еще больше самого Гарри жаль. Славный был парень, надежный друг! Сколько же славных парней легли в землю! Сначала Доксет и Вихорь, потом Берк, потом Салем. Моряки из трактира, что вступились за меня. Гарри Хог, солдаты гарнизона. Простые уэймарские люди – женщины, детишки – сколько их полегло под стенами! А сколько еще поляжет – страшно подумать. И все отчего? Из-за проклятых дворянских игр! Всем агатовская кровь не дает покоя! Не будь агатовцев – как бы хорошо жилось! Бьешь их, бьешь – и клинком, и Перстом, и Мечом богов – а они все равно побеждают! Сколько же сволочей наплодилось! Сколько их лупить еще, пока не очистится мир...

Вот так ходишь по двору, думаешь всякое – и всего тебя корежит от несправедливости, от бессмертия зла, от агатовских тварей, которые вечно сверху. И ничего с этим поделывать не можешь, покуда ты заперт в осаде! Вот что самое худшее. Хоть головой об стену бей.

С великим трудом Джоакин дождался вечерней молитвы. По праву лучшего воина поднялся на башню, постоял рядом с графом, поглазел с высоты на город. От сердца слегка отлегло: хотя бы в этом смысле мы взяли верх. Мы на горе, агатовцы внизу, и нипочем не скovyрнут нас отсюда.

После молитвы он первым спустился с башни. Хаш Эйлиш уже ждала во дворе. Джо хотел пройти мимо, задрав подбородок, как вдруг выяснилось, что Эйлиш ждет вовсе не его.

– Мастер, – сказала закатница и поклонилась генералу Хорису.

Тот поцеловал ее в макушку.

– О чем горюешь? Что на душе? Ну-ка, выкладывай.

Эйлиш не выглядела горестной, но охотно приникла к уху наставника и зашептала что-то. Выслушав, Хорис улыбнулся:

– Этого не бери в голову. У тебя телега стоит впереди лошади. Поставь наоборот.

Эйлиш на глазах расцвела:

– А ваша правда, мастер!

– Вот видишь.

Генерал пошел по своим делам, Эйлиш – по своим, а Джо остался стоять, как осел. Граф велел ему побеседовать с Хорисом, но мужское естество требовало догнать Эйлиш и выяснить, как она посмела ждать другого.

Он ринулся за нею:

– Постой, ты куда?!

– Сир Джоакин?.. Простите ради всех богов, не заметила.

– Все ты заметила! Куда идешь?

- Куда хочу. Идемте со мной, если тоже хотите.
 - У меня дело есть.
 - Так что же вы? Окончите дело, а тогда уж цепляйтесь к барышням.
 - Это... дело-то связано с тобой. Я должен поговорить с генералом, обсудить кое-что...
 - Как странно, что вы погнались за мной, а не за ним! В сумерках обознались?..
- Он ощутил, что краснеет.
- Нет, ну... Я подумал, ты же к нему на ужин... И он как-то звал нас двоих...
- Эйлиш расцвела на глазах:
- А, так вы решили почтить нас! Буду безмерно рада. Идемте же!

Первым делом зашли в свою комнатенку. Эйлиш переделалась и прихорошилась к ужину. Расчесывая длинные волосы, серьезно осведомилась, не хочет ли сир путевец овладеть ею сзади, пока она стоит у зеркала? У Джоакина зашевелилось между ног. Он грубо ответил:

- Мы, кажется, утром все обговорили. Хватит с меня!

Когда стемнело, они покинули замок. Лагерь наполнился негромкой сумрачной жизнью. За шатрами шныряли тени, задние рыскали в поисках мышей и чужих сапог. Греи скрипуче точили клинки, кайры общались такими голосами, будто презирали всех вокруг. И несмотря на все, джоакиновы чресла продолжали гореть. Что-то такое исходило от Эйлиш – нечто вроде облака похоти... Дабы отвлечься, Джо стал мысленно повторять задание графа. Перестановка войск на холме – это раз. Поговорить о медведях – два. Найти и наказать трупоедов – три. То бишь, сначала допросить и выверить, вдруг все-таки ошибка. Как-то не верится, чтобы средь бела дня...

У генеральского шатра не было часовых – Хорис не боялся ни задних, ни кайров. Гостей встретил адъютант и проводил внутрь, за стол. Джо опасался увидеть целую толпу офицеров, но к счастью в шатре оказались только трое: генерал, Лахт Мис и слуга-денщик.

– Какая приятная встреча! – Хорис-деш подхватился навстречу вошедшим и обнял обоих.

- Я привела своего мужчину, – кокетливо сказала Эйлиш.
- Правильно сделала, умница! Я как раз отпустил офицеров, хотел тихого уютного ужина. Джо ощутил себя так, будто попал на смотрины в дом будущей невесты.
- Грм... генерал, я имею к вам поручение от графа Виттора.
- О, конечно! Но оно же не помешает нам вместе перекусить, наслаждаясь шумом дождя?
- Эм... я не против. Только дождь откуда?

Хорис расплылся в улыбке:

- Начнется через часок, я ощущаю его запах.
- Через два, мастер, – поправила Эйлиш.
- Садитесь, дорогие мои!

Лучась радушием, генерал усадил гостей за стол и подмигнул денщику. Тот рассыпал по мискам гречневую кашу, сдобрил солью, добавил лакомство: кусочки масла. Джо чуть не захлебнулся слюной. Именно ради этой каши он и напросился в гости к генералу, а не подошел к нему в замковом дворе. Очень уж не хотелось жевать бобы, обоссанные кайром...

- Кушайте, детки.

Дважды просить не пришлось. Джо, Эйлиш и Лахт Мис накинулись на еду. Хорис и сам не отставал от них, но успевал и поддерживать беседу:

– Какова чертовка, а? Все услышала да учуяла, да потом еще и выдала своим! Ничего не побоялась, хотя могли и пристрелить прямо там. Еще как могли!

- Вы, мн-мн, об Ионе говорите?
- Хороша, не правда ли?

Джоаким злобно сглотнул.

- Ничего хорошего в том, что враг узнал наши секреты!

– Полноте, сир, какой секрет можно сделать из нашего положения? Последний подмастерье сообразит, что колодцы не рассчитаны на три тысячи рыл, да с тысячей коней. Наши беды очевидны любому, кто пользуется рассудком.

– Она выдала еще и число Перстов Вильгельма!

Генерал ни капли не удивился. Похоже, ему дословно донесли все, сказанное утром. Возница, чертов пес...

– Какая в этом печаль? Даже одного Перста довольно, чтобы удержать спуск.

– И независимо от Перстов, – добавил Лахт Мис, – я уверен, что Ориджин не пойдет на штурм.

– Да-да, я тоже убежден. В этой кампании старый волк ведет себя по-новому: очень уж бережет солдат. Тяжелейшая битва в городе должна была забрать половину кайров, но погибли только три сотни. Не удивлюсь, если одну из них убили лично вы, сир Джоакин.

Путевец поклонился, старательно работая челюстями.

– Я думаю, – продолжил генерал, – так проявляется его уважение к Перстам Вильгельма и Абсолюту. Ориджин осторожничает, дабы не попасть под огонь.

Он оглянулся на земляков, ища поддержки своему предположению, однако оба возражили. Лахт Мис сказал:

– Скорее, дело в младшем Ориджине. Это он экономен по части живой силы, а лорд Десмонд лишь следует его пути.

Хаш Эйлиш допустила:

– Или тут сказывается влияние болезни. Каменная хворь поставила Десмонда на порог. Ощувив близость смерти, начинаешь сильнее ценить жизнь.

Хорис улыбнулся так, будто возражения доставили ему удовольствие.

– Вы оба правы, дорогие мои. Но нельзя забывать и то впечатление, какое произвел на Ориджина Абсолют.

– Это не а... – начал было Джо.

Хотел сказать: «Это не Абсолют, а Меч богов! Абсолютом зовется та куча Предметов, которые граф носит на себе. Они почему-то совсем не работают». Но вовремя спохватился: быть может, Шейланд нарочно ввел Хориса в заблуждение. Джоакин зажевал кашей свою оплошность и тут же сменил тему:

– Граф просил меня обсудить с вами три вопроса. Он очень уважает вашу мудрость, генерал, и просит совета.

Хорис поклонился:

– Не я мудрец, а ваш сеньор! Как тонко он польстил мне, когда прислал вас, а не пришел сам. Тем самым показал, что не станет спорить, а примет любой совет. Еще и доставил мне радость общения с избранником моей любимой ученицы.

– Ммм... да, так вот, первый вопрос. Что вы думаете о ситуации с медведями?

– Этого я ждал, – улыбнулся Хорис.

Ни для кого не было секретом, что Крейг Нортвуд шел вместе с Ориджином от самой Фаунтерры. Гигантская армия союзников не смогла переправиться через Дымную Даль – не хватило кораблей. Потому Десмонд с полковником Блэкберри и четырьмя батальонами выдвинулся вперед по воде, а Крейг Нортвуд с полчищами медведей и кайрами генерала Стэтхема двинул в обход озера. Путь был неблизок, армия тяжела, а Клыкастый Рыцарь решил по дороге еще и собрать дань с подконтрольных ему городов Южного Пути. Так что прибытие этой оравы в Уэймар ожидалось нескоро.

Однако вчера агент Шейланда из графства Нортвуд прислал дурное известие. Генерал Стэтхем как-то убедил Крейга отказаться от внепланового сбора дани, а также попок, пиров, кулачных боев, турниров и прочих увеселений, которыми обычно сопровождается путеше-

ствие медвежьих рыцарей. Армия ускорила движение и уже марширует по северному побережью Дымной Дали. Через неделю или около того медведи придут в Уэймар, на помощь когтям.

– Будь у Десмонда двадцать тысяч воинов или сто тысяч, это не изменит ничего. Штурм все равно обречен на провал. Верно, сир?

Это сказал Лахт Мис, и у Джоакина возникло неприятное чувство, будто его испытывают.

– Э... как заметил генерал, я здесь не для того, чтобы говорить, а только затем, чтобы слушать.

– И вкусно кушать, – шепотком ввернула Эйлиш.

– Ну же, не смущайте гостя! Я хочу снова увидеть его здесь, – генерал подмигнул Джоакину. – Ни к чему юлить и притворствоваться, когда граф почтенно просит нашего совета. Скажу напрямик. Опасность медведей, конечно, не в том, чтобы усилить штурм. Старый волк может распорядиться ими гораздо хитрее. Он вышлет их на запад, навстречу орде, чем задержит ее продвижение. Это создаст для нас большие продовольственные трудности.

– Что особенно неприятно, – добавил Лахт Мис, – по пути медведи пройдут нашу столицу – Сайленс.

– Боюсь, что да, – признал Джоакин.

Хорис продолжил:

– В данный момент Сайленс занят войсками моего бывшего сеньора, Старшего Сына. Он очень обрадовался, вернувшись в столицу и не найдя там меня. Развесил всюду свои флаги и назвал себя единственным властителем Закатного Берега, как тут получил известие о наступлении медведей. Старший Сын прислал мне шифрованное письмо, в котором предложил забыть все разногласия и осыпать меня золотом, если я предам графа Шейланда, позволю Ориджину взять Уэймар, а сам примчу в Сайленс на помощь Старшему Сыну.

Джоакин замер, не донеся ложку до рта. Машинально перебросил ее в левую руку, освободив правую для боя. Эйлиш нежно почесала его за ухом, Хорис улыбнулся:

– Я в ответ также предложил Старшему Сыну дружеские объятия и узы вечной верности – в случае, если он бросит Сайленс и придет на помощь нам. Но боюсь, на это не стоит рассчитывать. В Закатном Береге есть лишь один полководец, готовый сражаться против кайров, и он уже здесь.

– Ммм... – Джоакин поразмыслил. – Каков же выход, генерал?

– Вы мне скажите, сир.

– Я?..

– Первым днем осады, пока кольцо еще не сомкнулось плотно, барон Доркастер покинул город с Перстом Вильгельма и сотней воинов. Знаю, что поехал он не куда-нибудь, а прямо в Клык Медведя, чтобы взять графство Нортвуд под свой контроль и обеспечить Крейгу Нортвуду более насущные заботы, чем поход на запад. Примерно так описал мне ситуацию граф Виттор, а вы, сир Джоакин, можете добавить свое мнение: справится ли барон?

– Мое мнение?

– Конечно. Вы же знаете его, вместе служите одному сеньору.

Джо поскреб затылок.

– Ну... Доркастер не выглядит особенно опасным воином. На поле боя я бы не полагался на него. Но в таком закулисном деле... Если надо тихонько прокрасться в город и учинить переворот... Доркастера мало кто заподозрит, поэтому-то он может выполнить задачу.

– Применит ли он Элиаса Нортвуда?

– Элиаса?..

Генерал поморщил краешек рта:

– Милая Эйлиш, что я говорю в таких случаях?

– Что не любите людей, которые часто переспрашивают. Они швыряют камни в гладь мысленного потока.

– Простите, – смешался Джоакин. – Просто я не понял, о каком Элиасе речь. О старом Нортвуде, да?

– Конечно, сир. Он ведь находится в распоряжении вашего господина?

– По правде, генерал, я не знаю. Что-то слышал об этом: Айви когда-то его стерег. Но лично я не видел в замке никакого Нортвуда. Если даже он в плену у графа, то содержится не здесь.

– Оно и к лучшему, не так ли? Ведь отсюда было бы сложно вывезти его.

– Угу...

Генерал, полностью удовлетворенный, занялся кашей. Джоакин почувствовал себя дураком: это же Хорис должен был ответить на его вопросы, но вышло наоборот!

– Генерал, я надеюсь, по второму делу вы дадите более многословный совет. А то ведь я не буду знать, что доложить графу.

– Скажете, что провели вечер в приятном обществе, вкусно поели, а после ужина предались любви со своей женщиной. Это и есть главное в жизни, а политика да войны – только мишура.

– Гм. Тем не менее, я обязан задать второй вопрос. Какой части войска поручить охрану спуска?

Закатники дружно поглядели на него. Генерал – лукаво, Лахт Мис – пристально.

– До сей поры спуск охранялся нашим полком. Граф недоволен нами?

– Графа тревожит количество задних. Оно растет во всех подразделениях. В том числе, боюсь, и в вашем.

– Задние... – повторил Хорис задумчиво и сделал долгую паузу.

Оборона спуска была сложным вопросом. Нынешняя армия Шейланда состояла из четырех разрозненных частей, и каждая имела свои недостатки. Собственные рыцари графа, пережившие мятеж Ионы, были полностью надежны, но малочисленны, и требовались в замке. Кайры Флеминга славились боевым мастерством, но они же – кайры, одной крови с теми, что за стеной! Быть может, даже лично знают Ориджина или Блэкберри. Разумно ли ставить их на самый ответственный участок?.. Затем, имелся Перкинс – верный Шейланду, словно пес, и владеющий Перстом Вильгельма. Но его солдаты в большинстве своем – бандиты и наемники, люди без чести. Они-то чаще всего пополняют ряды задних... А лучшим сочетанием мастерства и надежности до сего дня могли похвастать закатники Хориса. Но то, что нынче Джоакин увидел на спуске, не походило на прочную оборону.

– Словом «задние», – спросил генерал, – вы именуете людей, недостаточно твердых в вере?

– Недисциплинированных, ленивых, непослушных приказам. Тех, что спят на вахте или едят коней.

– Стало быть, тех, чья воля и разум слабее усталости и голода. Мне грустно думать о них, но правда проста: в любом войске имеются задние. Не существует полка, свободного от этого бремени. Командир может лишь выдумать способ наилучшим образом распорядиться ими. Потому я и поставил их на оборону спуска.

Джо нахмурил брови:

– Вы не ошиблись, генерал? Разве не спуск – самое опасное место?

Хорис ухмыльнулся и глянул на Эйлиш, призывая ее ответить.

– Славный мой, если кайры пойдут на штурм, нижняя половина спуска обречена. Неминовемо падет и бастион, и нижний вал. Врага можно остановить лишь на середине спуска, когда северное войско сожмется до ширины дороги. Наша надежда – стрелки на верхнем валу.

Лахт Мис добавил:

– Все, кто стоит ниже, побегут с началом боя. Но именно это от них и требуется: своим бегством заманить кайров повыше, на узкую дорогу, под огонь Перстов.

– Разумно, – хмыкнул Джоакин. – Но остался третий вопрос...

Он умолк, сбитый с толку сказочным, божественным запахом. Денщик внес в шатер сковороду, на которой дымились пять ломтиков жареного мяса. Кажется, ничего более приятного он в жизни не нюхал!

– Давайте же приступим к главному блюду трапезы, – торжественно сказал Хорис.

Закатники молчали, пока денщик раскладывал мясо по тарелкам. Потом приступили к молитве – отчего-то не в начале ужина, а сейчас, при перемене блюд. Джо не выдержал и попробовал кусочек. Никогда бы не подумал, что конина может быть такой сочной и мягкой!

– Генерал, ваш повар – гений!

– И святой человек, – согласился Хорис. – С мыслями о Ней...

Он положил мясо в рот.

– С мыслями о Ней... – повторили Эйлиш, Мис и адъютант.

Все принялись жевать – медленно, вдумчиво, будто бы даже с трепетом.

Чудесный вкус заставил людей забыть о беседе. Оно и хорошо, поскольку третий вопрос отнюдь не способствовал аппетиту. Джоакин молча и с наслаждением проглотил ломоть мяса. Сердечно поблагодарил генерала, отер губы салфеткой и лишь тогда вернулся к делу:

– Неловко беспокоить вас такою темой, но я сделал тревожное наблюдение, и граф велел мне обсудить это с вами. Нынешним утром мы видели на склоне группу солдат из вашего полка, они варили и собирались съесть нечто с дурным запахом. При моем появлении спрятали какую-то кость и уклонились от ответов на мои вопросы. Простите, генерал, но я боюсь, как бы они не ели мертвечину.

– Хм. Непростое дело, сир Джоакин, – жестом степного кочевника Хорис огладил усы. – Почему вы думаете, что их пищей был покойник?

– Они быстро спрятали кость, но я успел заметить ее размер. Она не принадлежала ни коню, ни крысе. Могла быть собачьей, но псов почти не осталось, а все, что уцелели, стоят на учете у лорда Мартина.

– Вы видели только одну кость?

– Да, генерал.

– Значит, они могли употребить не целого покойника, а лишь его фрагмент?

– Скорей всего, так и было... Но какая разница? Вы хотите разыскать поврежденный труп?

– А далеко ли отстояло это место от лазарета?

– Совсем не далеко, ярдов сто.

– Кто знает, производились ли утром хирургические операции?

Хорис адресовал вопрос своим подчиненным. Эйлиш не знала, а Мис ответил утвердительно:

– У одного сержанта отняли руку.

– Какое это имеет... – начал было Джо, но тут понял сам. – Фу, мерзость, дрянь! Святые боги, это же отвратительно!

Хорис печально склонил голову.

– Да, сир, ужасно. Я разыщу этих солдат и подвергну строгой каре. Если вас не затруднит, помогите мне с опознанием.

– Так точно, генерал.

– Нет более постыдного дела, чем пожирание плоти живого человека. Даже если эта плоть была отделена от тела.

– Да, генерал! Меня чуть не стошнило. Это почти то же самое, что жрать мертвеца!

Хорис решительно качнул головой:

– О, нет, сир, я не могу согласиться. Кто ест живую человеческую плоть, тот совершает надругательство над природой. Но тот, кто употребляет плоть покойника с должным почтением и молитвой, тот поклоняется священному таинству смерти.

– Невелика разница! И то, и другое гадко!

– Вы тысячу раз, не смущаясь, ели свинину. А мертвый человек, в отличие от свиньи, наполнен духовностью. Он близок к Павшей и любим ею. Приобщаясь к мертвецу, мы прикасаемся к божественному. Важно делать это с молитвою и мыслями о Ней.

Джоакин судорожно сглотнул. Уставился на свою тарелку.

Зажал рот рукой, вылетел из шатра, упал на колени, корчась от спазмов.

Закатники вышли следом и некоторое время наблюдали, как Джоакин блюет.

– Он не приемлет Ее, – сказал Лахт Мис.

– Он не приемлет себя, – возразила Хаш Эйлиш. – А Павшая давно уже владеет им.

– Моя девочка, – генерал потрепал ее по затылку и обнаружил влагу на волосах. – О, дождь начинается, как я и говорил!

– Общий подъем! – скомандовал Лахт Мис. – Готовься к дождю! Начать помывку и сбор воды!

Все вокруг засуетились, вынося ведра, котелки, кадки. Кто-то раздевался, кто-то бегал в поисках мыла, кто-то готовил щетки, чтобы мыть коней.

Джоакин перекатился на спину и подставил лицо первым каплям ливня. Подумал: какая гадость! Трупоеды проклятые! Падаль, фу...

Полежал еще немного, умылся, сплюнул остатки тошноты.

Подумал: черт, зря меня вырвало. Через час снова захочу жрать.

Звезда – 2

Июль 1775 г. от Сошествия Герцогство Альмера

Тьма, как поздно она догадалась!

А хитрый Эрвин говорил ей, когда еще доверял. Гвенда, Луис, Минерва, жидкости тела... Это была лишь одна теория, Эрвин придумывал их пачками, Аланис слушала вполуха, не веря, что в тот раз он попал в цель. Тьма! Сообрази она вовремя...

Глядя в зеркало, она терла пальцами засос на шее, потом облизывала их, как леденец. Сухо. Ни капли слюны не осталось. Целая ночь прошла, уже утро...

Пауль только раз поцеловал Аланис, и то в шею. Пауль ни разу не пытался ее взять. Приказал солдату изнасиловать ее – хотя мог сам. Но каждого ханида вир канна он поцеловал прямо в губы. В губы. Каждого.

Она вымазала маслом засос на шее. Тщательно стерла кусочком хлеба и съела. Может быть... Нет, не может. За ночь высохло начисто, да и смазилось об подушку.

А впереди – Альмера. Первые сотни дикарей уже прутся через Юлианин мост, чтобы грабить, топтать, пожирать ее родную землю.

Аланис видела тренировки ханидов, слышала все наставления. Легко управлять Перстом Вильгельма, она бы точно справилась. Нужна лишь... жидкость тела.

Кровь Пауля ей не получить. Если б она могла нанести ему рану, то могла бы и убить. Вонзить нож в глаз или шею... Тогда – конец пути, шаваны разорвут ее на куски. И пускай, спасение Альмеры стоит такой цены! Беда в другом: Аланис не верила, что сможет. Напади на Пауля – он отразит любой выпад. Подкрадись сзади – он почувствует и обернется. Посмотри ему в лицо – содрогнешься и сама выронишь нож. Простым клинком его ни убить, ни ранить.

Но существуют и другие жидкости тела, кроме крови.

* * *

Перейдя Юлианин мост, орда ворвалась в Красную Землю. Пауль задал бешеный темп движения: тридцать миль в день. Даже на выносливых конях и при наличии заводных, трудно было выдержать такую скорость. Не оставалось времени на фуражировку, сбор и распределение припасов. Пауль не успевал кормить войско. Он решил эту проблему, сказав любимые слова:

– Сыны Степи, берите все, что можете!

Орда рассыпалась веером, развернулась по широкой полосе. Каждый ган рыскал сам по себе, сиюсь не отстать от Пауля и при этом – как можно больше награть. Любой городишко, любая деревня и хутор становились добычей. Заметив малейшее селение, шаваны рвались туда, пока их не опередили всадники другого гана. Влетали в село, рубили мужиков, насиловали баб, потрошили дома, сгребали припасы. Все – наспех, опрометью, без разбору. И сразу – по коням и в путь, за новой добычей. Разрозненные, дикие, жадные, они не походили на армию. Река гноя – вот что это было. Лавина смрадной жижи, которая делилась на потоки, ручьи и струи. Затекала всюду – на каждую дорогу, в каждый дом, каждую щель. Когда волна спадала, оставалась голая земля, заваленная мертвечиной.

Струи гнилого потока не согласовывались между собой, не получали приказов, не давали отчета. Ими правили только два желания: не отстать от Пауля и как можно больше сожрать. Они не наступали, не маршировали, не совершали маневр – они текли.

Один альмерский полк мог нанести им огромные потери, прежде чем шаваны собрались бы в единую силу. Но в этих краях не было ни полка, ни батальона. Вторжение так потрясло Альмеру, что все разбежались без боя. Орда с Перстами Вильгельма – два ужаса, соединенных в одном. Даже Снежный Граф не устоял. Шансов нет, остается бежать. Бежать!..

В разграбленных селах и городках не попадалось ни единой верховой лошади – все владельцы коней уже ускакали прочь. По дорогам ползли караваны беженцев: телеги, запряженные волами, пешие люди под грузом заплечных мешков. Завидев шаванов, они бросали все, кидались россыпью в поля... Но куда уйдешь от потопа?

Бывали и такие села, где ничего не ожидали. Жили себе как прежде, делали свое. Орда мчала быстро, кое-где опережая новости. В таких местах люди даже не пугались, ведь давно уже не было войны с шаванами. Встречали их, как ни в чем не бывало... Словно те хутора в пустыне Надежды.

Главное ядро орды – Гной-ганта и ханида вир канна – немного отставало от передовых отрядов. Аланис ехала по землям еще не полностью уничтоженным, но уже затопленным гнилою рекой. Час за часом, день за днем она наблюдала, во что превращается Альмера. Когда-то в поезде она шла из вагона в вагон, не находя ничего, кроме трупов. То был всего лишь один поезд. И трупы чужих людей.

Ни зеркальце, ни рубины на длинных пальцах, ни воспоминания – ничто уже не помогало. Ее душа неумолимо прекращала существовать. Разрывалась на части, сгорала по кусочку... Она должна была действовать. Любою ценой.

Пауль не всегда был возле нее – иногда выезжал в авангард или смещался на фланг. Но каждый день по нескольку часов он ехал рядом с Аланис. Задача казалась простой: поцеловать его.

Она попробовала в первый же час после Юлианина моста. Приблизила коня, посмотрела Паулю в глаза и... Приступ сильнейшей тошноты подкатил к горлу. Легче было бы поцеловать скелет, вырытый из могилы. Видимо, Аланис побелела, раз Пауль спросил:

– Что с тобой? Отравилась, что ли?

– Нездоровится... Лихорадка... Дай воды.

Она гордилась тем, как быстро придумала выход. Во фляге Пауля присутствует его слюна, достаточно просто хлебнуть...

– Муха, сюда, – подозвал Пауль. – Угости даму водой.

Тем днем и следующим Аланис следила за ним: как он ест, откуда пьет? Нельзя ли украсть его ложку, допить его вино? Как ни противно, но хотя бы сгрызть его объедки?..

Пауль был очень внимателен на сей счет. Флягу хранил при себе и никогда не расставался с нею. Сам ополаскивал винную чашу, из которой пил. Ложку омывал водой и насухо вытирал. Объедки бросал собакам, а если псов рядом не было – зарывал в землю.

Аланис напросилась к нему на ужин. Он не был ей рад: возможно, злился за бунт в Славном Дозоре. Насколько смогла, она приняла жалобный, заискивающий вид. Пролепетала кротко:

– Гной-ганта, ну прости меня... У женщин бывают такие дни...

– Жрать хочешь? – уточнил Пауль.

– Угу.

– Подадут в твой шатер.

– Я хочу с тобой... Хочу, чтобы простил.

– Ладно.

Она села, как кошка, впритирку к нему. От близости с этим существом все внутри сжалось. Пауль дал ей миску и чистой ложкой насыпал каши. Свою ложку взял в другую руку, чтобы была подальше от Аланис.

Она запихивала в себя еду, сочиняя способ... Как бы случайно перепутала миски, сунула ложку в чужую, но Пауль тут же отодвинул ее. Сказала игриво:

– Меня бы порадовало вино...

Потянулась к его чаше – он подал ей другую, а свою отнял. Она больше не посягала на его пищу, боясь быть разоблаченной. Нет, так не выйдет. Нужен поцелуй. И... почему бы не сейчас?

Пауль вроде бы простил ее и снизошел до разговора. Велел больше не шалить, обещал сломать оставшиеся пальцы. Звучало даже ласково... Она спросила: хорошо ли одета сегодня? Он похвалил. Она задела рукой его колено. Тем временем заходило солнце, розовели поля, небо наливалось ультрамарином. Если поцелуй с Паулем хоть когда-нибудь может выглядеть естественно – то именно сейчас.

Она посмотрела на его губы... И поняла: только один обмен жидкостями возможен между ними – ее рвотные массы обольют его с ног до головы.

Час за часом и день за днем Аланис видела растоптанные, разграбленные села. Они гвоздями вколачивались в душу, оставляя все меньше живого. Все острее, жарче, злобней она ненавидела себя. Что вам стоит, герцогиня: взять и поцеловать одного человека! Вы – хуже тряпки, ни на что не пригодны!.. С каждым мертвецом на дороге, с каждым опустошенным полем, с каждой обугленной избой росла ее решимость. Рано или поздно Аланис пересилила бы себя, смяла в латной рукавице все свое женское, сделала бы что нужно...

Но не только решимость набирала сил. Презрение и отвращение к Паулю крепчали с каждой милей. Мертвые тела, горелые дома, поруганные женщины – все это служило ему пищей. Миля за милей, деревня за деревней, Пауль добрел, веселел, наполнялся теплом. Грабеж и убийства можно принять, даже насилие – с трудом, но все же... Но эту сытость стервятника не стерпишь никак. Аланис смотрела на Пауля – и видела трупных червей, которых когда-то сажали ей на лицо. Не врут шаваны: он, Гной-ганта, состоит из личинок и опарышей. Поцелуй, да?..

А ночью, разрывая то, что осталось от Аланис, являлись отец и брат. Молча поджимали губы, брезгуя говорить. Отворачивались от нее, рассматривали опустошенную Альмеру. Аланис пыталась объяснить им... Но что тут скажешь? Она идет рука об руку с их убийцей – и не может набраться духу на правильный поступок.

* * *

Орду нагнал курьер – всадник из гана Ондя. Он сообщил Паулю: волчий герцог высадился в Степи с четырьмя сотнями воинов. Жалкая горстка! Ганта Ондей сжег его корабли, так что теперь волчара не сбежит. Он отступает вглубь Степи, ганта преследует его и неминуемо положит в пыль.

– Хорошо, – равнодушно сказал Пауль. Он предпочел бы увидеть голову герцога.

Всадник сказал:

– Ганта Ондей извиняется за то, что волк еще жив. И шлет тебе подарок: это нашлось в одном из кораблей.

Он отдал Священный Предмет, похожий на браслет грубой работы. Вот теперь Пауль улыбнулся:

– Славная находка! Она облегчит мое дело!

И спросил Аланис:

– Как думаешь, кому это отдать?

Она вспомнила: Предмет звался Голос Бога, его носила женщина по имени Гвенда, служанка кайра Джемиса. Надо полагать, теперь она мертва...

– Я не знаю, командир. Что это такое?

– Мгновенная связь, – Пауль показал ей второй такой же Предмет, надетый на его запястье. – Те, кто носят такие штуки, могут говорить друг с другом на любом расстоянии.

– Ты разделишь орду на два корпуса, – сказала Аланис. – Один уведешь на север, второй пошлешь в столицу. Ясное дело, отдай Предмет командиру столичного корпуса.

– И кого же назначить командиром?

Зачем он спрашивает? – удивилась Аланис. Ему не нужен совет, здесь все очевидно. Среди тех шаванов, что рвались в Фаунтерру, есть два уважаемых вождя: ганта Корт и граф Юхан Рейс. Корт старше и опытней, зато Рейс боготворит Гной-ганту. Поставь Юхана во главе армии – и армия будет послушна Паулю, как собственная рука.

– Меня, – сказала Аланис.

– Что – тебя? – Пауль выпучил глаза.

– Отдай мне столичный корпус. Давно хотела иметь свое войско.

Он рассмеялся в ответ. И, конечно, позвал Юхана Рейса... Но Аланис успела заметить огоньки в его глазах. Бесчувственность Пауля дала крохотную трещинку.

Заставь противника сделать то, что тебе нужно, – сказал бы хитрый, хитрый Эрвин. Зеркальце больше не утешало, но сообщало важные сведения: Аланис стала краше, чем когда-либо. Дорога отшлифовала ее тело, убрала последние унции жира, покрыла загаром. Душевная боль отпечаталась на лице, сметая все тени легкомыслия, заострив черты, наполнив чувством взгляд. Старый шрам сочетался с бездною глаз и яростью губ. Он выглядел средоточием силы и тайны. Под красотой Аланис теперь лежала пугающая глубина.

Однако этого не было достаточно. Требовались действия.

Первый раз вышло само собою, без расчета. Вместе с Паулем Аланис въехала в разоренное село. Шаваны заканчивали потрошить дома и готовились выдвигаться. Один задержался, занятый делом: насиловал деревенскую девчонку. Он забыл о ней, когда увидел Аланис. Механически продолжая двигать тазом, вывернул шею, выпучил глаза, уставился на герцогиню. Она подъехала к нему и хлестнула нагайкой. Он так удивился, что застыл. Она стала бить наотмашь, сдирая шкуру. Шаван озверел и бросился к мечу. Аланис направила коня и растоптала его. Развернувшись, снова проехала по трупу, перемалывая в кровавую кашу. Лишь потом вспомнила о Пауле.

– Этот скот пялился на меня.

Она плюнула в лужу крови. Пауль помолчал, будто пытаясь что-то в ней разгадать. Ухмыльнулся. Предложил:

– Там колодец. Хочешь воды?

Потом она увидела шаванов, которые вели пленных на привязи за конями: пару юношей, пару девушек. Аланис потребовала:

– Отпустите!

– Э, нет. Гляди, какие свежие. В Шиммери за них дорого дадут.

– Я велела отпустить.

Пауль остановился рядом, заинтересованный. Для него, а не для шаванов Аланис пояснила:

– Пленные замедлят ход. Вы отстанете.

– Ничего, побегут.

Она сказала:

– Тогда – вон из орды.

Шаваны заржали, но смех быстро утих. Пауль не опроверг слов Аланис. Он ждал, чем закончится. Она ждала исполнения приказа.

– Гной-ганта... – начал было шаван, и Аланис рыкнула:

– Кто разрешал говорить с моим мужчиной? Вы не ханида вир канна! Прочь отсюда, шакалы!

Теперь они испугались. Что-то пролепетали, отрезали веревки, державшие пленных. Кроме одной.

– Эта баба такая красивая... Позволь хоть ее оставить. Возьмем в седло, быстро поедem! Аланис приблизилась к шавану, ослепила собою.

– Красивая?.. Она?..

Он рассек веревку.

– Вперед, – приказала Аланис. – Снова задержите движение – убью.

Пауль смотрел на нее. Не так, как прежде.

Аланис нащупала то, что будоражило его кровь: храбрость и дерзость. Того и другого ей было не занимать. Самые отчаянные поступки давались ей куда легче бездействия.

Одна деревня оказала сопротивление: четверка лучников осыпала захватчиков стрелами. Вместе с ханида вир канна Аланис поскакала в атаку. Она не имела оружия, мчала навстречу лукам только затем, чтоб ощутить пульсацию крови в жилах. Победа над страхом – хоть какая-то победа! Ханиды расстреляли лучников плетью. Когда она подъехала, трое были мертвы, а один корчился в агонии. Аланис добила его наконечником стрелы.

В другом селе, когда несколько Перстов Вильгельма дали залп, ее конь испугался вспышки и понес. Аланис дала ему время поскакать во весь опор. Позволила себе почувствовать, как дрожит та нить, на которой висит ее душа. Стоит коню оступиться, она улетит из седла и сломает шею. Погибнет на стороне злодеев и проведет вечность в сточных канавах Звезды, среди воров и шлюх... Ханида вир канна догнали ее и попытались спасти. Но она уже сама совладала с конем и двинулась обратно, полная жизни.

В хижине, которая пылала, истошно орал кот. Огонь охватил дверной проем, животное боялось выскочить. Аланис смочила платок водой из фляги, обернула мокрой тканью голову и нырнула в избу. Кот стоял на пятачке, не охваченном пламенем. От ужаса вся шерсть на нем торчала, когти впивались в половицы. Аланис подбежала, схватила. Кот зашипел, рванулся прочь, раздирая ее плечи. Она с трудом удержала его, двинулась к выходу. Что-то рухнуло прямо перед нею, полыхнуло. Идов жар влился в легкие, Аланис задохнулась и ослепла. Бросилась сквозь огонь – туда, где прежде была дверь. Плечом врезалась в горящую балку, закричала от боли... Вылетела во двор, упала, откатилась от огня. Кот умчался неведомо куда. Она стянула с головы платок, который уже начал дымиться, затерла землю тлеющее платье.

Пауль поднял ее на ноги и дал пощечину. Таковую, что искры из глаз.

– Больше не рискуй собой. Запрещаю.

Однако на лице его читалось нечто, похожее на восторг.

Аланис продолжала свое. Увидев возможность сделать, она делала. Увидев нечто страшное, бросалась навстречу. Ради Пауля, ради своей цели, а еще – ради себя. Хоть на время вернуться к жизни, хоть ненадолго собраться из кусков. Хитрый Эрвин имел для этой цели змей-траву. Тьма сожри, все у него было предусмотрено!..

А смог бы Эрвин ради цели отдаться врагу? Паршивому зверю, смеси шакала, червя и крысы. Такому, что от одного взгляда воротит с души!.. Эрвин сказал бы: не нужно отдаваться, просто поцелуй. Достаточно, чтобы он открыл рот и смешал свою слюну с твоею. Эрвин даже пошутил бы: нашла трагедию! Когда мы с тобой целовались впервые, сквозь дырку в твоей щеке виднелись зубы. И ничего, пикантно вышло...

Но Аланис знала безошибочным чутьем: Пауль не даст ей просто поцеловать себя. Он следит за флягой, за ложкой, за тарелкой. Тьма, он даже мочится осторожно, когда никого нет

рядом! Пауль бережет жидкости тела. Он поцелует ее в единственном случае: если от похоти забудет осторожность. Но тогда одним поцелуем никак не обойтись.

Проезжая пригорок, она заметила озерцо в стороне от дороги. Маленькое, поросшее камышом, но все же заманчивое. Слишком жарко было и пыльно, и слишком много мертвецов она видела сегодня. Тело казалось грязным, аж липким.

– Хочу искупаться.

– Я – нет, – бросил Пауль.

– А посмотреть хочешь?

Он промедлил с ответом, давя возникшее желание.

– Не сейчас. Слишком много задержек.

– Тогда я сама.

Не ожидая разрешения, Аланис хлестнула коня и поскакала к озеру. Пронизала круг ханидов, поймала удивленный взгляд Чары. Сейчас кого-нибудь пошлют в погоню...

Но нет. На берегу озера она оглянулась – отряд двигался дальше своим путем, Аланис осталась одна. Даже не сразу осознала до конца: теперь она свободна! Никто не держит, не охраняет. Можно прищпорить коня и помчаться прочь. Правда, на двадцать миль в каждую сторону рыщут шаванские ганы, встречи с ними не избежать. Но если спрятаться где-нибудь, переждать, пока орда пройдет... Тьма, какие низкие мысли! Пройти полпути, отдать на растерзание Альмеру – и сбежать с поля боя?.. Злясь на себя, она выбросила дрянь из головы.

Разделась, окунулась в озеро. Удовольствие оказалось сомнительным: дно покрыто илом, вода цветет. А выйдя на берег, Аланис увидела на своем животе пиявку. Скривилась от омерзения, сдернула тварь с кожи... И замерла, держа пиявку в руке. Существо, которое пьет кровь. Наполняет ею свой желудок.

Аланис искала места, где сохранить пиявку. Нашлось лишь одно: фляга с водой. Спрятала добычу, оделась и поскакала догонять отряд.

Пауль и ханиды расположились на привал в захваченной деревне. Аланис нашла их за столом во дворе самого большого дома. Села на место, которое оставил Пауль.

– Хорошо искупалась? – спросил он и опрокинул кубок ей на голову.

Жидкость была красной, но слишком густой и соленой для вина. Это кровь текла по волосам, лицу, шее Аланис. Наказание за дерзость. Ханида вир канна затихли, ожидая: чем она ответит?

Аланис помнила о пиявке и предвкушала победу. Когда соленая жидкость залила лицо, она представила себе: пускай это будет кровь моих врагов. Всех, кого называла Чаре. Особенно – трех главных. Пускай крови будет не кубок, а целое ведро. Пускай она покроет все тело от ключиц до пальцев ног. Такая теплая, сладкая, хмельная... долгожданная...

Аланис закрыла глаза, погружаясь в фантазию. Размазала кровь по шее, плечам, груди. Облизала с ладоней, с длинных своих пальцев. Изысканное лакомство! Со стоном наслаждения собрала языком капли...

Когда очнулась, все ханиды смотрели на нее. Ошалелые лица, дикие и жадные глаза. Пауль выглядел растерянным и смиренным. Она сунула палец ему в рот.

– Попробуй, Гной-ганта. Свежая, но с привкусом страха, правда? Я предпочла бы кровь человека посмелее.

Потом она спокойно взялась за обед. Кровь высыхала на коже, становилось липко. Но чувство триумфа окупало любые неудобства. Шаваны сидели замороженные, совсем забыв про жратву. Боялись смотреть, но не могли удержаться. Так и рыскали глазами: от Аланис к миске – и обратно. Первой пришла в себя Чара. Буркнула что-то про духов-странников, погрозила Аланис кулаком и начала есть. Потом один за другим ожили ханида вир канна. Кто-то пошутил о крови северных волков: наполнить бы ею пруд возле Первой Зимы, вот бы славно искупались!

Другой ответил: а потом можно коней искупать... Все заржали. Только Пауль по-прежнему молчал.

Аланис повернулась так, чтобы волосы упали ему на плечо. Он процедил:

– Иди помой голову. Над тобой мухи жужжат.

– Что за брезгливость, Гной-ганта? Согласно легенде, мухи – твои родичи.

– Поди помойся, я сказал!

Она выдержала издевательски длинную паузу. Набила полный рот, стала жевать, нагло глядя ему в лицо. Пауль схватил ее. Зло, жадно и немного жалко. Она ощутила пот на его ладонях. Замерла, сжалась. Возможно, прямо сейчас... Жидкость тела, победа!.. Тьма холодная, как вытерпеть...

Пауль поднял ее и вытолкнул из-за стола.

– Прочь!

Она ушла, утащив за собой тугую связку взглядов.

Чистой воды всегда не хватало. Иногда Пауль являлся в шатер Аланис, мылся в ее воде и уходил голым. Поддерживал чистоту, подпитывал легенду о «любовнице Гной-ганты». Она надеялась, так будет и сегодня, и держала пиявку наготове. Но Пауль не пришел. Аланис не знала, проживет ли пиявка целые сутки во фляге. А если нет – может, и ладно? План в любом случае был мерзок: дать твари насосаться из Пауля, потом съесть ее. Даже пред лицом голодной смерти Эрвин отказался жрать червей. Аланис отлично понимала его чувства...

Но другой вариант – хуже в тысячу раз. Нет уж, пиявка – не мерзость. Пиявка – спасение!

Пауль спал под открытым небом, при нем дежурили несколько ханидов. Они удивились ей: Пауль, бывало, ходил в ее шатер, но она к нему – никогда.

– Соскучилась, – сказала она и прошла сквозь часовых.

Присев подле Пауля, послушала дыхание. Он хрипло рвано сопел, глаза дергались под веками. Паулю снился кошмар. Аланис не знала, что законченным гадам тоже снятся кошмары.

Она разжала ладонь, на которой копошилась пиявка. Подивилась сходству ситуаций: когда-то черви сохранили ей жизнь, теперь пиявка спасет ее честь. Если все получится, не нужно будет даже поцелуя.

Часовые косились на нее, потому Аланис погладила волосы Пауля. Подумала: какой ужас может ему сниться? Что для него – ужас? Старый дряхлый Пауль без рук и зубов, неспособный убивать? Тихий городок, где все улыбаются и обнимают друг друга? Любящая жена, смеющиеся дети?..

Кто он такой, в конце концов? Если я получу первокровь, сожгу его Перстом Вильгельма. И никогда не узнаю ответа... Гной-ганта? Чушь. Он даже не заикался об этом, пока не приехал в Степь. Слуга Темного Идо, хваленый уэймарский узник? Возможно. Тогда выходит, он был рожден простым человеком? Вся его сила – только в первокрови, данной Темным Идо?.. Почему тогда я до сих пор не убила его? Если он – человек, то хватит простого удара ножа...

Аланис зябко поежилась. Нет, ложь. Я чувствую, знаю: он не умрет от ножа. Даже если удар достигнет цели. Его нельзя убить простым оружием... Но тогда, выходит, он... не человек?

Ощувив легкий зуд в пальце, она мысленно выругалась. Чертова пиявка успела присосаться! Вот вам урок, герцогиня: пришли действовать – действуйте.

Она сдернула пиявку с кожи и положила Паулю на шею. Легчайшее существо, невозможно ощутить касание. Тем более – проснуться от него...

В следующий миг Пауль открыл глаза и схватил ее за руку.

Так внезапно, что она даже не дернулась. Он сел, поймал вторую ее ладонь. Поднес к лицу, ища в руках Аланис оружие: кинжал, стилет, шпильку, хотя бы кусочек стекла. Ничего не было. Даже пиявка свалилась с его шеи и пропала в траве. Ни тени угрозы.

Пауль обшарил ее взглядом. На ней был только ночной халат из тончайшего шелка. Под ним и булавку не утаишь.

– Зачем ты здесь?

Голос звучал странно. В нем – невнятное, темное, жадное.

От одной мысли ее начало мутить, болезненно сжалось ниже живота. Однако сердце забилося жарко, как перед боем. Как бы плохо ни было – можно стерпеть! Минуты мучений, потом – победа! Только возьми меня силой, не дай убежать...

Видимо, он ощутил, как вспыхнуло ее тело. Притянул ближе, стал ощупывать сквозь ткань. Неясно было, он уже начал ласки или все еще ищет оружие. Она стиснула зубы, давя тошноту, и развела ноги, уселась на Пауля верхом. Подалась к нему, коснулась грудью его лица.

Он все шарил по ее телу – как-то судорожно, нервно. Отбросил шелк со спины, сунул руку между ягодиц. Аланис сжалась – и разжалась усилием воли. Бедрями нащупала его плоть, стала тереться напористо, зло. Давай же, начинай!

Он опрокинул ее, содрал халат, грубо раздвинул ноги. Уставился в промежность, будто никогда не видел женского лона. Аланис выгнулась ему навстречу, ногтями судорожно впилась в землю, как кот в горящем доме. Быстрее же, тварь! Я долго не вытерплю!

Она вертела головой, стараясь не смотреть ему в лицо. Потому не сразу заметила, что происходит нечто странное. Отвернувшись в сторону, Пауль одевался. Бранился, пытаясь всунуть в штаны набухшую плоть.

Тошнота мгновенно улеглась. Взамен отвращения пришла досада. Она столько сил вложила в свою жертву – и зря?..

– Эй, куда ты собрался?!

Пауль зыркнул на нее с гневом, похотью... и страхом:

– Чего ты хочешь? Убирайся! Зачем пришла?!

Она поднялась и сделала к нему шаг. Пауль отшатнулся. Штаны на нем чуть не трещали. Он воцарился на ней настолько же, насколько боялся.

– Я хочу... – сказала она с горьким торжеством. – Я хочу выпить всю твою кровь.

* * *

Изо всех ее триумфов этот оказался самым унижительным и бесполезным. На один вечер она одержала победу над Паулем. Кем бы он ни был – слугой владыки хаоса или самим Темным Идо – той ночью он в страхе бежал от нее.

Однако она не получила первокровь. Предметы были ей все так же недоступны, а Пауль – все так же неуязвим для оружия смертных. И хуже того: утром он уехал. Вместе с Юханом Рейсом, ханида вир канна и тысячей всадников двинулся вперед, а ее оставил в хвосте, с одним из отстающих ганов. Аланис понимала причину: Пауль боялся своей слабости перед нею. Страхился, что однажды она возьмет его и получит силу Перстов. Или велит ему развернуть орду, и он не сможет отказать. От понимания было не легче: теперь он впереди, беспрепятственно топчет ее землю. А она плетется следом по дороге, усыпанной руинами.

Аланис хотела пришпорить коня и догнать его, но возникло препятствие. Пауль оставил при ней двух охранников из числа ханида вир канна.

– Гной-ганта сказал тебе быть с нами.

– А я хочу быть с ним.

– Гной-ганта сказал: плевать ему, чего ты хочешь.

Она могла взбунтоваться и проверить, тверды ли эти стражи. Возможно, удастся переубедить их или просто сбежать. Но если прямо сейчас примчаться к Паулю – будет ли толк? Скорей всего, он накажет ее и снова отошлет. Например, сломает оставшиеся пальцы.

Подумав так, Аланис покорила и стала наблюдать за стражами. Одного звали Хайлах, он был матерым убийцей из первых ханида вир канна. Аланис помнила его со дня резни под Рей-Роем: чтобы завладеть Перстом, Хайлах перебил семь человек. Второй – Алишер – получил Предмет в Славном Дозоре, после гибели одного из перстоносцев. Он стал достойным потому, что первым заметил войско Лиллидея. Хайлах отменно стрелял из Перста, Алишер – пока слабо, но без усталости упражнялся. Хайлах был гантой небольшого гана, чувствовал себя свободно и делал что хотел – в основном, грабил, жрал и спал. Он не имел нужды лично стеречь Аланис: всюду вертелись его шаваны, попробуй она сбежать – они заметили бы и поймали. А ганта избегал ее, и позже она узнала причину. Хайлах всем сердцем любил грабеж, но из-за Аланис должен был ехать в хвосте, получая лишь объедки от предыдущих ганов. Он на нее попросту злился.

Алишер – другое дело. Этот старался выслужиться перед Паулем и постоянно терся около Аланис. Если Гной-ганта спросит, Алишер отчитается за каждый ее шаг. Это было противно, как застать шпиона под дверью.

– Держись поодаль! – велела она Алишеру.

– Я должен тебя стеречь. Гной-ганта приказал.

– Тьма сожри, я десять раз могла сбежать! Гной-ганта знает, что я верна ему!

Алишер подмигнул ей:

– Ты – красавица. Всякий знает: красавицы переменчивы.

И он ехал прямо за ней, дыша в затылок. Алишер был молод и горяч, весь аж бурлил, наполненный жизнью. Не приходилось сомневаться: он всю дорогу жрет ее глазами. После унижения с Паулем ей были противны и мужчины, и их взгляды.

– Не смотри на меня!

– Ай, не бойся, нового не открою. Я уже видел тебя голой.

Она вспомнила, стгорая от стыда: Алишер был среди тех часовых, что берегли сон Пауля.

– Тем более! Насмотрелся! Отвернись или выколю глаза.

Алишер ухмыльнулся:

– Тогда придется стеречь тебя наощупь.

Во время привала герцогиня переделалась в самое невзрачное из своих платьев. Но даже оно не скрывало всех прелестей фигуры. Алишер продолжал поедать ее, смаковать и обсасывать. Она свирепела.

– Найди себе бабу, поймай и успокойся!

– Ай, не ожидал. Я-то думал, ты не любишь, когда насилуют крестьянок.

– Найди овцу или козу!

– Я бы нашел, да за тебя волнуюсь: вдруг приревнуешь? Ничего нет страшнее, чем ревность красавицы!

Аланис пожаловалась Хайлаху. Ганта ответил равнодушно:

– Мы – ханида вир канна, достойные видеть. Можем смотреть на самого Гной-ганту, а на тебя – подавно.

– Он должен сражаться, а не мечтать о барышнях!

Хайлах усмехнулся:

– Не хочет драться – ему же хуже. Мне больше добычи останется.

Хитрый, хитрый Эрвин... почему он так часто лезет в голову теперь?! Эрвин спросил бы: отчего ты не прогонишь Алишера? Накинься на него со всею злобой, как тогда, в Славном

Дозоре. Атакуй с полной силой – и растопчешь. Но ты только бранишься понемногу... Может, не так и хочешь, чтобы он исчез?

Аланис вдумалась глубже и признала за Эрвином долю правды. В отличие от большинства шаванов, Алишер был красив и радовал глаз. Что важнее, он был дерзок и смел. Не боялся проявить себя – так же, как сама Аланис. Он вызывал не только злость, но и симпатию. Полезно ли это?..

– Алишер, – спросила она, поймав очередной восторженный взгляд, – что ты готов для меня сделать?

– Ай, красавица! Я для тебя собью Звезду с неба. Я для тебя Дымную Даль переплыву. Я полечу в Орду Странников и приведу тебе лучшего коня!

Проверим, – подумала Аланис.

В разграбленном селе она увидела пьяных шаванов, дравшихся за серебряную икону.

– Отдайте мне, – сказала Аланис. – Я хочу ее.

Спьяну они не поняли, с кем говорят, и огрызнулись. Ей только того и надо было. Голою рукою, униженной перстнями, тронула плечо Алишера:

– Они мне неприятны. Пускай станут пылью.

Ханид без колебаний испепелил драчунов. Аланис подобрала икону... Что с ней делать теперь? Это даже не Агата, а Людмила, Праматерь землепашцев... Отдала ее Алишеру:

– Возьми в подарок от меня.

Алишер с серьезной рожей поцеловал лик Праматери.

Воображаемый Эрвин сказал ей: прелестно, дорогая, ты обзавелась рабом. И что теперь?

Пускай будет битва, – думала Аланис. Наши не могут отступать бесконечно. Рано или поздно они примут бой, шаваны столкнутся с серьезной силой. Ханида вир канна переломят сражение в свою пользу... Но их очень мало. Четверо в Рей-Рое, охотятся за Эрвином. Полтора десятка полегли в бою с Лиллидеем. На их место взяли новых – неопытных, слабых. Двое остались в засаде в Славном Дозоре. Итого здесь, с Паулем, чуть больше тридцати перстносцев, из коих только двадцать опытны в стрельбе. Если во время боя Алишер откроет по ним огонь и уложит хотя бы половину – это может переломить ход сражения!

Аланис стала поощрять Алишера:

– Хорошо, смотри на меня, но докажи, что достоин. Собьешь ли ты вон то яблоко с дерева? А горшок с плетня? А голубя с крыши?..

Тут и там она придумывала для него цели, давала советы, подслушанные от Чары. Требовала, чтобы Алишер стрелял чаще, больше, точнее. Когда делал успехи, вознаграждала: поглаживала его плечо, теребила волосы. Алишер стрелял все лучше – и все быстрее терял рассудок.

Увидев Хайлаха, Аланис расспросила: что ждет впереди? Есть ли войска Альмеры? Будет ли сражение? Ганта скривил рожу:

– Нет никого, разбежались. Волки были – ушли на запад. Блэкмор и Эрроубэк попрятались в свои замки. Вот же лысые хвосты! Был бы бой – настреляли бы рыцарей, набрали трофеев. А так – только села, сожри их Червь.

Он был сыт по горло мелкими деревнями. Последнюю грабил нехотя, только забрал жратву да нассал в колодец – так, шутки ради. Потрошить избы стало лень: не бывает там хорошей добычи. Вот если б город или замок...

– Вся надежда на Флисс, – сказал Хайлах. – Уж там повеселимся.

– А что во Флиссе?

– Вокруг него осада: войска этого... из Надежды. Сначала их посечем, соберем то, что выпадет. Помогут Духи – возьмем сотню-другую благородных, продадим за вкусную цену. А потом зайдем в город. Ты пойми: это же порт! Самый большой на Дымной Дали! Ткни в любой дом – серебро так и хлынет, как кровь из овцы!

Аланис содрогнулась. Ей ли не знать Флисс – роскошный, славный, богатый город, жемчужину северной Альмеры! Жалко хуторов и деревень, но эта рана Красной Земли довольно быстро заживет. Гибель Флисса – настоящая катастрофа!

– Сколько до него?

– Послезавтра приедем... – Хайлах подумал и добавил дружеский совет: – Ты лучше в город не лезь. Там весело будет, а ты похожа на альмерку. Еще спутают тебя с местной, и того...

Аланис, как и прежде, ночевала в шатре. Алишер – на земле у входа. Искупавшись в кадке и переодевшись в свежее платье, она позвала его к себе.

– Ай, красавица... – только и сказал шаван, глазами съедая ее, чистую и свежую.

Она растерялась: с чего начать? Как попросить всадника предать своих и расстрелять в спину? Хитрый Эрвин умел так сплести слова, чтоб собеседник запутался в паутине. А Аланис слишком привыкла к власти, лукавство не выросло в ней за ненадобностью. Чего хотела, она просила напрямик – и получала. Но такое напрямик не скажешь...

– Ты соскучилась по мне, – угадал Алишер и поиграл мышцами на голом торсе. – Дело ясное: ты здесь, я там – вот и грустно. Давай с тобой останусь.

Он подошел, глядя прямо в глаза. Зрачки сверкали фонарями.

А на смуглой руке белел Перст Вильгельма.

Тьма!.. – ахнула Аланис. – Как же просто! В нем тоже есть первокровь!..

Она обхватила шавана за шею и впилась в его губы. Целовала долго, жарко, проникая языком глубоко в рот. Для уверенности даже прикусила губу и слизала соленую кровь.

Потом Алишер начал стаскивать с нее платье.

– Эй!.. – герцогиня оттолкнула его, собираясь выгнать прочь.

Он снова ринулся к ней, схватил, прижал к себе. Все мышцы на нем ходили ходуном, молодое тело обжигало жаром.

Аланис подумала: до Флисса один день, а до Звезды – наверное, десять. Хочу взять с собой что-нибудь приятное. Тьма сожри, почему нет?!

Это было идовски сладко. И душа, и тело изголодались по вкусному, горячему, живому. Она отдалась Алишеру с такою силой, что он, выжатый и потный, уснул прямо на ней. Не без труда Аланис выбралась на волю. Взяла Перст Вильгельма, произнесла нужные слова. Предмет засиял приятным лунным светом – но не наделся на руку. Она повторила разборчиво, по буквам. Сказала команду прямым текстом, потом – обратным, как учила Чара.

Ничего.

Может, Предмету не нравится трехпалая ладонь?

Перехватив Перст в другую руку, она повторила приказы.

Ничего.

Она говорила тихо, чтобы не проснулся Алишер. Может быть, Перст ее не слышит?

Вышла из шатра в ночь. Голая, с Предметом в руках. Если кто заметит...

Плевать на них. Некого стесняться. Перст заговорит, и через пять минут здесь не будет ни одной живой души! Уж я-то не промахнусь. Главное – убить Хайлаха, только он опасен. Остальных – спокойно, в удовольствие, со вкусом. Пройти по лагерю и одного за другим... Конечно, они бросятся бежать, когда Хайлах погибнет. Бегущих придется убить первыми: никто не должен предупредить Гной-ганту. Потом дострелить спящих. Боги, как будет приятно! Оставить только Алишера – он все равно мой раб. Служанок можно пожалеть... А остальных – в пыль, в мясо, в пепел!

– На руку! Огонь! – приказала Аланис. – Укур ан! Иного!

Дура, – сказал воображаемый Эрвин.

Голая, потная, грязная шлюха, – сказал герцог Ориджин, – но это еще полбеды. Вот что действительно плохо: ты так и не освоила игру в стратемы.

Она выронила Перст Вильгельма, когда начала понимать: подковы могут лишь скакать и рубить, особую силу дает только искра.

* * *

Предместья Флисса она узнала издали. Как не узнать? Это третий из любимых ею городов, после Алеридана и столицы. Свежее дыхание Дымной Дали – аромат кувшинок и водной пены. Живописные холмы, резные прозрачные рощи в низинах. Опрятные городишки ремесленников, забавно разделенные по цехам. Когда-то в детстве она обожала их. Могла много часов провести в каждом: у портных пересмотреть все платья, у булочников – перепробовать каждую сладость, у сапожников – перемерять все башмачки. Ее приводило в восторг, что на каждой улице, в каждом квартале – обувь, и каждая пара отличается от других. Потратив день или два, можно найти красивейшую, самую изысканную, единственно достойную ее ножки. И дело даже не в красоте, а в поиске клада, что увенчался успехом. Великое искусство – выделить лучшее из сотен и тысяч!

– Красавица, у нас хорошие кони, – подмигнул ей Алишер. – Заедем в рощицу и насладимся, а потом быстренько догоним остальных...

Она едва сдержалась, чтобы не ударить его. Проклятый бесполезный идиот! Твоя кровь так же никчемна, как ты сам!

– Потом, после боя... – пообещала она, кривясь от собственной лжи.

Аланис все еще надеялась использовать его, но не понимала – как. Ночь потрачена впустую, а сейчас рядом другие шаваны, ни о чем не договоришься. И Флисс уже слишком близко, и слишком плохо на душе. Чтобы подбить человека на измену, следует быть хитрой мерзавкой. Аланис была грустной дурой. А городские шпили уже поднимались над лесами.

Отряд взобрался на последний холм, и ганга Хайлах разразился отборной бранью. Аланис подъехала ближе, поглядела. Войско Фарвея уходило на юг без боя. Утекала от Флисса блестящая река доспехов, мечей, шлемов, копий. Уползали флаги с костями и кубками... Никто не поможет ей победить Пауля. Никто в целом мире, сожри его тьма!

– Да чтоб вас выдрал под хвост Темный Идо! – процедила она.

Хайлах глянул с уважением и добавил от себя:

– Пускай Гнойный Червь заглочит этих трусов!

Она согласилась:

– Пусть на Звезде они жрут из свиного корыта.

Хлестнула коня и помчала вниз, к воротам Флисса – туда, где Пауль. Ничто уже не имело значения, все рухнуло. Нет времени соблазнить командира, не будет битвы, которую можно выиграть. Осталось пройти путь до конца – и увидеть, как растопчут Флисс.

Пусть хотя бы быстрее!

Когда она настигла авангард, тот еще не вошел в город. Пауль и ханида вир канна почему-то не рвались на штурм. Стояли в поле, ярдов за триста от ворот, а перед ними держали позицию защитники города.

В числе двух женщин.

По никому не известной причине орда все еще не раздавила этих двух сумасшедших баб и не хлынула во Флисс. Пауль чего-то ждал, окруженный кольцом перстоносцев. Женщины молились, поминутно осеняя себя спиральями.

Аланис подъехала к командиру, следом за ней – Алишер.

– Прости, – сказала она Паулю. – Знаю, что ты изгнал меня, но думала, будет бой. Я не могла пропустить.

Он повернулся к ней – не такой, как ночью, а прежний. Без страха, без похоти, равнодушный. Спросил:

– Ну как, ты наелась?

– Прости?..

– У тебя чесалось между ног. Я дал тебе время. Почесалась?

Он мельком глянул на Алишера, и Аланис залилась густой краской.

Пауль повел рукой. Шея шавана хрустнула, голова отвисла назад, за плечи. Сломанное тело проскакало еще несколько ярдов, прежде чем рухнуть с коня.

– Он имел мою женщину, – спокойно сказал Пауль остальным ханидам. – Нельзя иметь мою женщину. Я не разрешаю.

Гной-ганта тронул поводья и поехал вперед. Аланис двинулась следом, плененная его жестокостью. Так сложилось между ними, что один всегда имел власть над другим. Если Аланис не правила Паулем – она была его рабыней.

Проехав сквозь кольцо перстеноносцев, Гной-ганта приблизился к двум женщинам. Аланис нагнала его – и вот они стояли рядом, двое против двоих. Пара конных – против пары пеших. Два злодея – против двух монашек.

Одну из защитниц Флисса Аланис не знала в лицо, но вторую вспомнила с первого взгляда: святая мать Корделия, носительница диадемы, правая рука архиматери Эллины. Фактически, глава Церкви Праматерей.

Стук копыт прервал их молитву. Корделия подняла взгляд – и Аланис прокляла ее за то, что монахиня не удивилась:

– Леди Альмера. Приветствую вас.

– Мать Корделия, не знаю, почему вы здесь стоите, но советую уйти с дороги. Орда не имеет уважения к вашему чину. Когда начнется атака, вас растопчут.

– Я запрещаю орде войти в город Флисс, – сказала Корделия. Ровно, спокойно, с такою твердостью, что Аланис ощутила себя цыпленком.

– Святая мать, это не зависит от вас! Пауль не боится ни Церкви, ни богов. Когда он прикажет, город будет взят. Уйдите!

Корделия вывела в воздухе спираль и произнесла:

– Мне жаль видеть вас на той стороне. Полагаю, миледи, вы заблудились.

Аланис что-то сказала, но Корделия не услышала: она вновь завела молитву.

Аланис что-то сказала Паулю. Может, о том, что нужно пощадить Корделию – ведь, тьма сожри, такую отвагу нечасто встретишь! Или о том, что он – мерзавец и дрянь, и она ненавидит себя, и пусть он сдохнет, подлец! Но и Пауль ее не слышал.

На верхушке надвратной башни показался человек. Одетый в синюю мантию, с епископским посохом в руке. Увидев его, Аланис забыла о Пауле. Ее ненависть, злоба, яд, огонь слились в один луч и нацелились в единственную цель. Пауль не стоит даже одного бранного слова, пока на свете есть этот человек!

– Здравия вам, лорд Пауль, – могуче, будто с кафедры, изрек Галлард Альмера. – Рад видеть вас у стен моей цитадели.

– Мое почтение вашему преосвященству! – Неизвестно, где пряталось в Пауле благочестие, но сейчас оно хлынуло вовне. – Я счастлив избавить вас от затруднений, связанных с нападками вероломных Фарвеев!

– Премного благодарю. Вы – истинный друг, коих мало послали мне боги. Прошу войти в мой город и разделить праздничный стол.

Он не желал замечать Аланис, и это ранило. Галлард положил тьму усилий, чтобы ее убить. Трясся от страха перед ее возвращением, плел интриги, вступал в сговоры. Пауль провел ее за собой через множество лишений, делил с нею жизнь и смерть, сходил от нее с ума, чуть не лег под нее. А теперь обоим – будто наплевать!

– Как видите, ваше преосвященство, имеется трудность, – голос Пауля был ровен и полон почтения. – Вход во Флисс преграждают две дамы. Священный чин, коим они наделены, не дает мне проявить невежливость. Я должен стоять здесь, пока не уйдут.

– Тебе плевать на святость! – Прошипела Аланис, не слышимая никем.

Галлард Альмера склонил голову, весьма довольный словами Пауля:

– Я слышу речи благочестивого человека, и тем сильнее мое желание разделить с вами стол. Позвольте развеять ваше заблуждение. Мать Корделия сеет раздор между ветвями Праотцов и Праматерей. Ради личной выгоды она затеяла войну со мною и погубила множество жизней. Ее деяния недостойны священнослужителя. Я отлучаю от Церкви мать Корделию и ее помощницу!

– Вы не можете! – Вскричала монашка.

– Премного благодарю, ваше преосвященство, – поклонился Пауль и сделал движение рукой.

Аланис услышала, как хрустнули кости. Корделию переломило поперек груди, помощницу – ниже пояса. Трупы смялись, обвалились на землю. Аланис стиснула зубы, чтоб задавить в себе крик.

– Приглашаю тебя на обед, – сказал Пауль, поманив ее рукой. И добавил очень тихо: – Потаскуха.

Искра – 3

Июль 1775 г. от Сошествия Фаунтерра

Топор поднялся над поленницей и поплыл к потолку. Он парил легко и величаво, как орел, наслаждаясь красотой неспешного полета. Рукоять темнела полированной гладью, лезвие играло бликами свечей. Пока Мира любовалась им, инструмент повернулся в воздухе.

– Эй, так не годится! Вы упадете обухом вниз. Нет уж, сударь, извольте падать лезвием!

Мира создала второй управляющий луч, поймала топор за конец рукояти. Рукоять опустилась, лезвие грозно поднялось.

– Благодарю, вы поняли меня с полуслова.

Осторожно ведя рукой, она разместила орудие над поленом, подняла повыше – и рванула вниз. Топор бессильно стукнулся о дерево и отскочил. Лучи теперь смотрели на полено, а топор, оторвавшись от них, улетел к стене, возле которой и повис.

Мира закусила губу:

– Да, да, вы правы. Я должна была дать вам волю...

Она уже знала по опыту: Перчатка Могущества отнимает вес топора, превращает его в пушинку. При этом он, конечно, не разрубит и волоска. Чтобы нанести полноценный удар, нужно нацелить орудие, разогнать в нужном направлении – а затем вернуть вес. Тогда топор рубится как надо, со всею своей массой.

Минерва повторила движения. Поймала инструмент двумя лучами, расположила лезвием вниз, подняла к потолку и бросила вниз, на полено. В последний миг она выкрикнула приказ. Топор стукнул сильно, но глухо. Лезвие ушло вбок, а обух ударился в полено.

– Что вы говорите, сударь? Напоминаете о неравномерности массы? Лопасть тяжелее рукояти, вот она и перевешивает, вызывая вращение... Благодарю вас, я обязательно это учту.

Она снова подняла инструмент и повернула иначе: сильно задрала лезвие, как маятник. Если теперь вернуть массу, лезвие махнет вниз – и ударит точно по полену.

– В атаку, сударь. Мосев!

Топор совершил яростный взмах, свистнул над поленом и зазвенел об пол.

– Ну, знаете ли...

Мира повторяла попытку раз за разом. Задействовала один, два, три луча. Поднимала орудие на разную высоту, отклоняла на разный угол. Била с разгону и с места, с маху и прямо. Топор будто издевался. Выплясывал, как листок на ветру, выделявал кувырки и восьмерки, закручивался волчком – делал что угодно, лишь бы не попасть лезвием в полено. Рукоятью – можно, обухом – пожалуйста, лезвием – спаси Праматерь! Стоило Мире вернуть вес, как топор изворачивался ужом и проскальзывал мимо цели. Зато он соглашался врубаться в дощатый пол и в чурку под поленом. Тогда Мира убеждалась, что могущество Перчатки Могущества явно преувеличено: она может поднять только незакрепленный топор. Если же тот вонзился в чурку, то Минерва Несущая Мир должна взять его и выдернуть собственной августейшей рукой. При этом изловчиться не уронить полено на августейшую ногу и не вогнать занозу в царственные пальцы.

– Довожу до вашего ведома, сударь, что я опасно близка к состоянию ярости, – сообщила Минева, потирая ушибленную лодыжку. – Даю вам последний шанс угодить мне.

Топор охотно взлетел к потолку, выдумывая новый пируэт для уклонения от встречи с поленом. Как тут императрицу отвлек голос:

– Ваше величество, Ворон Короны просит аудиенции.

Она велела впустить и повернулась навстречу визитеру. Топор, привязанный к ее пальцам, описал дугу и на бреющем полете устремился прямо в голову Марку. Тот вскрикнул и присел, закрыв лицо руками.

– Ой, Марк, простите меня! И не бойтесь, он совсем не опасен, пока летает.

– А вот когда попадает в голову... – Ворон Короны осторожно выглянул меж пальцев.

– Нет же, он весит как пух! Попадет – вы даже не почувствуете. Смотрите!..

Для убедительности она хлопнула Марка обухом по темени.

– Ай-ай-ай! – Заорал тот, но спохватился: – Гм, да, действительно, не больно... И все же прошу, ваше величество, верните пташку в гнездо.

Императрица занесла инструмент над поленом и отпустила лучи. Топор вонзился с веселым звоном. Конечно же, в пол, не в полено.

– Итак, сударь Марк, что привело вас сюда? Надеюсь, не желание увидеть мой позор?

– Я пришел по служебному долгу... Но уж теперь не могу не спросить: что делает ваше величество?

– Доказываю теологический постулат, согласно которому Праматерь Янмэй никогда в жизни не рубила дрова. А кроме того, тренируюсь.

– Ваше величество обзавелись таким врагом, кого хотели бы обезглавить лично?

– О, благодарю за совет! Это будет, пожалуй, самый мучительный способ казни в истории. Чтобы полностью отрубить голову, мне понадобится примерно восемьсот тридцать ударов. Жертва умрет либо от голода, либо от скуки... Нет, я готовлюсь к осаде столицы.

– Полагаете, она затянется до зимы?

– Вокруг столицы возводятся валы. Для полноты защиты их нужно оснастить каменными зубцами по верху. Строители тратят час на установку одного зубца. А я справлюсь за полминуты, если научусь владеть Перчаткой как следует.

– Вы собираетесь лично участвовать в стройке укреплений?

– И даже более того. Когда дойдет до битвы, Перчатка Могушества может превратиться в самый мощный камнемет.

– Весьма самоотверженно с вашей стороны...

Мира не поняла интонацию Ворона и предпочла сменить тему:

– Так что у вас за дело, сударь?

Ворон приосанился, заложив одну руку за спину.

– Рад сообщить вам новости раньше иных осведомителей. Хотя и не уверен, что сами новости порадуют вас. Вот первая: орда Гной-ганты подошла к Флиссу и сняла с него осаду. Армия Надежды отступила без боя.

Мира кивнула, поскольку ожидала этого, но удивилась новому слову:

– Гной-ганта?..

– Так величает себя Пауль, бывший командир бригады. Гной-ганта – это существо из степных мифов. Чудовище, состоящее из мух, которое нельзя убить: мухи разлетаются и собираются снова. Еще он управляет гниением и тленом.

– То есть, он – бог смерти?

– Скорее, разложения. Пауль назвал себя так, и степняки поверили.

– Как и предсказывал Натаниэль: он притворился легендарным существом...

– Ваше величество, позвольте закончить доклад. Боя не состоялось, Галлард сразу открыл ворота, тем самым показав, что состоит в союзе с Паулем и Кукловодом. Но одна жертва все-таки была: Пауль убил святую мать Корделию.

– Как?.. Почему она...

Ворон криво усмехнулся:

– Фарвей приказал своему войску избежать сражения. Мать Корделия заявила, что останется у Флисса, даже если уйдут все остальные. Она пыталась воззвать к совести пустынных,

но их совесть рассудительно заткнула уши. Войско Фарвеев ушло, Корделия осталась у ворот Флисса. Пауль убил ее.

– Святая Ульяна, прими душу Корделии... – произнесла Минерва.

– Галлард Альмера в этот час стоял на стене. Пауль сказал ему, что не может убить священницу. Альмера тут же отлучил Корделию от церкви, тогда Пауль выстрелил.

– Какой жестокий фарс!.. Он не имеет права отлучать. Он сам отлучен решением собора! Марк взял полено из поленицы, подбросил на ладони.

– Осторожней, сударь, – одернул его гвардеец.

– Да будет вам, это я так, для выразительности... – Брошенное Вороном полено издало глухой стук. – Старая добрая угроза действует лучше всяких там соборов. Галлард отлучил и умертвил Корделию на глазах у всех. Боюсь, кое-кто примет это за намек.

– Не понимаю...

– Ваше величество, в последнее время между ветвями Церкви идет своего рода соревнование: они пытаются решить, кто более свят. Праматеринская Церковь осудила Галларда и благословила войско Ориджина выпустить ему кишки. Герцог трижды побил приарха и загнал в осаду во Флиссе. Позиции Галларда сильно поколебались: какой он святой, если его рвут, как тряпку? Но затем приарх и Кукловод привели ряд своих теологических доводов. Пауль объявил себя чем-то вроде бога. Четверть Уэймара исчезла напрямиком во тьму, герцог Эрвин удалился примерно в том же направлении, герцог Фарвей бежал, а мать Корделия убита. Да и отлучение от церкви у Галларда вышло более забористым: согласитесь, лучше отлучить Перстом Вильгельма, чем просто на словах.

Мира заметила в голосе Ворона нотки страха.

– Вы что, боитесь его?

– Не без этого, ваше величество. Здоровая опаска полезна, когда встречаешь льва... Но я веду речь о другом. Со смертью Корделии капитул матерей провалится в хаос. Ее святейшество Эллина считает жуков в своей голове, а остальные перегрызутся меж собой за место Корделии. Тем временем Церковь Праотцов сплотится под знаменами приарха и будет нести свое учение: пламенный меч, кара за грехи...

– Это чистая ересь, – отметила Мира. – В святом писании нет никаких наказаний! По крайней мере, при жизни. На Звезде души получают по заслугам, но в подлунном мире каждый живет, как хочет.

– Вы читали святое писание! – Усмехнулся Ворон. – Таких людей, как вы, – один на дюжину. Остальные верят проповеднику на слово. Когда он скажет: Пауль – святой карающий меч...

– Не может быть святого меча! Убийство – грех. «Не изменяй срок, отмеренный богами» – даже безграмотные знают эту заповедь!

Марк поднял палец:

– Вот именно – отмеренный богами. Если Пауль назовет себя богом, то сможет каждому отмерить срок. И линейка у него всегда под рукой... линейка Вильгельма, так сказать.

– Стойте, стойте... Вы всерьез верите, что он – бог? Пауль – убийца, насильник, грабитель! Это он-то бог?!

Ворон покачал головой и отвел глаза, избегая острого взгляда Минервы.

– Ваше величество, я бы не хотел давать оценки в таком деле. Даже сильные мира сего затрудняются с ответом, куда уж мне, сапожнику... Но я вот что предлагаю: у вас ведь тоже кое-какой бог имеется. Не ввести ли его в дело?

– Нави?.. – Мира поперхнулась. – Послать Нави воевать с Паулем?!

– Нет, нет, пощадите! Он грохнется с коня и свернет себе шею. Но он называет себя гостем из подземного царства и даже умеет говорить с Предметами. Ваше величество сделали очень умно, когда показали войску Перчатку Янмэй. Это укрепило дух столицы, поток бежен-

цев уменьшился втрое. Но теперь Перчатки недостаточно: на стороне врага есть как бы бог. Так покажите людям, что и у нас один найдется!

Она нахмурилась, разглядывая собственные блестящие пальцы.

– Мне не нравится, сударь, как легкомысленно вы говорите о таких вещах. Священные Предметы и боги – не тема для шуток.

– Напротив, я предельно серьезен. Ситуация опасна до крайности, потому и нужно задействовать все средства. Галлард Альмера может победить без боя: просто объявит себя святым, а нас – еретиками. И наше войско сбежит, как уже сбежал Фарвей.

Мира взметнула металлическую руку:

– Я – императрица, со мною Перчатка Янмэй! А Галлард – еретик, разбитый в бою и отлученный от церкви.

Ворон невесело усмехнулся:

– Простите мне мужицкий говор, но его отлучалка теперь длиннее вашей. И у него есть живая икона: Гной-ганта. Вы должны обзавестись такую же!

Она поморщилась:

– Натаниэля никто не знает...

– Это и прекрасно! – Вскричал Ворон. – Когда вы скажете народу: «Нави – наш гость из мира богов», никто не ответит: «Вот и нет, это сын бочара с третьей улицы».

– А вы как считаете, сударь: он бог или нет?

Марк поклонился, оценив ее деликатность. На самом деле, владычица отдала приказ о расследовании этого вопроса и теперь весьма вежливо требовала отчета.

– Нави – безумец, – сообщил Марк. – Магистр Маллин из лечебницы Фарадея-Райли прислал свое заключение: «Острая асимметрия рассудка». Придворный лекарь осмотрел Нави и подтвердил диагноз коллеги, но отметил, что с юношей случаются как приступы, так и просветления.

– Все это я знаю без вас. Скажите более интересное.

– Извольте, ваше величество. Нави прибыл в лечебницу сам! Купил каюту в корабле, приплыл на остров Фарадея-Райли, явился на прием к магистру: «Осмотрите меня». Тот осмотрел и признал одержимым. «Тогда лечите», – сказал Нави и заплатил ему сто эфесов.

– Потрясающе! Это... это правда?

– Чистейшая. Подтверждена тремя свидетелями и внесена в архив лечебницы.

– А откуда он приплыл? Кем был до клиники? Где родился?..

Ворон потупился:

– Как я уже сказал, он пришел на лечение сам, то бишь – никто его не приводил. А потому лекари не смогли назвать никого, кто знал Нави прежде, до клиники. След оборвался. Только сам Нави может дать ответ.

– Ваши люди следят за ним?

– Денно и ночью. Он работает в библиотеке, там же спит. Глодает книги, как конфеты. Иногда выходит выпить лимонада с леди Карен. Шут Менсон страшно ревнует и норовит дать ему пинка. Ни новых знакомств, ни переписок, ни крамольных бесед, ни намеков на прошлое.

– Пока дело похоже на приходящее безумие. Во время приступа Нави твердит про богов, а при облегчении – читает книги и просит врачебной помощи. Он способен осознать свою болезнь, а это хороший признак.

Лицо Марка сделалось лукавым:

– Ваше величество думает, что загадка раскрыта? Те свидетели из клиники Фарадея-Райли твердят в один голос: при поступлении к ним Нави выглядел так же, как сейчас. За десять лет совсем не изменился.

Она нахмурилась:

– Леди Карен говорила то же самое... Не знаю, что ответить. Бывают же люди, которые стареют медленно.

– Медленно, но все же стареют! Смертные всегда меняются с возрастом. Вечная молодость была присуща только Праотцам.

– Ну, сударь...

– Добавлю еще одно. С момента прибытия в клинику каждый шаг Натаниэля был на виду. Значит, умением говорить с Предметами он овладел еще до лечебницы. Либо детстве, либо... при рождении.

Мира наморщила лоб.

– Сударь, вы меня совсем запутали! Ваши доводы говорят одновременно и за, и против. Так все же: бог он или нет?

Ворон Короны хитро подмигнул ей:

– Ваше величество, я предлагаю свежий взгляд на проблему. Вы спрашиваете: бог ли Натаниэль? Вот мой ответ: какая разница?

* * *

Фаунтерра вращалась, словно механизм, запущенный рукой императрицы. Фаунтерра набирала обороты.

Открывались пункты найма, орали зазывалы, обещая лучникам звонкую монету. Отставные солдаты, бандиты и охотники выстраивались в очереди. На стрельбищах стало тесно, будто на базарах.

Секретари Короны металась из гильдии в гильдию, подписывая контракты. Плотники готовили балки для требушетов, артели землекопов вооружались лопатами. Разъезжали по полям военные инженеры, выбирая места для фортификаций.

Корпус генерала Гора спешно созывал людей из отпусков. Корпус Серебряного Лиса стягивался к вокзалам. Первые составы уже уходили на запад, к берегам Бэка.

Стрелами летали птицы – в Алеридан, в Эрроубэк, в Лабелин, в Уэймар.

Владычица каждое утро объезжала город и наблюдала, как идет подготовка. Она замечала перемены не только в столице, но и в себе самой. Нежданная сила, уверенность появлялась внутри нее. По вечерам не хотелось орджа. Хотелось в постель очень рано, задолго до полуночи, – чтобы проснуться с рассветом и мчаться в город. Хотелось видеть, как любимая Фаунтерра обрастает броней и оцетинивается клинками. Хотелось делать дело: каждый день, с утра до ночи, во весь дух, не щадя себя.

Минерва успевала все и всюду. Визит на фортификации. Смотр энного полка. Встреча с шерифом. Сопровождение гильдий. Молитва в главном соборе. Статья для «Голоса Короны». Вокзал... Стрельбище... Тренировка...

Она летала с места на место, сбивалась со счета дел, дремала в карете, чтобы восстановить силы. Просыпалась от голоса Лейлы Тальмир:

– Ваше величество, прибыли.

– Напомните, куда?.. Ах, да, благодарю вас.

Надевала Перчатку и выскакивала из экипажа навстречу новым делам, свершениям, людям.

Прежде она наслаждалась тремя вещами: собственным умом, вкусом кофе и хмелем. Теперь открыла четвертую: быть полезной. Минерва стала незаменима. Нет ни Ориджина, ни Адриана, но есть ужасающий враг. Кроме Миры, никто не защитит столицу. Это знание пьянило сильнее, чем самое хмельное вино, и бодрило лучше крепчайшего кофе.

Теперь я живу не зря, – думала Мира и наполнялась силой.

Я просыпаюсь не зря, – думала она, и вскакивала на рассвете.

После полуночи падала в постель и засыпала, как младенец. Хотела как можно скорей оказаться в новом дне – и делать, делать, делать что-нибудь полезное. Защита Фаунтерры стала для нее вторым орджем.

Все это почти не оставляло времени. Но одна загадка настолько будоражила Миру, что мысли возвращались к ней вновь и вновь, несмотря на занятость.

Кто такой Натаниэль?

Судебные архивы не дали проку. Люди Ворона пересмотрела записи за шестьдесят третий, четвертый и пятый годы – не нашли ни одного подсудимого, хотя бы отдаленно похожего на Нави. Впрочем, если Ворон прав, то Нави и не был судим. Он сам осознал свою хворь и возжелал исцеления.

Где мог лечиться прежде, до Фарадея-Райли? Были посланы запросы во все клиники Земель Короны – тщетно. Одни не вели архивов, другие вели, но не нашли Натаниэля.

Связались с университетом – новая неудача. В те годы не ставилось опытов по части душевных болезней.

Майор Бэкфилд, надеясь на смягчение приговора, оказался очень словоохотлив. Он рассказал о графине Нортвуд абсолютно все. Он даже сообщил, что трижды изнасиловал ее, оставив бремя в ее чреве, каковое потом разрешилось выкидышем, и Сибил рыдала горькими слезами. Бедный майор, видимо, надеялся порадовать императрицу, унизив ее врага. Мира сказала:

– Какая ни есть, графиня заслуживает уважения. А вы мерзки, и получите по заслугам.

Майор тут же сознался, что все наврал. Но даже тогда ничего не вспомнил о Натаниэле.

Минерва обратилась к человеку, который знал Нави дольше всех. Больших усилий стоило остаться наедине с леди Карен. Заново обретя супругу, Менсон Луиза ошалел от счастья. Ни на шаг не отходил от нее, ловил каждое слово, без усталости восхищался ею – по любому поводу и без него. Самое неприятное: он напрочь отказывался исполнять обязанности шута, если рядом не было супруги. Шутить – пожалуйста, но так, чтобы слышала Карен, иначе остроты пропадают впустую.

Мира хотела привлечь гвардейцев, чтобы хоть на краткое время обособить Менсона от жены. Леди Карен угадала желание владычицы и нашла более изящный выход:

– Любимый, если моя просьба не слишком обременительна, мог бы ты купить для меня конфет? Прости, что не послала слугу: выбор шоколада – слишком интимное дело, лишь тво-ему вкусу я готова довериться.

Менсона будто ветром сдуло. Карен и Мира обменялись любезностями, затем перешли к сути.

– Что я знаю о Нави?.. Ваше величество, тут главная сложность – отделить факты от ощущений. Если судить предельно строго, то факты таковы. Нави провел в лечебнице больше десяти лет, и за это время не претерпел видимого старения. Он обладает исключительным талантом к математике и навигации, а также – к чтению книг. Ему достаточно четверти часа, чтобы прочесть и запомнить книгу средних размеров. Впоследствии он может воспроизвести любое число, упомянутое в ней, и употребить его в сколь угодно сложных расчетах. Я имела возможность убедиться: Нави способен перемножить в уме шестизначные числа, результат будет верен.

– Миледи, с ваших слов он предстает истинным гением! Имеются ли у него недостатки?

– О, ваше величество, я так ждала этого вопроса! Нави одержим вычислениями. Одержим в самом плохом смысле слова. Если в течение трех часов он ничего не высчитывает, то становится капризен и плаксив. После шести часов впадает в панику, после десяти – в отчаяние. Числа для него то же самое, что вино для законченного пьяницы. Затем. По степени душевной зрелости Нави – малый ребенок. В соревновании самых инфантильных существ он пре-

взошел бы пансионных девиц и декоративных собачек. Глаза у Нави – на мокром месте. Если вы попросите назвать все причины его плача, то я скажу: увольте, мне не окончить этот список до возвращения мужа! Нави много чего не умеет. Нельзя даже предположить, чего именно он не будет уметь. Однажды я попросила его почистить яблоко. Он взял острый нож и... Мы с графиней затратили целый час, чтобы утешить его и перевязать раны. И наконец, Нави – редкостный трус. Вот список противников, которые могут обратить его в бегство: юнцы-дуэлянты, санитары, мужики из трактира, крикливая нищенка, черная коза, отряд из трех куриц...

Минерва сказала сквозь хохот:

– Блестящие метафоры, миледи!

– Метафорами и не пахнет. Это сухие факты, проверенные опытом. Но если перейти в сферу ощущений...

– О, я предвкушаю, миледи!

Мира продолжала смеяться, но с лица Карен улыбка сошла без следа.

– Нави – бог. Это звучит абсурдно, этому нет доказательств, вы в праве высмеять и меня, и его. Я сама не верила очень долго, но потом...

– Почему поверили?

Она добрую минуту подбирала слова.

– Ваше величество, что приходит в голову при слове «бог»? Мудрый, могучий, суровый, зрелый... Скажем, Праотец Вильгельм, умноженный на два. Но попробуйте допустить, что эта банальность – лжива, как и все остальные. Каким будет бог, если он не похож на икону? Богу не требуется могучее тело: его сила – не в мускулах. Ни к чему суровость и зрелость – гораздо приятней юношеское веселье. Сдержанность тоже не нужна: смертные скрывают чувства, боясь осуждения общества, но богу-то чего бояться? Борода и морщины – еще одна чушь. Это у смертных они связаны с умом, а бог может быть гением и в детстве. Так получается, что канонический портрет бога – бутафория, мишура, гирлянда в День Сошествия. А каковы могут быть истинные черты?

Мира поняла, что от нее ждут ответа. Подумав, сказала:

– Доброта... Величие ума... Власть над какой-либо сферой мироздания... Бессмертие.

– Я прибавлю еще две, – сказала Карен. – Вечная юность и огромное сердце. Присмотритесь, ваше величество: все перечисленное есть у Нави.

Нет, Мира не готова была согласиться. Леди Карен явно преувеличивала. Нави спас ее из лечебницы, довел до дворца, помог вернуть мужа. Обязанная ему столь многим, леди Карен идеализировала спасителя. Мира же предпочитала мыслить трезво. Она обратилась к еще одному источнику сведений.

Главный придворный архивариус был ее давним знакомцем. Именно он подыскивал для Миры книги о Династии в те незапамятные времена, когда она искала убийцу наследников. Любовь к литературе связала их нитью духовной близости. Минерва редко успевала поговорить с архивариусом, но беседы всегда радовали глубиной и смыслом. Владычица не зря устроила Нави в библиотеку: так он оказался под присмотром ее старого приятеля.

– Магистр, каково ваше мнение о юноше?

– Умен, начитан, светлая голова, – в кратких словах старика звучало уважение.

Мира попросила развернутого мнения, и магистр осыпал Нави градом комплиментов.

– Читает быстро и без потерь. Иные прошелестят книгу, а через день двух слов не вспомнят. Натаниэль же запомнит все до циферки. В библиотеке ориентируется, как у себя дома. Всего неделю на службе, а уже работает лучше иных моих парней. Смекает быстро: о чем ни спросишь – вмиг готов ответ, причем толковый, по существу. Славный он юноша, далеко пойдет. Не удивлюсь, если выбьется в министры.

– По вашему мнению, какого он рода?

– Не признавался, но ясное дело – высокого. Все приметы: ум, благородная душа, утонченная внешность. Боги его поцеловали при рождении.

– А какие книги он читает?

– В первую очередь, о вас.

Мира чуть не подавилась.

– Обо мне?! Такие существуют?

– Имеется подшивка статей из «Голоса Короны», посвященных вам. Там же и речи вашего величества, общим счетом уже немало набралось. Затем, баронет Дориан Эмбер ведет серию рассказов о жизни двора, там упоминаетесь и вы. Наконец, присутствует сборник лирических стихов, изданных анонимным капитаном гвардии...

– Анонимный капитан?.. Это Шаттэрхенд, что ли?!

– Автор скрыт псевдонимом, и я не стремился поднять завесу тайны. Стихи не из тех, что возбуждают интерес к личности поэта. Если желаете прочесть о себе, то скорей посоветую рассказы Эмбера, они не полностью лишены остроумия.

– Нет уж, о себе я прочту все! Такое нельзя упустить! Но все же окончите про Нави: какие еще книги он берет с полок?

– Многие, ваше величество. Он глотает их, как пирожки. История Династии, Шутовской заговор и его последствия, стили игры в стратемы, культура северных побережий – Нортвуда и Предлесья...

Архивариус нахмурил брови, стараясь вспомнить еще, а Миру осенило:

– Иными словами, Натаниэль читает все, так или иначе связанное со мной.

– Верное наблюдение, ваше величество. Ничего удивительного: вы – его благодетельница...

Но Мира увидела в чтении Нави совсем иной смысл. Он готовится манипулировать! Прежде подкупил ее умелой игрой в стратемы, теперь ищет новый ключик к янмэйской душе. Ах, негодяй!..

Минерва приказала бы удвоить наблюдение за ним – но в Святилище Пера и так было тесно от ее агентов. Четверка гвардейцев и столько же агентов протекции постоянно следили за тем, чтобы никто не навредил Нави, и чтобы он сам не вычудил чего-нибудь. Множество глаз наблюдали за каждым его шагом.

И ничуть не приближали разгадку.

* * *

– Я предлагаю свежий взгляд на проблему. Какая разница, бог ли он?

Мира опешила от такой постановки вопроса.

– То есть как?.. Если он бог, то нужно же, знаете ли!.. А если нет, тогда совсем другое дело!

Ворон Короны улыбнулся:

– Один мудрый дед учил меня: если хочешь поладить с человеком, называй его именно так, как он зовет себя сам. И это правило работало отменно. Если кто-нибудь считает себя богом – зовите его так, от вас не убудет. Ему станет приятно, он доверится вам и сделает все, что нужно.

Мира не нашлась с ответом. Ворон продолжил:

– Из показаний леди Лайтхарт мы знаем, что Натаниэль назвался богом навигации. Однако он никогда не требовал поклонения, молитв, жертвоприношений, и даже напротив, застенялся, когда Дороти предложила все это. Выходит, этот парень видит себя таким скромным богом, без пафоса, на короткой ноге со смертными. Для нас совсем не сложно принять эти

правила игры. Не нужно унижаться и бить поклоны, достаточно признавать его божественное происхождение и время от времени взывать к его мудрости.

– Разве это не ложь?

– Если и ложь, то точно не наша. Он первым начал, мы лишь повторили.

– Да, но какова цель? Чего мы этим добьемся?

– Всего, что нам от него требуется.

Мира задумалась.

– Я хочу, чтобы он строил укрепления вместо меня.

– Он будет строить, только попросите, как бога, а не приказывайте, как подчиненному.

– Чтобы вылечил Итана.

Марк посмурнел:

– Нави был готов, загвоздка в самом Итане – он уже ни во что не верит. Я пытаюсь его убедить, но пока безуспешно.

– И кайра Сорок Два.

– Но и тут возражает не Нави, а Роберт Ориджин. Начните уважать Натаниэля – и весь двор станет ему доверять, в том числе казначей.

– Хм. Еще я хочу правды.

– Какой? Нави не знает фактов, поскольку не помнит детства. Он может сказать лишь то, во что верит. И он уже сказал: бог навигации.

Мира погрызла ноготок.

– Ладно, сударь, а как вам понравится такое: Натаниэль обещал убить Пауля, если я дам ему Вечный Эфес?

Ворон не удивился:

– Мне доложили. Не хочу критиковать свою лучшую ученицу по сыскному делу, но, боюсь, вы поступили неразумно. Зачем было отказывать ему? Стоило положить Эфес на стол и спросить с живейшим интересом: «Боже, как вы убьете Гной-ганту? В чем состоит ваш божественный план?»

– И... что бы он сказал?

– Не знаю, ваше величество. Предлагаю выяснить.

– Сейчас?..

Ворон склонил голову:

– Мы ничем не рискуем. Агенты следят за Нави, один ваш приказ – и он будет в кандалах. К тому же, у меня большой опыт разговора с богами!

Мира вызвала Натаниэля в беседку, в которой когда-то играла с Адрианом. Нави явился напрямик из библиотеки, держа подмышкой несколько книг. Вид он имел робкий и нерешительный.

– Ваше величество, я принес «Легенды Степи» в четырех томах, закладками отметил нужные отрывки. Они доказывают то, что говорил вам при прошлой встрече – ну, об архетипах и культуре шаванов.

– Благодарю, положите их сюда. Мы позвали вас для иной беседы...

Минерва запнулась. Она не имела понятия, как говорить с богом, особенно если ты не уверена, бог ли он. Покосилась на Ворона, и тот охотно перенял инициативу. Отвесив поклон, Марк воскликнул благоговейно:

– Боже, мы смиренно просим твоей помощи! Гибель грозит Империи. Орда Гной-ганты прошла половину Альмеры. Войско Фарвеев бежало, приарх Галлард встал на сторону шаванов. Беженцы приносят жуткие слухи: Гной-ганта беспощаден и неуязвим! Боже, лишь ты один можешь остановить его!

Нави недоверчиво повел бровью:

– Вы же не верили мне.

– Прости нас, боже, мы виноваты пред тобою! – Марк ударил себя в грудь. – Лишь одно может оправдать нас: человеческий ум всегда сомневается в новом знании. Такими вы нас создали, а значит, так и должно быть. Прежде, чем поверить, следует посомневаться.

Нави скривил губы:

– Я вас не создавал, мое дело – навигация...

– Поиск путей – великая наука! Тот, кто находит маршруты, властвует над самим пространством.

Юноша приосанился. Глуповатая лесть Марка достигла его души. Мира подумала: век живи – век учись. Иногда нужно умничать, а иногда – льстить и строить дурака.

– Что же вас убедило? – спросил Нави.

Марк удивился, аж выпучил глаза:

– Так ведь ты, боже, при самой первой встрече привел доводы! Управляешь Предметами – раз, совсем не стареешь – два, гениально вычисляешь – три, все знаешь наперед – четыре...

С каждым аргументом он загибал пальцы и в итоге показал юноше целый кулак:

– Вот сколько доводов набралось! А что мы сразу не поверили – так это лишь от тугодумия и природных сомнений. И еще немного сбило с толку, что ты не исцелил Итана. Но потом-то я узнал, что ты его запросто мог поднять, это он сам по глупости отказался.

Нави шмыгнул носом:

– К сожалению, не запросто. Я ведь не бог медицины. Было бы трудно и болезненно...

Марк развел руками:

– Ну, да, как иначе-то? Что дается без боли, того мы не ценим. А что через кровь и пот – это и есть самое лучшее в жизни. Если я все-таки уговорю Итана, и еще одного кайра – исцелишь их, боже?

– Конечно. Только не говори «боже», зови по имени.

– Как прикажешь!

Нави почувствовал себя уверенней, выбрал скамью, уселся. Кажется, тогда на его месте сидел Айдэн Альмера.

– Стало быть, вашему величеству нужна моя помощь?

– И не только ее величеству, а всем честным людям Империи Полари! Шаваны грабят и жгут, убивают и берут в рабство. А куда с ними Персты Вильгельма и Гной-ганта, управы на них нет!

Нави отметил:

– Давеча владычица собиралась строить укрепления – этакую, хм, Великую Янмэйскую стену. Сей проект сорвался?

– Напротив, строительство идет полным ходом, и ее величество готова лично поучаствовать при помощи Перчатки. Но укрепления защитят лишь крупнейшие города Короны. А как же села и деревни? А другие земли?.. Орда Гной-ганты – хуже сизого мора!

– Вы просите меня остановить ее?

Марк сжал руки перед грудью, воздел глаза к небу:

– Умоляем!

Нави тяжело вздохнул:

– Я не смогу.

Ворон прочистил ухо:

– Боже, я ослышался... Что ты сказал?

– Ты услышал верно. Я не могу остановить орду.

Мира закусила губу: тьма сожри, вот идиотка! Стоило уступить этому Нави, как он сам честно признал свои возможности. Минерва, не спорь с людьми!

Ворон изобразил глубокую печаль – сгорбил спину, опустил плечи:

– Как же так? Почему?.. Наверное, лишь бог войны может помочь...

– Дело не в этом. Момент упущен. Пауль не зря пришел во Флисс: он возьмет флот приарха и треть шаванов, и уплывет в Уэймар. Ту орду, что пойдет на столицу, поведет не Пауль, а другой вожак.

Мира и Марк переглянулись. Прежде они избегали обмена взглядами: перемигиванье слишком явно выдает игру. Но тут было сложно удержаться. Если Нави прав, и Пауль действительно уплывет на север, то это ценнейшие сведения. Орда уменьшится и потеряет самого страшного лидера. Опасность для Фаунтерры снизится наполовину.

– Однако, – продолжил Нави, – я все еще способен убить Пауля. И главное: это необходимо сделать. Я понимаю, с вашей точки зрения худшей бедою кажется орда с Перстами Вильгельма. Но это вовсе не так. Самая жуткая опасность – сам Пауль. Особенно – Абсолют в его руках.

Марк нахмурил брови:

– Гной-ганта служит Духу Червя. Он хочет обратить в прах весь мир...

Нави только отмахнулся:

– Это чушь, пропаганда. Гной-ганту выдумали шаваны, нигде в трудах Праматерей нет такого существа. Пауль ловко использовал степной миф.

– Тогда кто же он такой?

– Слуга Темного Идо.

Мира уточнила:

– В метафорическом смысле?

– О, нет, в самом прямом! Темный Идо – владыка хаоса, а Пауль – его солдат. Он собирается отпереть врата и впустить хаос в подлунный мир.

Ворон испуганно всплеснул руками:

– Боже, неужели правда? Сам владыка хаоса приказал Паулю...

– Нет, это работает иначе. Приказы – часть порядка, хаос не пользуется ими. Слуги хаоса – рабы своих страстей. Паулем правят два чувства: жажда и презрение. Из-за жажды он убивает. Без конца, при всяком случае, в любых обстоятельствах. А презрение к вам, смертным, однажды заставит его открыть портал. И хаос ворвется на землю.

– Прости, боже, я не уразумел... Как это – откроет? Прочтет какое-то заклинание? Принесет жертву?..

Нави мрачно усмехнулся:

– Жертвы он приносит каждый день, с тех пор как покинул подземелье. А вот магия не важна. Чтобы открыть портал, нужен ключ и замок. Ключ – это набор Предметов, который вы зовете Абсолютом. Замок находится в месте, недоступном для смертного. Но Пауль сможет попасть туда и вставить ключ в замок. Он сделает это сразу, как только презрение пересилит жажду. Тогда ваш мир умрет.

Ворон вскричал:

– Святые Праматери! Темный Идо убьет всех людей?!

– Не так просто. Видите ли, геноцид – инструмент порядка. Люди истребляются согласно четкому и ясному критерию: все чернокожие, все иноверцы, все жители Полариса. Для владыки хаоса это слишком скучно. Он не будет собою, если станет действовать по правилам. Нельзя угадать, сколько людей убьет Темный Идо: может, тысячу, может, миллион, а может, вовсе никого. Но одно можно гарантировать: он уничтожит любой порядок. Всякая структура будет стерта в порошок. Не станет религии, морали, сословий, законов, чести. Исчезнут графства, гильдии, замки, цеха, ордена, школы, университеты. Пропадут города и деревни, даже сами понятия – мещанин и крестьянин. Не останется никаких правил, кроме одного – отсутствия правил.

Натаниэль перевел дух и окончил:

– А что касается человеческих жертв... Я думаю, в названных условиях люди сами перебыют друг друга.

Ворон схватил себя за волосы:

– Божечки святые, какой ужас!

– Холодная тьма, – выронила Мира.

Она ощутила тревогу. Юноша говорил твердо, но без тени фанатизма. Ни пены у рта, ни пылающих глаз – лишь убежденность ученого в том, что его расчет верен. Она спросила:

– Люди превратятся в стадо?..

– О, нет. Стадные животные имеют иерархию, нормы и правила поведения. В вашем случае все это рухнет с приходом хаоса. Правильная аналогия – толпа безумцев, которых выпустили из палат и бросили без присмотра.

– Как Темный Идо добьется такого?

– Он появится. Этого хватит.

– А чтобы он появился, нужно отпереть замок при помощи ключа?

– Да, ваше величество.

– И ключ – это Абсолют? Разве он не дает бессмертие?

– Дает, но это вторично. Побочный эффект. Главная задача Абсолюта – совсем другая.

Тревога усилилась, холодок прошел по спине.

– А Кукловод знает об этом? Он сможет отпереть замок?

– К счастью, нет. Смертный неспособен. Только Пауль... или я.

Ворон взмолился, воздев руки к Натаниэлю:

– Боже, не бросай нас! Не оставь на съедение врагу рода людского!

Он все еще играл. А вот Мире стало уже не до шуток:

– Как остановить Пауля?

– Прошлый способ устарел, теперь будет сложнее. Но я произвел расчеты и вычислил новый путь. С вероятностью восемьдесят шесть процентов я смогу победить его, если получу от вас...

Нави замаялся. Мира понимала: сейчас он снова попросит Вечный Эфес. Что она сделает? Очевидно, спросит о планах, как и задумывалось. Но если Нави изложит приемлемый план – что тогда? Доверит ли она величайший символ власти этому... Кому? Безумцу или богу?..

– Во-первых, Перчатку Могушества, – сказал Нави. – Во-вторых, Предмет под названием Птаха без Плоты. В-третьих, корабль с экипажем. А также, конечно, Вечный Эфес.

– Птаха без Плоты хранится в Шиммери... – начала Минерва, и лишь потом осознала.

Птаха без Плоты – один из исконных Предметов Праматерей, сама Елена-Путешественница владела им. Перчатка Могушества – не только память о Янмэй, а еще и важнейший инструмент обороны столицы. И Вечный Эфес – самый знаменитый из символов Династии. Нави запросил не просто три Предмета, а три бесценных святыни!

Ворон Короны, ничуть не удивившись, дал ответ:

– Что пожелаешь, боже, все к твоим услугам! Только позволь немножечко узнать о твоём плане. Очень уж страшно оставаться в неведении...

Нави пожал плечами:

– Если вкратце, я перехвачу Пауля, когда он будет пересекать Дымную Даль. С помощью Птахи высмотрю его на расстоянии, с помощью Перчатки быстро приближусь, а Эфесом нанесу удар. Имеется масса тонкостей, которые я опушу: они слишком сложны для вашего ума...

– Конечно, боже, мы и не просим. Где нам постичь всю глубину твоей мысли! А скажи, нельзя ли как-нибудь обойтись без Перчатки? Не прими за дерзость, просто она очень нужна – сама владычица будет строить ею...

– Я уже говорил ее величеству: это пустое дело. Укрепления бесполезны, главное – убить Пауля. Но владычица хочет сравняться с Янмэй Милосердной, а для этого нужно что-нибудь построить...

– Увы, мы, смертные, не лишены недостатков. Прости нас, боже. А можно хотя бы включить в команду корабля десяток-другой надежных воинов? Они защитят тебя в случае нападения пиратов, а потом, когда исполнишь свое святое дело, быстренько привезут обратно все три Предмета. Владычица успеет построить если не целую стену, то хотя бы парочку башен...

Нави нахмурил брови:

– Я советую назначить на корабль такой маленький экипаж, какой только возможен. С вероятностью больше двух третей судно и команда погибнут в бою с Паулем.

– Ой, защити нас Праматерь! Но ты-то вернешься неуязвимым, правда? И привезешь назад...

– Вероятность моего выживания и сохранения Перчатки Могущества практически равна вероятности успеха – восьмидесяти шести процентам. Что касается двух других Предметов, то с вероятностью больше половины они будут утрачены.

Тогда Мира вмешалась в беседу:

– Позвольте уточнить. Корабль, команда, Вечный Эфес и Птаха без Плоти наверняка будут потеряны. Перчатка Могущества останется у вас, но где окажетесь вы вместе с нею – никто не знает, поскольку без корабля вам будет затруднительно вернуться. Иными словами, я отдам три Предмета – и больше их никогда не увижу. Верно я поняла ваш план?

– Это цена за спасение мира!

– Конечно. Само собой разумеется.

Вот теперь она злилась на себя: за пережитый испуг, за ту постыдную минуту, когда она поверила сказке о Темном Идо. Работа дерзкого мошенника! Он ведь даже не тaitся – не дает клятву вернуть Предметы, не ручается всем святым, не предлагает залога. Нагло, открыто говорит: возьму и не верну. Настолько он уверен, что обман удался! Даже не сомневается, что мы признали его богом!

– Конечно, – повторила она. – Три Предмета за спасение мира – это суцая безделица.

Лишь тогда он ощутил подвох:

– Ваше величество, что вас смущает?.. Ведь правда, малая цена. Жалко только матросов с корабля. Наберите добровольцев, скажите честно, что их ждет, обещайте большую награду их семьям.

– Сказать честно? Последовать вашему примеру?

Он поморгал:

– Но ваше величество... что не так?!

– Даже не знаю. Видимо, дело просто в моем капризе. Мы, смертные, так несовершенны.

Она махнула гвардейцам:

– Аудиенция окончена. Сударь возвращается в библиотеку.

Лицо Нави исказилось нарочитым страданием, чуть ли не болью:

– Ваше величество, это страшная ошибка! Вы губите себя, империю, весь мир!

– Слишком наиграно, сударь. Плохая игра.

Его взяли под руки и повели прочь. Нави крикнул через плечо:

– Валы бесполезны! Вам не шаваны угрожают, а свои! Бойтесь генералов, бойтесь Лабелина!

Императрица уже не слушала его. Обратилась к Ворону Короны, который едва сдерживал смех:

– Благодарю, сударь, вы развеяли мои сомнения.

– А он хорош! – Восхитился Марк. – Экая скромная уверенность: да, мол, я бог, обычное дело. Остановить орду? Нет, это слишком мелко, я спасаю только мир целиком. Всего за три Предмета...

– Он будто сам себе верил.

– Хорошие лжецы именно так и поступают: первым делом убеждают самих себя. Но и ваше величество сыграли славно! Я снял пред вами шляпу в тот момент, когда вы будто бы испугались. Очень натурально, ни тени подвоха!

Потому, что испуг был настоящим, – со стыдом подумала Мира. Она хотела спросить: «Если Нави лжец, то откуда власть над Предметами?» Поняла, что Марк спросит в ответ: «А сами как думаете?» И почти без труда нашла разгадку: Нави – бывший человек Кукловода. Когда-то он служил Виттору, потом бросил его и ушел своим путем – с первокровью в жилах. Отсюда и власть над Предметами, и скрытая ненависть к Паулю, и желание спрятаться, затаиться в лечебнице, пока Виттору не надоест искать. А долгая молодость – ни что иное, как влияние первокрови.

Последняя догадка заставила Миру улыбнуться: значит, я тоже не буду стареть? Какое приятное открытие! Но она не успела поделиться с Вороном: к беседке подошел Дориан Эмбер, первый дворцовый секретарь. По ее знаку он был пропущен гвардейцами.

– Милорд Эмбер, по лицу вижу: вы пришли с новостями.

Он выглядел так, будто придумал скабрзную шутку и борется с соблазном высказать ее.

– Хорошо, что нашел ваше величество именно в этой беседке. Она как нельзя лучше подходит для новости: в Южном Пути появился Адриан!

Сердце застучало в груди, кровь прилила к лицу. Мира знала, что Адриан вернется рано или поздно, но все же не была полностью готова.

– Благодарю вас, милорд. Я ожидала этого события.

Ямочки на щеках Эмбера стали глубже.

– Ваше величество, это лишь часть моего сообщения. Самое любопытное впереди: Адриан сошел с корабля в Грейсе – и сразу же... вступил в брак.

– Как?.. С кем?!

– Боюсь, ваше величество, вы не поверите!

Стрела – 3

*Август 1775 г. от Сошествия
Рейс*

Владычица Юлиана снискала славу еще в молодости. К тридцати годам она провела военную реформу, результатом которой стала внушительная победа в Альмере. Дворяне признали незаурядный талант императрицы и стали называть ее Великой.

Подобно многим янмэянкам, Юлиана была падка на похвалы. Однако тут решительно восстала против лестного прозвища:

– О, нет, сколько можно! Великие полководцы, великие лорды, великие ученые. Наша история набита великими людьми, словно утка – яблоками. Не смейте звать меня так. Я – Юлиана Широкая.

Двор принял это как простительную блажь: пускай будет Широкая, коль ей угодно. Но годы шли, и множились блестящие успехи Юлианы. Освобождение Надежды, победа на Гулком брое, бурное развитие морского флота, Столетний договор с шиммерийцами (действующий и поныне), а венцом всему – общеимперский свод законов. Годы правления Юлианы вошли в историю как долгая весна: империя Полари цвела неувядающим цветом. Прозвище «Великая» вновь и вновь появлялось рядом с именем государыни.

С немалым упорством Юлиана удаляла «Великих» из документов, книг, стихов, табличек на портретах. Во всеуслышание журила придворных:

– Поймите, господа: «великий» означает огромные амбиции. Человек жаждет быть очень большим, крупнее всех вокруг. Что это, как не жадность? Намного ценней амбиций для владыки – широта взглядов. Когда правишь большою страной, нужно смотреть так широко, чтобы видеть ее всю целиком, от края до края, на много лет вперед. Если верите, что я это могу, зовите Юлианой Широкой.

Стоит заметить: даже к пятидесяти годам императрица не поддавалась полноте. Она имела шесть футов роста и была стройна, как кипарис. Министр двора деликатно указал на несоответствие:

– Ваше величество может ввести в заблуждение потомков. Не всякий уловит глубокую мудрость, вложенную в прозвище «Широкая». Его могут – да спасет Праматерь! – приписать вашей внешности.

Юлиана рассмеялась:

– Я не слыхала большей нелепицы!

Министр выложил козырь на стол:

– Ваше величество, ганта Мирлай прислал в подарок ваш портрет, выполненный известным мастером из Рей-Роя. Позвольте вручить его.

Владычица была приятно удивлена:

– В Степи настолько развита живопись, что имеются даже известные мастера?

– Живописные полотна не в чести у шаванов. Зато степняки весьма искусны в изготовлении ковров. Рисунки на них поражают фантазию.

С этими словами министр велел внести и развернуть подаренный ковер. Рисунок действительно поразил Юлиану. Изображенная дама обхватом талии и пышностью груди затмила бы лучшую дойную корову. Трон под ее сидением выглядел детской табуреткой, могучие бедра дамы выступали далеко за границы престола. Внизу портрета золотой нитью значилось: «Императрица Юлиана Широкая». Скрепя сердце, владычица приняла неизбежность и согласилась зваться Великой. Под этим именем и вошла в историю.

А вот что любопытно: ни ганта Мирлай, ни мастер ковровых дел не пытались высмеять Юлиану. Напротив, в те времена в западных землях ценились пышные дамы: верилось, что они рожают самых здоровых детей. Обе любимые жены Мирлая имели по двести фунтов весу. Выходит, шаванский мастер и степной вождь хотели своим подарком польстить императрице. Той самой, что покорила их народ! Как это возможно?..

Сама Юлиана связывала свою популярность с кодексом законов, в котором столь бережно учла традиции и нравы всех земель. Однако шаваны, глухие к юриспруденции, полюбили ее за инженерное чудо: Юлианин мост. Он связал берега священной реки Холливел, доселе непокорной зодчим, и создал легкий путь из Рейса в Альмеру. Шаваны получили возможность продавать в центральные земли скот – в любое время года, в любых количествах. Империя бурно развивалась, население росло, лорды охотно закупали коней, коров, шкуры, мясо. Благодаря мосту, на Степь пролился целый дождь серебра.

Первым возник маршрут от Юлианина моста к новой столице Рейса – Рей-Рою. Затем шаваны соседнего графства Холливел пожелали иметь долю в торговле и протоптали путь от моста к себе в Корден. А потом и бароны Мельниц, потомки меченосцев, связали маршрутом Юлианин мост и древний город Фейрис. Холлы не слишком любили реев, реи – холлов, и уж подавно те и другие терпеть не могли меченосцев. При въезде на мост возникали конфликты, которые частенько оканчивались кровью. Не для защиты Альмеры от западников, а во избежание ссор между западными народами, Юлиана велела возвести Славный Дозор. Гарнизон этого форта исполнял важную задачу: следил, чтобы на подходе к мосту шаваны не грызлись друг с другом, а мирно и культурно строились в очередь. В зоне наблюдения гарнизона находились ближние к мосту восемь миль степи. На девятой миле дороги расходились: одна отпадала на юг, к Рей-Рою, другая изгибалась к северу и вела в Корден, третья шла напрямик на запад, аж до самых Мать-мельниц. Конечно, каждая из этих дорог обросла поселками, станциями, трактирами и базарами. Несклонные к оседлой жизни шаваны в данном случае сделали исключение – уж очень заманчивы были места вдоль такого доходного маршрута. Ближайший к Юлианину мосту поселок расположился в девяти милях от Славного Дозора и получил название Трезубец – поскольку стоял на развилке дорог. В начале августа 1775 года от Сошествия туда прибыла с малою свитой одна таинственная дама.

Этот городишко при взгляде сверху напоминал куриную лапку: три длинных когтя торчали в стороны Рей-Роя, Фейриса и Кордена, короткий задний указывал на Славный Дозор. Плотнo сбитый из двухэтажных деревянных домов, Трезубец был способен сгореть целиком от одной опрокинутой свечки, и доказывал эту способность четырежды с юлианиных времен. Его населяли примерно в равных количествах реи, холлы и потомки меченосцев. За многие годы, прожитые бок о бок, они настолько притерлись друг к другу, что обрели умение улаживать споры без помощи кинжалов и луков. Шериф тут избирался большинством мужских голосов, с согласия коменданта Славного Дозора, и пользовался таким уважением, как ни один из вождей соседних земель. Главными занятиями местных жителей были торговля, азартные игры, кабаки и бордели, или, говоря короче, выжимание монет из карманов путников. Словом, Трезубец являл собой весьма гостеприимный городок, какой нечасто встретишь на просторах Степи.

Июль 1775 года стал потрясением для Трезубца. За короткий срок мимо него трижды прошли огромные армии. Быстрым маршем прошагал на юг корпус Снежного Графа Лиллидея, принеся горожанам меньше прибыли, чем тревог. Затем еще стремительней он же промчал в обратную сторону, а через пару дней Трезубец задела крылом орда Гной-ганты. Жуткий вождь со своими ханида вир канна спешил в погоню за кайрами, потому лишь парочка отстающих ганов заглянула в Трезубец, пограбила по верхам, угнала десяток женщин и убила пяток мужчин. По меркам орды это была такая мелочь, что Гной-ганте даже не доложили о ней. Однако Трезубец, стоящий в тени Славного Дозора, привык к безопасности. Жители близко к сердцу

приняли грабеж и смертоубийство, а душе того – унижение. Вспомнились давние ссоры. Холлы обвинили реев, поскольку орда Гной-ганты большей частью состояла из шаванов Рейса. Реи обвинили меченосцев, ведь в их жилах нет шаванской крови. Если б Трезубец населяли одни шаваны, Гной-ганта не тронул бы его. А меченосцы заявили, что нельзя полагаться на милость какого-то червивого демона из сказок. Нужно самим взять оружие в руки и защитить себя... или, на худой конец, ограбить кого-нибудь более слабого, чтобы возместить потери. Эти споры так поглотили жителей Трезубца, что никто не уделил должного внимания таинственной даме. То бишь, конечно, в ней мигом распознали аристократку, вчинили ей тройную цену за комнату и стол, раскрутили на покупку горсти украшений и бочонка вина, и даже почти сумели уложить небесплатного юношу в ее постель. Орда ордой, а мастера Трезубца все-таки знали свое дело. Но никто не удосужился рассмотреть даму тщательно и трезво, потому и не заметил странностей, коих в ней имелось вдоволь.

Начнем с самого факта ее появления: знатная дама приехала туда, откуда недавно ушла орда Гной-ганты. Была ли она настолько бесстрашна или имела точные сведения, что демон не вернется назад? И то, и другое – необычно.

Затем, ее внешность. Дама была настолько хороша, что при всем старании не могла этого скрыть. Дивные лазурные глаза, точеные из мрамора запястья, крутые бедра, манящая взгляды округлость груди. А лет ей исполнилось от силы двадцать пять. Молодая дворянка, красивая как фея, приехала в Степь без отца и мужа?.. Правда, она имела при себе четверку воинов, но даже это не снимало удивления.

К слову, ее эскорт являл новую странность: из четырех воинов два оказались шаванами, а еще два – пустынниками из Надежды. Девушка проявляла одинаковую заботу и к тем, и к другим – то бишь, входила в малую горстку чудаков, любящих кошек и собак одновременно.

Иной свиты, кроме четверки бойцов, она при себе не имела. Ни служанки, ни кучера, ни компаньонки, ни даже альтера, чтобы скоротать ночи. Она сама одевалась, сама причесывала волосы, сама правила лошадь (причем весьма уверенно), а белье стирала, конечно, не сама, но вполне удовлетворилась услугами кривой на левый глаз трактирной прачки.

И последняя загадка: зачем, собственно, дама явилась в Трезубец? Она прибыла со стороны графства Холливел, и по всей логике должна была продолжить путь либо в Рей-Рой, либо в Мельницы. Обычно люди въезжали в Трезубец лишь затем, чтобы выехать с другой стороны. Но барышня сняла комнату в гостинице и осталась в городке. Захаживала то в один кабак, то в другой. Охотно поигрывала в кости, чем выдавала свое происхождение: в Надежде, говорят, даже мыши мечут кости. Рисовала карандашом портретики людей, чью внешность находила колоритной. А кроме того – собирала сплетни.

Всем прочим рассказам она предпочитала истории о войне. С трепетом выслушала все леденящие кровь повести о Гной-ганте. Прониклась сочувствием, узнав о грабеже. Без внимания восприняла рассказ о том, как орда разбила Снежного Графа – должно быть, уже слыхала прежде. Зато наострила уши, когда речь зашла о герцоге нетопырей и ганте Ондее. Правда, этот вопрос был покрыт туманом. В Трезубце знали только, что герцог подошел к воротам Рей-Роя, где получил по носу и сбежал, а ганта Ондей ринулся за ним в погону. Чем кончилось дело – никто пока не знал. Но барышня так щедро награждала выпивкой за хороший рассказ, что грех было не сочинить продолжение. Один торговец-холл сообщил ей страшным шепотом, как ганта Ондей настиг северян и вырезал всех до единого, а кожей герцога обшил свое седло. Дама почему-то не поверила. Счастья попытал паренек из меченосцев: рассказал, наоборот, что это герцог разбил ганту, потом вернулся и взял штурмом Рей-Рой, и на рогах Пламенного Быка поднял флаги с нетопырями. Дама снова не приняла всерьез, однако общего доверия к сплетням не утратила. Как и прежде, красотка метала кости, при выигрыше деликатно скрывала радость, пила легкое вино и увлеченно слушала военные байки. Казалось, она надолго поселилась тут. И слава Праматерям – побольше бы таких гостей!

А затем в Трезубец явились чужаки совсем иного сорта: трое северян в черных плащах с иксами. Городок притих, не зная, чего ожидать. Провожаемые взглядами, иксы проехали Южной улицей, задержались на перекрестке и спросили, где найти шерифа. Шериф по обычаю жевал табак, сидя в кресле на крыльце своего дома. Северяне подъехали к нему и спросили, не проходила ли тут орда Гной-ганты? Шериф сказал, что чужакам недурно бы сначала назвать себя и поздороваться, а уж потом задавать вопросы. Признав его правоту, северяне объявили свои имена и воинские звания. То были кайры из роты Лидских Волков армии герцога Ориджина. Шериф предложил славным воинам спешиться, присесть рядом и промочить горло. Проявив таким образом гостеприимство, он перешел к сути:

– Господа, мы знаем все и о Гной-ганте, и о Снежном Графе. Живем на перекрестке дорог, к нам стекаются известия. Но одного пока не знаем: думает ли герцог Ориджин сражаться с гантой Ондеем? Где намечается битва?

Шериф клонил вот к чему: если волки хотят рубиться с шаванами, то пусть обойдут Трезубец стороной и выберут для драки иное место. Но иксы развеяли его тревоги:

– Милорд наголову разбил войско Ондее. Ганта и перстоносцы мертвы. Та же участь постигнет любой отряд, который посмеет напасть на нас.

– Слава Агате! – воскликнул шериф, радуясь, что побоище случилось далеко отсюда.

– Вернемся к нашим вопросам, – надавил офицер северян.

– Не скажу вам ничего приятного, кайры. Гной-ганта настиг и разгромил Лиллидея в Славном Дозоре. Снежный Граф убит.

Лица северян потемнели. Шериф выразил сочувствие и предложил гостям зайти в кабак: вино облегчит скорбь, а кабатчик опишет события во всех деталях. Младший из северян умчался к герцогу со срочным докладом, а двое старших приняли предложение. Шериф отвел их за лучший стол у окна и шепнул кабатчику, чтобы гостей обслужили по высшей марке. Он хотел убедить северян, что в Трезубце живут хорошие люди, никак не связанные с Гной-гантой, и если кайры желают отомстить за Снежного Графа – то пускай мстят кому-нибудь другому, а не жителям Трезубца. Когда гости получили пряное вино и вкусное жаркое из телятины, шериф добавил еще один штрих: перешел дорогу и заглянул в гостиницу, где проживала азартная дама.

– Миледи, насколько я знаю, вас интересуют новости о войне. К нам прибыли северяне, которые служат герцогу. Они говорят, Ориджин разбил Ондее.

Барышня встрепенулась:

– Правда?.. Где же они?..

Шериф повел ее в кабак, попутно дав наставления:

– Северяне расскажут вам все о сражении. А вы не забудьте упомянуть, как хорошо вас приняли хорошие жители Трезубца.

Дама поклонилась кайрам, сгорая от нетерпения задать вопросы. Но не успела она раскрыть рот, как офицер схватился из-за стола:

– Миледи, вы!.. Какими судьбами?!

* * *

После победы на Ройдане войско Эрвина Софии Джессики двинулось в обратный путь к Славному Дозору. В строю осталось меньше половины тех бойцов, с которыми герцог подходил к Рей-Рою. На каждых двух здоровых воинов приходился один раненый. Отряд больше напоминал походный госпиталь, чем боеспособное войско. Однако послание, которое герцог передал шаванам Рей-Роя, возымело эффект. Никто даже не думал вновь напасть на северян.

Более того: ни один шаванский разведчик не следил за кайрами. Все, кто знал о северянах, почли за благо убраться как можно дальше.

Битва на Ройдане воодушевила многих иксов. Все вернулось на свои места: Ориджины вновь одержали верх! Победа далась дорогой ценой, но герцог доказал: против Перстов Вильгельма можно успешно сражаться. Мудрость Агаты значит больше, чем несправедная сила еретиков.

Однако сам Эрвин София впал в тяжелую тоску. Потери на Ройдане оглушили его: погибла почти целая рота, в ее числе агатовский дворянин. Эрвин без конца винил себя в этом. Вновь и вновь пережевывал в мыслях план боя, думал и думал о том, как можно было уменьшить потери. Ответа не находилось. Ганта Ондей оказался слишком быстр и силен. Согласно военной науке, гибель одной роты следовало считать успехом, ведь при неудаче полегло бы все войско северян. Но это соображение не утешало герцога, а лишь сильнее угнетало. Решение точно существует, и если Эрвин даже теперь, после стольких размышлений, не может его найти – значит, он глупец вдвойне.

Когда удавалось отвлечься от злополучной битвы, мысли обращались к еще более мрачной теме: событиям на севере. Эрвин по-прежнему ничего не знал об отце и сестре, о войсках в Шейланде и Альмере, о Кукловоде и Гной-ганте. Незвестность была тем чернее, что Эрвин повидал Персты Вильгельма в открытом бою. Ганта Ондей имел только три Перста и совсем мало опыта – но положил в пыль столько славных бойцов. А Пауль – матерый злодей с тремя дюжинами Перстов и десятками тысяч всадников. Чего будет стоить сражение с ним?..

Слабеньким лучом надежды светила мысль о Гвенде. Если она сделает, что обещала... Сложная, почти невероятная затея. Но ведь и враг не ожидает такого: Пауль в Степи, а Виттор не знает Гвенду в лицо. Она выглядит совершенно безобидной... Если, с помощью всех Пра-матерей, Гвенда достигнет успеха, то Иона будет спасена!

Но – только Иона. Это не окончит войну и не ослабит Кукловода, а только разозлит. Иона обретет свободу, но что ждет Север, да и весь мир? Каждую ночь Эрвин молился Светлой Агате. Не за себя, а за семью и других агатовцев, и кайров, и всех северян от Первой Зимы до Клыка Медведя. Агата осталась равнодушна. Она ни разу не появилась перед Эрвином.

Герцога всюду сопровождали Фитцджеральд и Обри. Фанатично преданные ему, они свято верили в грядущую победу над любым войском. Это бесило Эрвина, он предпочел бы разделить с кем-нибудь груз волнений, быть услышанным и понятым. Ужасно не хватало разговоров с Джемисом. Но отчужденность кайра только усилилась после битвы. Орудие было тому виной.

Иксы двояко восприняли стрельбу из Перста. Умом они понимали, что Орудие служит доброму делу, да и герцог лично дал клятву. Но души воинов противились этому мерзкому инструменту. Джемис, взявший его в руки, вызывал у многих неприязнь. Вдобавок среди иксов пошли скверные разговоры. Шрам высказал мысль, и его поддержали: дескать, выиграть битву можно было и без Орудия. Что сделал Перст? Убил вражеских перстоносцев – но меткий выстрел из арбалета тоже решил бы эту задачу! В Альмере Лидские Волки смогли убить генерала Векслера безо всяких Перстов – и потери тогда вышли гораздо меньше. Возможно, и теперь, если б милорд планировал сражение без учета Орудия, он бы нашел способ...

Барон Айсвинд погиб как герой. Все помнили, как он дважды хотел вызвать Джемиса на поединок. Теперь Айсвинд мертв, а соперник жив-здоров, еще и владеет проклятым Орудием. Не то, чтобы Джемис винили в смерти барона, но многим казалось: оставшись в живых, Лиллидей занял чужое место.

Сам кайр Джемис оставался глух ко всему. Если нуждался в общении, то начинал чесать и нежить Стрельца, либо заговаривал с Орудием. Иксы видели в его поведении дерзкую надменность. Говорили: «Конечно, он любимец герцога! Может на всех наплевать – и все равно оста-

нется в фаворе!» Эрвин знал: вассальная ревность – не менее страшна, чем женская. Встревоженный до глубины души, он обратился к отцу Давиду:

– Вы понимаете, что творится с кайром Джемисом? И главное – чем я могу помочь?

Давид был готов к вопросу.

– Мне видятся две причины. Возможно, тут действуют обе сразу. Вот первая: кайр Джемис боится за судьбу отца. Снежному Графу придется столкнуться с ордою – а может, уже пришлось. Джемис допускает худший исход.

– А вторая причина?

– Всю дорогу от Фаунтерры кайра Джемиса сопровождала женщина. Кажется, ее зовут Гвендой, верно?.. Она осталась в Славном Дозоре, и Джемис плохо переносит разлуку.

– Не осталась, а уехала на север, – возразил Эрвин. – Джемис сам ее отпустил. Гвенда влюбилась в него, это обременило кайра.

Давид улыбнулся:

– Обычное дело, милорд: мужчина мало ценит женщину, пока она рядом и влюблена. Но стоит ей исчезнуть, как он обнаружит в себе чувства.

– Граф Лиллидей сватал сыну некую высокородную невесту. Кайр Джемис проявил заинтересованность.

– Невеста – где-то далеко, а Гвенда долго была рядом. Мужчины – слуги своих привычек. Ничего нет хуже – потерять женщину, к которой привык.

Эрвин задумался.

– Допустим, вы правы... Но как мне его поддержать?

– Проще некуда, милорд: побеседуйте с ним.

– Я пытался неоднократно.

– Спросили: «Что с вами, кайр? Какая муха вас укусила?»

– Именно так. И в чем подвох?

– Любой сеньор может задать такой вопрос вассалу. Подчеркните не свой титул, а узы дружбы. Скажите то, что сказал бы товарищ.

– Не унывай, не вешай нос, мы победим... Что-нибудь такое?

– Милорд, это тоже слова полководца. Все иксы слышат подобное. А кайр Джемис хочет видеть в вас друга, не сеньора.

– Предлагаете с ним вместе выпить?

– Пожалуйтесь ему.

– То есть, как?..

– Расскажите, что вас гложет. Поделитесь сомнениями и страхами. Покажите свою слабость.

Именно этого и хотелось Эрвину, потому он заподозрил неладное:

– Если я так поступлю, Джемис высмеет меня.

– Вовсе нет.

– Скажет: «Наделали глупостей потому, что не слушали моих советов».

– Все же попробуйте, милорд. Кайру Джемису одиноко. Войско не любит его, но обожает вас. Он думает, вы зазнались и бросили его в угоду остальным. Покажите, что это не так.

В глубине души Эрвин чувствовал правоту Давида. Но конфликт, тьма его сожри, зашел слишком далеко. Ведь Джемис при всех обвинил Эрвина: «Вы ведете нас на убой». После такого заявления – жаловаться ему, показывать слабость?.. Нет, герцог Ориджин не мог уронить себя. Он избрал иной вариант: поговорить по-дружески, но без жалоб, на нейтральную тему. Велел себе обходиться без сухого слова «кайр». Хорошенько почесал Стрельца и угостил костью. Тогда начал:

– Джемис, вы слышали рассказы отца Давида? Эту идею: всем раздать по Священному Предмету. Любопытно, что вы о ней думаете?

И в тот же миг беседа приняла скверный оборот.

– Избавьтесь от него, – сказал Джемис.

– Как – избавьтесь?..

Лиллидей весьма выразительно чиркнул себя по горлу.

– Кайр, вы с ума сошли! Убить святого отца?! Лишь потому, что он хочет дать Предметы мужикам? Да, это глупая идея, но и только!

– Не поэтому. Давид послан тайным орденом. Говоря строго, он их шпион.

– Орден – наш союзник.

– Гы, – ухмыльнулся Джемис. – Сколько вам лет, милорд? Неужели, двадцать пять?

Эрвин начал закипать:

– Кайр, извольте говорить вежливо.

– Так точно, герцог Эрвин София, – Джемис держал сарказм наготове, как склад боеприпасов. – Разрешите напомнить, милорд герцог. Леди-во-Тьме тесно дружила с Минервой – пока у них был план засады в гробнице. Едва засада сорвалась, болотница плюнула на Мими и сдружилась с вами. У вас, милорд герцог, тоже имелся план: опередить Пауля и помириться с шаванами. А теперь план вашей светлости накрылся дерьмом. Говорю это с глубоким уважением.

Эрвин подумал: Светлая Агата, дай мне сил вытерпеть дружбу с кайром Лиллидеем!

– Да, тьма сожри, вы правы, Леди-во-Тьме известна вероломством. Но мы говорим не о ней, а об отце Давиде. Он – честный человек. Он всегда...

Джемис рассмеялся, не дав закончить:

– В нем чести столько же, сколько в платке для соплей! Умеет сочувствовать, потому кажется добряком. Но врет всякий раз, как открывает рот! Давид – тот же козленок Луис из эксплораты!

– Ну уж, это чересчур! Подтвердите хоть чем-нибудь ваши обвинения.

– Каждый его поступок – доказательство. Давид лгал о Светлой Сфере, об участии в ордене, о своем прошлом... Это только то вранье, которое уже вскрыто. А сколько еще осталось!

– Боюсь, Джемис, в вас говорит простая ревность.

– Милорд герцог, вы не понимаете без пинка. Потому, со всем почтением, сделаю вам больно. Добренький Давид помог Ионе попасть в лапы Кукловода.

– Что?..

– Она говорила: «Давид советовал мне не читать писем». Иона думала, что дело в яде, но теперь ясно: Давид имел в виду Ульянину Пыль. Стало быть, знал, что Пыль находится у Кукловода, и догадывался, что Кукловод – Виттор Шейланд. А почему не сказал напрямик? Если б этот лживый гад выложил все, леди Иона осталась бы в Фаунтерре, а Кукловод повис в петле!

Эрвин поперхнулся возражением. Проямлил без уверенности:

– Ну, Давид не знал точно... Он не имел улики...

– Да какая разница?! Давид всегда темнит. Говорит ровно столько, чтобы вызвать доверие, но не выдать ни крохи сведений. Вам он льет в уши утопические сказки – а что получает взамен? Например, сведения об Орудии. Шайка Леди-во-Тьме пока не знает этого лишь потому, что мы потеряли всех голубей. Едва доберемся до ближайшей голубятни, Давид пошлет донесение.

– Орудие в любом случае не скрыть. Куча шаванов его видела...

– Ни один из них не бросится писать письмо в Фаунтерру. Они будут только болтать про огнедышащего северного волка. Байка достигнет столицы через год и изменится до неузнаваемости. Давид – другое дело! Он распишет и силу Орудия, и число ваших войск – все точно, как в аптеке. Избавьтесь от него, милорд!

– Я не могу, – ответил Эрвин. – Да и не хочу. Признаю за вами долю правды: отец Давид имеет возможность шпионажа. Но он видится мне достойным человеком.

– Как много достойных людей в вашем мире! Хотел бы и я там жить... Милорд, вы собирались отправить раненых на лечение в монастырь Сьюзен. Предложите Давиду сопровождать их. Ручаюсь: он согласится и поедет, но через день примчит обратно. Скажет благородную чушь: мол, раненые уже в безопасности, а я вернулся служить герцогу. На деле, он пошлет донос и вернется шпионить дальше.

– Я не согласен с вами, – ответил Эрвин. – Но так и быть, учиню ему проверку.

Приближение к Славному Дозору заставило всех забыть о разногласиях. Было ясно, что Пауль с ордою прошел в этих местах. Двинулся ли он сразу на север, вокруг Дымной Дали, или сперва атаковал Славный Дозор, чтобы не оставлять за спиной войска Лиллидея? Во втором случае Пауль мог оставить в захваченном форте засаду. Встреча с нею добьет обескровленный отряд герцога. Каких потерь стоила засада в Рей-Рое – а тогда иксов было вдвое больше, чем теперь!

Хайдер Лид предложил послать разведку в Славный Дозор. Фитцджеральд напомнил, что местность вокруг форта полностью открыта. Если Дозор захвачен врагом, то разведчиков наверняка заметят и убьют. Капитан рассмеялся в ответ:

– Сами Праматери не заметят лазутчика из Лидских Волков.

А Шрам положил конец перебранке, внося дельное предложение: послать разведку не в форт, а в городок на подъезде к нему. Местные жители расскажут все, что произошло, и не посмеют тронуть кайров. Так и поступили.

Все офицеры разделяли взгляды герцога: со степняками нужно говорить только с позиции силы. Тройка разведчиков поехала в Трезубец не таясь, при плащах и знаках различия, имея целью не вынюхивать, а требовать сведений в открытую.

Вскоре вернулся один из них. Двое других задержались в городке, чтобы узнать все детали, а младшего послали с грузом тяжелого известия: Славный Дозор пал, корпус Лиллидея разгромлен, Снежный Граф убит.

Новость глубоко опечалила воинов. Особенно тяжело приняли утрату Лидские Волки – ведь они родились в вотчине павшего Лиллидея, знали и самого графа, и многих его кайров. А на Джемиса даже страшно было смотреть. Он сел на голую землю, прижал к себе пса и гладил, гладил, гладил так, будто в целом мире никого больше не имел. Голова кайра склонилась на грудь, плечи вздрагивали от неслышимых рыданий. Даже тех офицеров, кто не любил Джемиса, тронула его скорбь. Они намекнули Эрвину: поговорите с Лиллидеем, у него же нет иных друзей. Это было очень нелегко.

– Помогите мне, – попросил Эрвин альтессу.

Тревога за руку ввела его в темное облако скорби, окружившее кайра. Эрвин сел рядом с другом и долго молчал, набираясь духу. Пальцы Джемиса дрожали на холке Стрельца.

– Я соболезную вам, – наконец, решился герцог. – Ваш отец погиб, исполняя мой приказ. Будь я умнее, он остался бы жив.

Джемис ответил таким взглядом, что Эрвин ощутил себя зарытым в могилу.

– Моя вина, – выдавил Ориджин.

Джемис помолчал, вращая черные жернова мыслей. И вдруг сказал:

– Нет, милорд. Я был к вам несправедлив. Вы сделали лучшее, что было возможно.

Больше никто из них не нашел слов. Эрвин посидел возле Джемиса и тоже погладил Стрельца. Ощутил, как пес немного расслабился под его рукою.

Позже вернулись остальные разведчики. Они принесли ряд славных подробностей битвы. Кайры Снежного Графа сражались с немыслимой отвагой и положили в пыль почти половину

вражеских перстоносцев. Орда немалой кровью расплатилась за победу. Пауль отдал особый приказ взять Лиллидею живьем – очевидно, чтобы поглумиться. Но Снежный Граф не дался в руки шаванам, и сейчас, по всей видимости, уже пирует со Светлой Агатой. Эти рассказы немного поддержали бойцов. Но Эрвин едва слышал слова, занятый совсем иным предметом.

Вместе с разведчиками в лагерь прибыла леди Нексия Флейм.

* * *

– Милорд, я провинилась перед вами. Боги свидетели: я действовала не по своей воле, а затем – сполна искупила вину. Желая разрушить действие Ульяниной Пыли, отец не сказал мне, что вы остались живы. Два дня я провела в уверенности, что своими руками убила вас... Однако с тех пор произошло столько всего, что эти события остались буквально в прошлой жизни. Я искала вас не затем, чтобы просить прощения. Я должна предупредить: вам грозит опасность.

Слушая Нексию, Эрвин с удивлением отмечал: в голосе ее звучит вина, но не слабость и не робость. Девушка говорила твердо, как человек, глубоко уверенный в себе. Ульянина Пыль на время отняла ее силу воли, но теперь Нексия возвращала свое с лихвой.

В голове Эрвина теснилось множество вопросов. Он попытался расставить их по значимости и потерпел провал, и выплеснул как попало:

– Как ты очутилась тут? Что происходит в Альмере? Как поняла, где меня искать? Есть ли новости с Севера?..

– Наняла шхуну в окрестностях Флисса и добралась до истока Холливела. Оттуда – на лошадях. Я не могла знать, где вы, да и живы ли. Рассудила так: если живы, то вернетесь к Славному Дозору, но сперва пошлете разведку в Трезубец. Там и ждала.

Это было разумное и хладнокровное суждение. Мысль о возможной гибели Эрвина не повергла девушку ни в одну из крайностей. Она не помчалась аж в самый Рей-Рой, лишь бы обнять хладный труп любимого, и не бросилась в реку, ибо все теперь едино. Взяла и трезво рассчитала, где искать войско северян.

– Но в Степи очень опасно! Здесь же бродит Гной-ганта с ордою!

– Я знала, где Гной-ганта. Вовсе не тут.

– Даже без него Степь – тревожное место. Как отец отпустил тебя? Сбежала?..

– Напротив, это он отправил меня с поручением.

– Сюда?! У него, верно, помутился рассудок – отправить дочку в Степь в такое время!

– Милорд, отец послал меня вовсе не к вам. Я отклонилась от пути, дабы вернуть вам долг.

– О чем вы..

– Не перебивайте! Дайте же сказать! В Уэймаре дела – дрянь! Виттор Шейланд применил свое главное орудие – видимо, то, которое называют Абсолютом. Погибло множество людей, и штурм замка сорвался.

– Отец?! Сестра?!

Нексия поспешно добавила:

– О них нет плохих известий. Абсолют не принес графу Виттору победы. Ваш отец осадил Уэймар и запер Шейланда в замке.

Эрвин выдохнул с облегчением – он допускал гораздо худший исход. Отец жив, и у него достаточно кайров для осады, а значит, и Иона жива – Виттор не рискнет убить ее, пока находится в кольце. Эрвин уже спешит к ней на помощь и везет Перст Вильгельма!

– А чем окончилась осада Флисса? Приарх арестован?

Только теперь голос Нексии дрогнул.

– Здесь начинаются худшие новости. Ради них я и искала вас. Возвращаясь, вы должны знать все, что ждет по ту сторону Холливела... Орда Пауля взяла Славный Дозор и вторглась в Альмеру. Они промчались по Красной Земле, как ураган, круша все на пути, и подступили к Флиссе. Герцог Фарвей не счел нужным сражаться против Пауля и приказал своим войскам отступить. Мой отец был вынужден подчиниться.

Глаза Эрвина поползли на лоб.

– Пауль вторгся в Альмеру – но зачем?.. Он должен спасти Кукловода, а значит – спешить на север, в графство Шейланд!..

– Когда мы отошли от Флисса, еще нельзя было точно судить о его мотивах. Отец полагает, что Пауль хочет завладеть кораблями.

– Остались ли в Альмере мои войска?

– Около пяти батальонов: корпус генерала Хортон и остаток армии графа Лиллидея. Они отходят к реке Бэк, чтобы там занять оборону.

Эрвину потеплело на душе. Сохранилось целых пять батальонов – это внушительная сила! А замок Эрроубэк – отличное место для обороны, если орда решит двинуть на Фаунтерру.

– Как ведет себя Минерва? Прогнала Роберта из столицы, вступила в союз с Кукловодом?..

– Нет, насколько знаю. Последнее, что я слышала: ее величество готовится защищать Фаунтерру, собирает войска и строит укрепления.

– Умница!.. А где мать Корделия? С твоим отцом?..

– Мертва.

– Холодная тьма...

– Когда рыцари Фарвея начали отступать, святая мать попыталась пристыдить их. Встала перед воротами Флисса и сказала, что не уйдет никуда, даже если сбежит все войско. Но рыцари все равно ушли, а Пауль явился и убил мать Корделию.

– Очень жаль.

Корделия была по душе Эрвину – больше, чем кто-либо из высшего духовенства. Но даже ее смерть не вогнала его в уныние. Главное: сестра и отец живы, Уэймар в осаде! Стоит Эрвину привезти туда Орудие – и Виттору конец, а Иона спасена!

Нексия с удивлением смотрела ему в лицо:

– Милорд, похоже, мои слова не достигли вашего сознания. Позволю себе повторить. Вся северная Альмера захвачена ордой. Шаваны рыщут повсюду, у многих – Персты Вильгельма. Если вернетесь в Альмеру, вас обязательно заметят и уничтожат. А если пойдете на север, чтобы соединиться с отцом, то Пауль будет в Уэймаре раньше вас. Вы отрезаны ото всех северных войск и погибнете, если попытаетесь добраться до них.

Эрвин усмехнулся:

– Дорогая, я понял все это.

– Тогда откуда улыбка на вашем лице?

– Во-первых, безумно радуюсь встрече! Счастье – видеть тебя в трезвом рассудке, без никакой Пыли. А во-вторых, я ожидал намного худшего. Думал, мои войска уже разбиты, Минерва переметнулась к Кукловоду, отец погиб, Иона и Роберт тоже – словом, умерли все на свете, кроме злодеев и гадов. Но оказалось, мертвы только Снежный Граф и Корделия, причем оба погибли так славно, что на Звезде получают лучшие хоромы. Благодаря твоим словам, моя ночь сменилась рассветом!

Нексия порозовела, но сказала с некоторой сухостью:

– Милорд, я не преследовала цели радовать вас. Хотела лишь одного: спасти от смерти. Эта задача будет исполнена, если вы не пойдете в Альмеру.

– О, если ты настаиваешь, я не пойду туда! Для твоего удовольствия я готов не пойти куда угодно. Укажи любое место на карте – и я в жизни не появлюсь там!

– Ваши слова ласкают мой слух. Чтобы произносить их и дальше, будьте добры, оставайтесь в живых.

Лишь теперь Эрвин заметил:

– Прости, откуда взялись «вы» и «милорд»? Что за вежливая холодность?

– Я не чувствую права на фамильярность после того, как пыталась вас убить.

– Но ты же не виновата! Причина только в Ульяниной Пыли!

– Я знаю. И тем не менее.

– Ну же, будет тебе!..

Эрвин притянул ее, чтобы поцеловать. Однако Нексия вывернулась из объятий.

– Милорд, не стоит, мне неловко.

Он обнял ее крепче, обхватил за ягодицы.

– Миледи, я просто обязан отблагодарить свою спасительницу!

Она выкрутилась вновь.

– Милорд, я провинилась перед вами. Сейчас пришла, чтобы искупить вину.

– О, да, займемся же искуплением!

Эрвин потянулся к ее груди – и получил удар по руке. Нексия сказала сухо, без тени кокетства:

– Прекратите, милорд. Я не разрешаю. Мое искупление – эта бумага, и ничего больше.

Она протянула пакет. Когда Эрвин раскрыл его, все похотливые желания вылетели из головы. То была стратегическая карта центральных и северных земель Полариса. Предельно подробная, с указанием положения и численности военных сил всех действующих сторон. Судя по дате в углу, карта устарела на две недели, однако стрелочки указывали направление и скорость маршей. Без труда можно было вычислить, где теперь находится каждое войско.

Эрвину перехватило дыхание. Карта представляла собой истинное произведение искусства. Ни в одной кампании он не имел настолько полных сведений. Рисунок диспозиций, путей наступления, колец осады, отходных маневров виделся ясно, как линии на ладони. Если бы бог разведки решил предоставить информацию богу войны – его карта не вышла бы лучше этой.

– Тьма холодная!.. Откуда... Как...

– Из штаба герцога Фарвея, милорд.

– Похоже, его разведке служат все птицы Полариса! Если только это не подделка...

Но подлинность не вызвала сомнений. Никто не сделал бы столь тщательной фальшивки – поскольку никто и не ждет такой точности от военной карты!

– Миледи... это...

С большим трудом Эрвин отвел от бумаги взгляд.

– Миледи, я был слеп, а теперь прозрел! Идова тьма рассеялась предо мною!

Очень спокойно, даже не заметив его восторга, Нексия произнесла:

– Я хочу, милорд, чтобы вы увидели главное: в Альмере орудует Пауль. Вам нельзя возвращаться туда.

– Я и не собирался в Альмеру! Я спешу в Уэймар, на помощь отцу и сестре! Неважно, каким путем. Если ты против Альмеры – так и быть, пойду на север, вокруг Дымной Дали.

– Туда тоже нельзя! Обе эти дороги ведут на Звезду!

– Ах, вездесущая Звезда! Видимо, Агата скучает по мне в своем дворце. Что ж, не беда, я найму корабли и поплыву через озеро. Так даже лучше: устал тереть зад о седло!

Гнев искажил черты девушки. Она яростно хлопнула по карте – будто вlepила пощечину.

– Да поймите же наконец! Вам нельзя ехать в Уэймар! Ни через Альмеру, ни через Холливел, ни кораблями – никак!

Она ткнула пальцем в бухту у Флисса – с такою силой, что сломала ноготь.

– Я знала, что меня вы не услышите. Поверьте хотя бы карте!

Слегка ошеломленный этою вспышкой, Эрвин послушался и взгляделся в карту. Бухта пестрела филигранными рисунками корабликов. Указывалось общее число и грузоподъемность флотилии. Широоченная черная стрела, заполненная цифрами и знаками, приближалась к порту с запада. Армия Пауля спешила к приарху... А что потом? Словно предвидя вопрос, автор карты провел пунктиром маршрут: из бухты Флисса через Дымную Даль в графство Шейланд. Маленьким якорем отметил место вероятной высадки: прямо в тылу у агатовских батальонов...

Только теперь Эрвин начал понимать.

– Погодите... Миледи, вы хотите сказать, что Пауль попадет в Уэймар раньше меня?

– Я уже сказала это, вы не сочли нужным услышать. Пауль будет там со дня на день!

– И... какую дорогой я бы ни пошел... он встретит меня?

– Совершенно точно. Весь Шейланд будет под его контролем, а войска лорда Десмонда – разбиты. Ваш крохотный отряд встретит целая орда, вооруженная Перстами!

– Нас мало, зато мы... – начал Эрвин с апломбом, но осекся. Слова застряли в горле. – А как же Иона?..

– Вы не сможете ей помочь. Простите, милорд.

– Но я должен!

Нексия рубанула так, как мог бы Джемис:

– Ваш труп не спасет сестру, милорд! В Уэймар вам дороги нет, вы опоздали, этот шанс упущен. Если хотите погибнуть героем, отправляйтесь туда. Но не лгите, что это – ради сестры!

Из Эрвина будто вытекли все силы. Колени подогнулись, руки задрожали. Он промямлил, не узнавая собственного голоса:

– А что же... мне делать?

– Думайте, милорд. Найдите выход.

– Какой?.. Пауль разобьет отца! Как только осада развалится, Виттор уб... уничтожит Иону! – Во рту и горле так пересохло, что он едва мог говорить. – Шейланд сохранил ее потому, что боится меня. Иона – его шанс купить собственную жизнь! Если он победит, то... то...

– Он не убьет ее, пока вы живы. Я полагаю, граф Виттор – очень осторожный человек. Он будет беречь Иону, пока не увидит ваш труп. И в этом еще одна причина не ехать в Уэймар.

– Но... куда же тогда?..

Он спросил так, будто это Нексия была лучшим стратегом Полариса. Сам услышал, как жалко звучит голос, и покраснел от стыда. Девушка имела полное право ответить: «Я вас не узнаю, милорд!» Она обняла его и сказала с нежностью:

– Вы найдете путь к победе. Я точно знаю: вы – сможете. Обыграйте их, милорд!

Он не посмел глянуть ей в глаза, боясь показать влагу в своих. Шмыгнул носом, помолчал, глубоко дыша, пока Нексия гладила его по спине.

Расправил карту. Поморгал, фокусируя взгляд на узорах стрел и пунктиров.

– Возможно, и есть какой-то путь... Но мне нужно связаться с отцом. Без этого – никаких шансов...

Девушка шепнула ему на ухо:

– Я привезла птиц. Два голубя из Первой Зимы, два – из столицы, два – из Уэймара.

И отстранилась со словами:

– А теперь не буду вам мешать. Думайте, милорд!

* * *

Эрвин провел ночь в размышлениях, рисуя стрелки на картах, подсчитывая мили и дни, численности армий и исходы сражений. А утром вызвал Джемиса на совет.

Печаль кайра не ослабла за ночь. Он обвел глазами пустой шатер и спросил угрюмо:

– Где остальные?

– Я позвал вас одного, поскольку имею задачу сугубо по вашей части. Мне требуется критика.

Это не расшевелило кайра, но Эрвин развернул перед ним карту:

– Взгляните сюда.

Джемис посмотрел. Слабый огонек интереса зажегся в глазах.

– Весьма подробная... Откуда, милорд?

– Привезла Нексия.

– Подделка?

– Никоим образом.

Лиллидей взгляделся внимательней.

– И вы просите моего мнения?

– Я построил один план. Нужно, чтобы вы его раскритиковали и нашли слабые места.

– Позвольте впустить Стрельца?

Получив согласие, кайр откинул полог шатра и позвал собаку. Стрелец ринулся к Эрвину, по которому скучал, но был пойман хозяином, уложен и поглажен. Прикосновение к шерсти любимца дало Джемису жизненной силы. Лицо кайра смягчилось, взгляд прояснился.

– Готов слушать вас, милорд.

Эрвин начал с анализа текущей ситуации. Ситуация представляла собою три выгребных ямы, одна глубже другой.

Первая находилась прямо в центре карты. Пауль с ордой вторгся в Альмеру, захватил север герцогства, снял осаду Флисса, убил мать Корделию и соединился с силами Галларда. Теперь он получит вдоволь провианта, большой флот на Дымной Дали и поддержку монашеских орденов. Получив такие возможности, шаваны возжелают реванша. Адриан побил их в Литленде, Минерва оттеснила за Холливел... Кто помешает шаванам взять свое с лихвой и пойти прямо на Фаунтерру?

Однако в этой яме под слоем нечистот хотя бы виднелось дно. Пауль знает, что Виттор в отчаянном положении, и должен спасти хозяина. Он уплывет в Уэймар, забрав лучших воинов орды. Шаваны в Альмере лишатся сильного вождя. С другой стороны, в Альмере находятся пять батальонов северян: два из корпуса Лиллидея, три – Хортон. Все они под общим командованием Хортон отступают к реке Бэк. Замок Эрроубэк прикрывает единственную переправу на сто миль вокруг. У шаванов будут Персты и численный перевес, у Хортон – опыт и выгодное положение. Имеются шансы, что он выдержит удар. Малые, но не нулевые.

Другой колодец с дерьмом находился в Шейланде и звался Уэймар. Десмонд Ориджин сумел избежать главного оружия Кукловода. Когда кусок города исчез в небытие, большинство кайров уцелели и взяли замок в осаду. Лучше того – им на помощь идут генерал Стэтхем с четырьмя батальонами и десять тысяч медведей! Но на этом удачи кончаются. У Кукловода есть Персты Вильгельма. Во флоте Галларда довольно кораблей, чтобы перебросить в Уэймар тысячи всадников. Отборные воины орды с десятками Перстов придут на помощь Кукловоду. Флот даст им полную свободу маневра: шаваны высадятся, где захотят, и ударят по кайрам с самого выгодного направления. Десмонда поймают в городской западне и разгромят так же, как Снежного Графа. А стоит Паулю победить в Уэймаре, к нему тут же примкнут все враги Ориджинов: закатники, кайры Флеминга, остатки воинства Галларда. Огромная армия двинется на Первую Зиму.

Однако самая глубокая яма предназначалась не Десмонду, а лично Эрвину. Он остался с горсткою солдат, отрезанный от подкреплений, в сотнях миль от ближайшей дружественной земли. А враги знают, что он здесь. Пауль ждет возвращения Эрвина. В Альмере встретят ордынские разезды, на Дымной Дали – корабли приарха, в Уэймаре – сам Пауль. Здесь, за

Холливелом, Эрвина теперь бояться и вряд ли тронут. Он может бродить по Степи еще очень долго, нюхать полынь, хлебать кумыс, спать в трофейной юрте... Тьма, он может даже найти себе шаванку и наплодить стаю узкоглазых мальцов! Но стоит покинуть Степь и сунуться туда, где гремят сражения – Пауль прихлопнет его, словно муху.

– Ситуация ясна, – сказал Джемис, почесывая овчарку. – Я готов выслушать план. И Эрвин изложил идею.

По меньшей мере, он произвел эффект.

Кайр Лиллидей забыл о скорби и оставил в покое Стрельца. Согнулся над картой, нашел все названные Эрвином места, внимательно глянул в лицо сюзерену:

– То есть, вы предлагаете...

– Да.

– А войска вы возьмете...

– Верно, из воздуха.

– И рассчитаете момент с такой точностью, чтобы...

– Я – внук Агаты. Полагаю, справляюсь с расчетом.

– Но все зависит не только от вас. Потребуется идеальная координация!

– Нексия привезла птиц. Я пошлю сообщения.

– И вместите на голубиные ленты весь ваш план?

– Нет, только самое главное.

Джемис хмыкнул. Поскреб бороду. Разгладил карту.

– Кайр, я готов к вашей критике. Изложите контраргументы.

– Ну, коль скоро вы просите...

Лиллидей привел восемь доводов.

Первые два Эрвин парировал легко, поскольку готовился к ним.

Над третьим и четвертым задумался, но с помощью альтессы Тревоги нашел выход.

Пятый, а также шестой представляли собой неизбежные риски. Эрвин знал о них, и сделать тут было нечего, только молиться и верить в удачу.

Седьмой довод опрокинул планы герцога, а восьмой добил их в лежачем положении.

– Тьма... – выдохнул Эрвин. – Этого я не учел. Боюсь, тогда все...

Джемис поскреб ногтем пятнышко среди моря Льдов.

– Погодите, милорд. Вот тут живет один человек, если мы привлечем его к делу...

Эрвин улыбнулся:

– Не его, а ее, верно?

Джемис кивнул и добавил еще предложение. Эрвин провел пунктирную линию, обозначил крестиком точку. Джемис плюнул на палец и стер, и поставил новый крест на полдюйма ниже. А Эрвин провел от него стрелку и обозначил еще один пункт.

Оба помолчали в задумчивости, и Джемис признал:

– Может сработать. Шансов – этак три из десяти.

– Семь из десяти, – возразил Эрвин.

– Я ошибся, – сказал Джемис, – не три, а два.

– В любом случае, больше, чем было в Запределье.

Впервые после Рей-Роя на лице Джемиса появилась тень улыбки:

– Когда вы скажете людям?

– Завтра сообщу первую часть, остальное они узнают по дороге.

Эрвин сбился с мысли, подумав о неприятном:

– Кайр, вам лучше не быть рядом со мной, когда я расскажу план офицерам. Стойте вместе со всеми и удивляйтесь, как они.

– Это еще зачем?

– Мой план звучит, мягко скажем, сомнительно. У вас и так конфликты с людьми. А если они решат, что это вы присоветовали мне такую ересь...

– Хайдер Лид – мой земляк. Он родился в том квартале, куда я все детство плевал со стены замка. Айсвинд уже на Звезде, Гордон Сью – вот-вот. Фитцджеральду разбили нос. Какие тут конфликты, милорд? Сами видите: не с кем.

Эрвин просиял: вернулся прежний Джемис, упертый задира с чернейшим чувством юмора. Но кайр тут же добавил неприятное:

– Ваш план требует полной секретности. Сделайте что-нибудь с отцом Давидом.

* * *

Когда все расчеты были окончены и проверены, у Эрвина остался целый свободный вечер. Тщательно продумав слова, он составил письма и отослал голубей. На душе сразу стало легче. План приведен в действие, стрела отправлена в полет. Когда-нибудь станет ясно, попала ли она в цель. Сейчас он сделал все, что мог, а дальше будь что будет.

Следующим утром предстояла дорога. Оставалась лишь одна ночь, потому Эрвин без лишних промедлений позвал в гости Нексию. Он чувствовал неловкость за вчерашнее малодушие, и заговорил самым мужественным тоном, на какой был способен:

– Милая леди, завтра мы выступаем в далекий путь. По этой причине хочу предложить вам...

– Бурную ночь любви! – подсказала альтесса, но Эрвин отогнал ее.

– ...помощь и защиту. Наши раненые достаточно выстрадали и заслужили отдых. Я отправлю их на лечение в безопасное место – монастырь Праматери Сьюзен на берегу Дымной Дали. Дюжина иксов поедет с ними для сопровождения. Они помогут заодно и вам безопасно добраться до озера и нанять судно.

– Надеюсь, – уточнила Нексия, – вы направляетесь не в Альмеру и не в Уэймар?

– Никак нет, миледи. Я принял все ваши советы.

– Отрадно слышать. А не скажете ли, куда держите путь?

Тревога дернула Эрвина за ухо:

– Шшш! Не смей! Военная тайна!

– Стоит ли вам это знать, миледи?

Нексия пожала плечами:

– Пожалуй, вы правы, это дело не моего ума. Главное – не на восток и не на север, а значит, я еще увижу вас живым. Однако я не могу поехать с вашими людьми.

– Отчего же?

– Как уже говорила, отец отправил меня в определенный город с немаловажной миссией. Этот город далек от Дымной Дали.

– Любопытно. И куда же вы едете?

Нексия с усмешкой покрутила кончики волос:

– Ах, милорд, стоит ли вам это знать?

– Очко в вашу пользу, – улыбнулся Эрвин. – Но вы – не военный человек, а значит, не можете иметь военных тайн. Скажите же!

Он понадеялся, что девушка продолжит темнить. Тогда появится повод жестоко пытать ее: скажем, связать руки, сорвать одежду... Но Нексия сдалась:

– Так и быть. Я еду в Фейрис.

Эрвин моргнул:

– В тот Фейрис, что на берегу океана Бездны? Бывшую столицу империи Железного Солнца?

– А вы знаете какой-либо еще?

- Нет, просто... это небывалая удача, ведь я тоже еду туда!
Нексия качнула головой. Ее гибкая, тонкая шейка так и манила взгляд.
- Подозреваю, милорд, вы так решили только что, лишь бы всю дорогу глазеть на меня.
- Клянусь Агатой, нет! Стрелец свидетель: я еще утром решил ехать в Фейрис, и отправлюсь туда независимо от вас. Я даже начертил стрелку на карте, не стирать же ее теперь!
- Коль вы пообещали и стрелке, и Стрельцу, то я готова поверить.
- А готовы ли разделить со мной романтику дороги? Бескрайний простор, полную луну, сладкий и терпкий запах трав, пьянящий, как вино...
- Он пересел к ней поближе, приобнял за талию.
- Вижу, вы уже слегка опьянели, – отметила девушка.
- Они сидели на земле, покрытой мягким ковром. Очень удобное положение: вот ты сидишь в обнимку с девушкой, а вот одно движение – и вы оба лежите... Эта мысль взбудоражила Эрвина. Он прижался к Нексии, ощутил сквозь тонкое платье изгибы ее тела.
- Нам предстоит чудесное время. Каждый день бок о бок, среди дикой степи. Вечера у костра, с песнями и вином. Ночи в шатре...
- Он положил руку на голое плечо Нексии. Провел пальцами по ключице, огладил тонкую шею. Кожа девушки казалась мягче шелка.
- Милорд... – начала Нексия.
- Эрвин заткнул ей рот своим языком. На вдох или два она поддалась, прильнула к нему так сладко, что бросило в жар... Но затем резко отпрянула, закрывшись скрещенными руками.
- Милорд, этого не будет.
- Конечно, нет! Ни в коем случае, что вы...
- Он потянул ее к себе, нацелившись губами в точку под самым ухом.
- Отец предложил вам королевское приданное. Вы отказались.
- Ах, право... – шепнул Эрвин, целуя воздух там, где только что была девичья шея.
- Нексия вскочила на ноги и поглядела сверху вниз.
- Я не агатовка, милорд. Не была ею и не стану. Найдите иную партию.
- Милая леди, да разве о свадьбе речь? Я предлагаю вам нечто лучшее!
- Что именно, позвольте узнать? Быть, как и прежде, бесправною альтессой? Безответно любить вас? Кормить ваше тщеславие и услаждать вашу плоть?
- Эрвин с намеком облизнул губы:
- Я тоже не прочь поуслаждать вас немножко...
- Она отступила на шаг, не дав ему дотянуться.
- Вы не любите меня, вот в чем беда. Мое чувство было тяжелым и опасным грузом. Из-за него я рисковала и собою, и братом. Стала жертвой манипуляций, наглоталась Ульяниной Пыли, чуть не покончила с собой, когда думала, что убила вас. Я приняла решение избавиться от этого бремени.
- От любви ко мне?.. Боги, что за чушь! Это же невозможно!
- Нексия усмехнулась с неподдельной грустью.
- Не скрою, было трудно, однако я справилась. Я больше не люблю вас. Простите.
- Но вы же здесь! Разве это не доказательство обратного?!
- Я была в долгу перед вами. Долг снова и снова тянул бы мои мысли обратно к вам. Теперь он отдан – и я могу уйти с легкой душой.
- Эрвина будто водой окатили. Он хлопал глазами, не находя ни слова. Нексия уточнила:
- Я полагаю, вы отзываете свое предложение о помощи?
- А... что?..
- Вы едете в Фейрис, как и я. Но мы вполне можем двинуться разными дорогами.
- Отсюда одна дорога в Фейрис, и она довольно опасна. Езжайте с нами, миледи. Обещаю больше вам не досаждать.

– В таком случае, благодарю вас, милорд. Буду рада компании.

Звезда – 3

*Конец июля 1775 г. от Сошествия
Альмера; Дымная Даль*

Каждый получит на Звезде такое место, какого заслужил в подлунной жизни. Благородные и достойные люди, герои и мудрецы будут жить в светлых чертогах Праматерей, наслаждаясь творчеством и познанием. Честные труженики, отдавшие жизнь ремеслу, на Звезде поселятся в уютных домах с красивыми садами и навек забудут о нужде. Мошенники и воры, насильники и убийцы станут бездомными попрошайками. Грязные, голодные, покрытые язвами, они будут пресмыкаться перед честным человеком, каясь в преступлениях и выклянчивая милостыню... Но есть и те, кому не найдется места даже среди нищих. Души этих изгоев так изуродованы грехами, что лишились человеческих черт. Любой ужаснется, встретив их, и будет давить сапогами или гнать палками. Их жильем на Звезде станут смрадные канавы, а соседями – тараканы и крысы.

Один из таких изгоев, пока еще не умерший, сидит во главе стола с лазурной мантией на плечах. Его душа прячется под покровами тела, только поэтому люди могут вытерпеть его вид. Изгой держит речь:

– Праотец Пауль, я позволю себе обратиться в прошлое. Много лет назад святой Семнадцатый Дар прибыл в подлунный мир. Волею судьбы, чья линия чертится божьими руками, я очутился у ложа Дара одним из первых и должен был узреть великое чудо. Именно мне было предназначено узнать благую весть и передать ее людям. Ведь что такое Церковь, если не глас богов в подлунном мире? И кто таков я, если не вернейший рыцарь святой Церкви? Но группа злодеев и лжецов посмела скрыть от меня истину! Четверо мерзавцев, среди коих был мой собственный брат, обманом утаили благую весть! Правда о новом Сошествии была украдена подлецами!

Аланис не понимает, о чем он говорит. Слова изгоя не имеют для нее иного смысла, кроме одного: от них хочется блевать. Но второй изгой, прозванный Гной-гантой, вполне понимает собрата:

– Это тяжкое преступление. Гнев вашего преосвященства полностью оправдан.

– Вам, Праотец, нужно знать и то, что благая весть успела открыться нескольким честным людям: юным братьям Шейландам и их телохранителям. Злодеи убили рыцарей и до полу-смерти запугали мальчишек, чтобы те не посмели выдать тайну. Лишь два года назад Виттор Шейланд набрался смелости и раскрыл мне правду. Но в этой задержке нет его вины! Печать страха сковывала его уста, а наложили ее звери в людском подобии. Имена зверей – Телуриан, Айден и Десмонд.

– Мне это известно, – кивает Пауль. – Это я дал честному графу Виттору сил на праведный поступок.

– Вы сделали гораздо больше, Праотец! Вы предали грешника Айдена пламенной смерти – и этим не только покарали его самого, но и указали мне путь истины. По слабости веры я, ничтожный, начал было сомневаться в божьей справедливости. Но вы громогласно доказали: ни один преступник не избежит карающего меча! Каждый еретик заслуживает только одного: огня! Если смертные прощают еретиков, то Праотцы приходят на землю, чтобы свершить наказание. Я устыдился и отринул сомнения. Отныне я готов сеять очистительный огонь!

Речи изгоя Галларда настолько лишены смысла, что Аланис чувствует не гнев, а головокружение. Мир выворачивается наизнанку. Мышей называют людьми, мечи – граблями, солнце – помойным ведром. Кажется, сам Темный Идо, владыка лжи, вещает устами дяди.

– Вы благочестивый человек, – как ни в чем не бывало отвечает Пауль. – Я истинно счастлив встретить такую святость в мире смертных. Столь верному слуге богов, как вы, я могу оказать любую помощь.

Галлард склоняет голову и чуть заметно краснеет, будто одобрение Пауля осчастливило его. Холодная тьма, не может же он верить, что Пауль – действительно Праотец! Аланис отводит глаза, не в силах видеть это лицемерие. Ведет взглядом по остальным за столом.

Со стороны Галларда сидят трое: леди Лаура, альмерский полковник и аббат Боевого братства. Они корчат восторженные рожи, чуть слюни не пускают. Особенно преуспевает Лаура: держит мужа за край мантии, розовеет, как персик, и дышит раскрытым ртом.

Со стороны Пауля – Чара, Юхан Рейс и ганта Корт. Они удивлены. Не так сильно, как заслуживает этот идов спектакль, но все ж какой-то признак ума. Корт крутит ус, Чара покусывает ноготь, Юхан робко обращается к Паулю:

– Гной-ганта, позволишь ли задать вопрос?

– Ты мне как сын. Спрашивай, что хочешь.

– О какой истине говорит священник? Что за благая весть?

– Я пришел в подлунный мир в день Семнадцатого Дара. Все честные люди должны были узнать об этом, но злодеи скрыли правду на много лет.

– Почему ты не пришел к нам тогда?! Мы бы сразу приняли тебя своим вождем!

– Вы не были готовы, дети мои. Вы и сейчас не вполне готовы, раз не обучены сдержанности.

Юхан вскидывает руки в мольбе о прощении:

– Извини, Гной-ганта. Я всему научусь!

Пауль благосклонно треплет его плечо. Обращается к Чаре:

– Я вижу, дочка, тебя тоже терзает вопрос.

– Почему альмерец зовет тебя Праотцом? Разве он настолько глуп, что не узнал Гной-ганту?

Пауль улыбается ей.

– Взгляд смертных узок, разум – слаб. Вы не можете постичь мою сущность целиком. Каждая из земных религий видит только часть меня. Сыны Степи зовут меня Гной-гантой, ибо я повелеваю смертью и тленом. Его преосвященство зовет Праотцом, ибо я пришел из мира богов чтобы наставлять людей. И то, и другое – части моего естества.

Шаваны обретают благоговейный вид, будто зеркалят рожицу Лауры. Аланис закрывает глаза, чтобы те не выпрыгнули из орбит. Я здесь одна в своем уме? Как вы умудрились свихнуться все разом?!

– Праотец Пауль, – говорит Галлард, творя спираль, – вы должны знать, что мои славные рыцари и монахи Боевого братства – столь же страстные поборники святости, как и я сам. Они смогут с полной мощью нести грешникам искупительный огонь, если вы, Праотец, одарите их Перстами Вильгельма.

Шаваны мечут в Галларда ревнивые взгляды. Это они – ханида вир канна, достойные видеть. Альмерец такой чести не заслужил! Но Пауль отвечает:

– Сыны Степи, будьте щедры с друзьями. Люди его преосвященства грудью закрыли вас от нашествия нетопырей. Если б не рыцари Альмеры, Ориджин пришел бы к вам раньше меня.

И он кивает Галларду:

– Я дам вам Персты, святой человек. Два – сейчас, еще шесть – после следующей битвы.

Дядя вертит спираль, изрекая благодарность. Лаура шепотом молится – не то Паулю, не то мужу.

– Святой Праотец, – дрожа от благоговения, произносит вильгельминский аббат, – позвольте еще одну просьбу от имени честного альмерского люда. Жители Флисса напуганы бли-

зостью орды. Им стало бы спокойней от одного вашего слова: заверьте их, что шаваны не тронут ни город, ни предместья.

– Клянусь вам! – Вздывает руку Пауль. – Девы Флисса могут гулять ночью нагишом, а богачи – бросать кошельки прямо на улицах. Шаваны пришли сюда для святого дела, а не ради наживы.

Аланис не выдерживает:

– Тьма сожри, вы же грабили всю дорогу от Юлианина моста!

Корт и Юхан истово кивают: да, верно говоришь, как это – не грабить? Пауль успокаивает их одним движением пальца.

– Сыны Степи служили мне верою и правдой, не жалея крови. Они заслужили награду – не ради наживы, но ради справедливости.

Галлард и аббат дружно кивают:

– Мы обеспечим награду, Праотец! Храмы и гильдии Флисса уже собрали пожертвования. Мы вывезем в поле четыре полных телеги серебра.

– Хорошая награда для простых воинов. Но ханида вир канна, мои лучшие воины, достойны большего. Выделите каждому из них по тысяче эфесов.

– Да будет так! – восклицает Галлард.

У Чары жадно сверкают глаза, Корт расплывается в улыбке. Молодой Юхан спокоен: он очень богат, мысли о золоте не наполняют его рот слюной. Для него это вопрос справедливости.

– Спасибо за честное решение, приарх. Свою тысячу я раздам всадникам.

И снова Пауль отеческим жестом треплет его плечо. Галлард гладит кудри Лауры, она шуруется от блаженства.

– Святой Праотец, я столь обласкан вашей щедростью, что новая просьба станет кощунством. Но я погрешу против совести если честно не выскажу того, что терзает душу.

– Говорите же, ваше преподобие.

– Наследие моего отца, град Алеридан, томится под властью захватчиков – Фарвеев. Не будет ли справедливо изгнать их оттуда и вернуть город?

На сей раз Пауль качает головой:

– Герцог Надежды щедро заплатил мне за мир. У нас два сильных врага – Корона и волки, ни к чему добавлять еще и Фарвея. Тем более, – Пауль глянул на леди Лауру, – что Фарвей теперь ваш родич.

– А как же Алеридан? Неужто он должен остаться в руках чужаков?!

– Ваше преосвященство, мы решим этот вопрос после победы над волками. А до той поры предлагаю вам компенсацию. Выберите любой город Земли Короны по своему вкусу: Оруэлл, Арден, Маренго. Мои всадники возьмут его для вас!

Галлард пробует скрыть довольную ухмылку, его лживая рожа становится еще противнее.

– Благодарю вас, Праотец. Священный Арден, последний приют Праматерей, всегда был близок моему сердцу.

Тогда Пауль обращается к Рейсу:

– Мой сын, я назначаю тебя своею правой рукой. Ты получишь дюжину Перстов и двенадцать тысяч всадников, и поведешь их в Земли Короны. Ради славы Степи и Духов-Странников, захвати Фаунтерру и Арден, и все другие города, какие только захочешь!

Юхан давно предупрежден о назначении, как и все вожди орды. Пауль заранее оповестил всех и показал гантам, как будет говорить с Юханом через Предмет. Приказы юного Рейса шаваны должны исполнять, как приказы самого Гной-ганты. Мистическая связь Предметов глубоко потрясла всадников. Им казалось, Юхан и вправду стал частью тела Пауля.

– Ради Духов-Странников клянусь, что положу Фаунтерру к твоим ногам!

Юхан Рейс бьет себя в грудь и преданно глядит на Гной-ганту. Корт и Чара одобрительно кивают.

А Галлард кашляет, чтобы привлечь внимание:

– Праотец Пауль, я как никто обласкан вашими дарами. Греховной гордыней с моей стороны будет считать, что эти дары заслужены. Я, ничтожный божий червь, пока недостойн вашей доброты, но надеюсь в будущем оправдать ваше доверие. Потому спрашиваю: чем могу послужить вам?

Пауль разводит руками:

– Ваше преосвященство все делает правильно. Просто идите дальше тем же путем.

– Мне следует разить грешников и врагов Святой Церкви?

– Конечно.

– И оповещать честный люд о вашем пришествии?

– Кто сделает это лучше, чем вы.

– Помочь вам спасти графа Виттора из осады?

– Если это обременит вас, то я справлюсь и без вашей помощи. Сыны Степи – мои верные воины, о лучших я и не мечтаю.

– Я почту за честь оказать вам содействие. Мои корабли к вашим услугам, Праотец. А также батальон рыцарей и батальон Боевого братства.

– Ваше преосвященство – святой человек!

Пауль осеняет Галларда спиралью, и тот аж тянется, чтобы подставить лоб. Сейчас, как никогда, Аланис презирает их обоих.

– Желаете ли вы узнать мои планы? – спрашивает Пауль. Не только у приарха, а – у всех.

– Да, Гной-ганта!

– Мы будем счастливы, Праотец!

– Пока Юхан Рейс будет захватывать столицу, мы отправимся по воде в Уэймар. Десмонд Ориджин осаждают графский замок – а мы высадимся ночью и ударим ему в тыл. Одним махом уничтожим старого волка и освободим графа Виттора – того, кто для меня более чем друг. Благодаря Виттору Шейланду люди узнали о моем пришествии, а значит, он – вестник истины и любимец богов. Оказавшись в Уэймаре, я определю Избранного.

Он ставит ударение на «избранном» и делает паузу, наполняя слово таким смыслом.

– Кто такой избранный? – спрашивает Чара.

– Избранный, – повторяет Пауль так, будто в одном слове – вся сила.

И замолкает надолго. Пустота в его глазах обретает оттенок печали. Аланис множество раз посещала театры и насмотрелась всяческих комедий. Но настолько абсурдный спектакль ставит ее в тупик. Расхохотаться в истерике? Освистать эту чушь? Заплодировать?.. Ведь Пауль достоин аплодисментов – с неподдельной грустью на лице он произносит:

– Рано или поздно я покину гостеприимный мир людей и вернусь к себе. Один из смертных, самый великий и достойный, продолжит мое дело. Он станет Избранным – любимцем богов, их голосом на земле. Ему я оставлю всю свою силу.

Люди хлопают глазами, усваивают сказанное. Юхан и Лаура даже шевелят губами, словно повторяя за Паулем святыя слова. Аланис мечется взглядом, ищет хоть одно трезвое лицо, ироничную усмешку – хоть кого-то с каплею рассудка!..

– Куда ты уйдешь? – Тревожно спрашивает Чара. – В Орду Странников?..

Пауль разводит руками, будто ответ самоочевиден.

– Когда?

– Не бойся, лучница, не скоро. В этом мире еще многое нужно сделать.

Галлард говорит прерывисто, с необычной хрипотцой:

– Как вы... определите Избранного?

Пауль сводит брови, будто всерьез размышляет:

– Выбор будет труден. Я встретил многих очень достойных людей... – Он поочередно смотрит на каждого за столом, молчаливо одаривая похвалой. – Первым и самым надежным

из моих соратников стал граф Виттор Шейланд. Право первенства – за ним; но свое слово еще не сказали боги. В Уэймаре я проведу ритуал, который выявит Избранного.

Впервые Пауль задерживает взгляд на Аланис. Что-то неясное мелькает в глазах...

– В ходе ритуала Избранный умрет, а затем возродится к жизни. Так боги утвердят мой выбор.

* * *

Галлард пригласил гостей на ночлег в летний герцогский дворец – то бишь, в ее собственный. Приарх выделил Праотцу Паулю и его женщине лучшие комнаты с видом на озеро – спальни инфантов. Пауль получил постель убитого им Альфреда Альмера; Аланис – свою. Здесь до сих пор остались несколько ее платьев и книг, и любимая с детства кукла. Конечно, Аланис не притронулась ни к чему. Она вызвала шаванских служанок, велела подать походную одежду и походную постель, и выставить у дверей стражу из ханидов. Надела бальные перчатки и не снимала их, находясь в спальне. Вместе с Чарой осмотрела комнату в поисках отдушин, отравленных игл, скрытых самострелов. Только потом вышла на балкон отдохнуть.

Флисская бухта была так забита кораблями, что, казалось, не увидеть воды. Дядя согнал сюда весь флот герцогства и, похоже, нанял в Холливеле дополнительные суда. Часть кораблей уже начала погрузку: ручки припасов текли с берега на пирсы и в трюмы. Отплытие со дня на день... Значит, через неделю путь подойдет к концу?

Балкон был общим на две спальни. Из комнаты Пауля донеслись голоса, и Аланис не удержалась от соблазна: на цыпочках подкралась к двери, наострила уши.

– Не забывай о человеке, которого я описал, – говорил Пауль странным, напряженным голосом. – Есть шансы, что ты встретишь его в Фаунтерре. Будь крайне осторожен.

Отвечал Юхан Рейс:

– Гной-ганта, ты говорил, он юн и слаб. Зачем осторожность?

– Этот паренек коварен, как крибола. Он кажется невинным младенцем, но станет крайне опасен, если получит в руки Предмет. Потому запомни мои слова. Не верь Натаниэлю. Если услышишь о нем – сразу доложи мне. Если встретишь его – немедленно убей!

– Он ханида вир канна? Он предал тебя?

– Я считал его другом, а он бросил в страшной беде. Из-за него я потерял десять лет жизни.

– Я отомщу! – горячо воскликнул Юхан. – Сдеру шкуру с этого гада и пришлю тебе!

– Знаю, что могу тебе верить.

Аланис совершила ошибку: она ожидала словесного прощания. Но, видимо, Пауль жестом отпустил Рейса и внезапно, без предупреждения, распахнул дверь на балкон.

– Моя р-радость, – прорычал он, хватая ее за грудки.

Лучшая защита – нападение. Аланис всегда это знала.

– Неужели ты всерьез доверяешь этому юнцу? Думаешь, он возьмет Фаунтерру?!

– Год назад Фаунтерру взял другой юнец, с ним было меньше батальона. А у Рейса будет пятнадцать тысяч всадников, дюжина Перстов и мой голос. Сложно представить более сильное войско.

– А как он перейдет Бэк? Персты не помогут форсировать реку. Если Минерва не дура, она встретит Рейса на переправе.

– Вот и хорошо. Чем больше врагов соберется на Бэке, тем меньше придет на север. Я слышал, в графстве Эрроубэк стоят пять батальонов кайров. Вот пускай там и остаются.

Аланис криво усмехнулась:

– Значит, ты отдал Рейса в жертву? Паренек на тебя молится, а ты бросил его в мясорубку, лишь бы отвлечь врага?

Она повернулась к бухте, заполненной кораблями:

– Ага, так вот в чем дело! Как я сразу-то не поняла! Тебе не хватает судов, чтобы перебросить в Уэймар всю орду. И ты нашел применение тем шаванам, кто не поместился: сковать ими здешние силы врага. Очень разумно...

Пауль самодовольно ухмыльнулся. Аланис припечатала:

– И лживо, тьма сожри! Все твои громкие речи – вранье! Чем громче, тем грязнее. То ты Гной-ганта, то Праотец. Одному обещаешь Фаунтерру, другому – Арден. А на самом деле, просто спасаешь шкуру своего господина – мерзавца Шейланда! Как тебе не противно – служить такому слизняку?!

– Я никому не служу, – огрызнулся Пауль.

Ободренная его гневом, она пустила новую стрелу:

– Конечно! Именно поэтому ты не идешь на столицу, а мчишься в Уэймар, будто песок. «Ко мне», – крикнул хозяин, и ты со всех ног.

Пауль зло стиснул зубы. Она щелкнула по Голосу Бога на его руке:

– Держу пари, у Шейланда тоже есть такой. Чтобы мгновенно посылать приказы своей собачке.

Пауль молчал несколько вдохов, а затем тихо произнес:

– Будь добра, принеси мне одну вещицу. Лежит в моей комнате в тумбе у кровати, верхний ящик.

– Сам возьми. Я тебе не слуга.

Он поймал ее за палец и слегка нажал, выворачивая сустав.

– Я очень тебя прошу.

Аланис поняла, что слишком увлеклась. Очень сладостно было унижать этого гада, но за эту радость можно дорого заплатить. Едва он отпустил ее руку, Аланис покорно пошла в спальню Пауля... то есть, Альфреда. Вечно живой брат смотрел на нее с портрета. Она задержалась перед картиной и сказала брату пару слов. Потом подошла к тумбе.

Когда рука уже коснулась ящика, возникла догадка: возможно, это – мое наказание? Открою, а внутри что-нибудь жуткое – человеческое сердце, например... Смешно. После всего, что было, чем он хочет меня напугать?

Аланис решительно выдвинула ящик. Там лежала Вечность.

Черный шар с белесыми прожилками.

Кажется, он стал меньше, чем был в день битвы с Лиллидеем. И точно меньше, чем в Рей-Рое. Но размер не имел значения.

Аланис попятилась, холодея с головы до ног. Зачем ему Вечность?! Пауль надевал ее только в дни самых опасных боев... И еще – ради убийства. Как с Мораном и Беккой Литленд.

Она ощутила, как шевелятся волосы на затылке. Вечность – не просто смерть! Души Морана и Бекки не попали на Звезду. Они до сих пор там, внутри тел, в темницах, в камне. Живые, но неподвижные. На годы... на века...

– Ты не уснула?! – крикнул Пауль.

– Агата, дай мне смелости, – прошептала Аланис, сотворила спираль и потянулась к Предмету.

Отдернула руку. Перчатки – не защита, Вечность действует сквозь ткань. Она выдвинула ящик на всю длину, подергала вверх и вниз, с хрустом вырвала из крепления. Прямо в ящике вынесла Предмет на балкон.

Пауль встретил ее долгим взглядом. Рассмотрел все фрагменты ее страха. Бледное лицо, круглые глаза, ящик в дрожащих руках, внутри которого перекачивается круглый Предмет...

Он облизнул губы:

– Это все, ступай.

* * *

Плавание через Дымную Даль наполнило Аланис мерзкой меланхолией. Она ненавидела тоску, сентиментальность, ностальгию. Считала бесполезными все вялые чувства и презирала себя, когда ощущала грусть. Но тьма, как было не ощутить?..

Вместо всего, что было в Степи и в Альмере, вместо риска, ужаса, злобы, крови, – пришел тягучий покой. Корабли шли по озерной глади, тихо и монотонно плескала вода за бортом. Шаваны не грабили и не дрались, даже не очень шумели. Долгие часы просиживали на палубе, плясая на Дымную Даль. Большая вода завораживала их. Время от времени кто-то затягивал унылую гортанную песню, другие не то подкаркивали, не то подвывали. Аланис тонула в трясиине тоски. Думалось о скором конце пути и о том, что осталось за спиной. По правде, скверная жизнь получилась – сумбурная, пустая.словно красивый сосуд с огромною трещиной: ничего не осталось внутри, все вытекло до капли. Последний год она только и смотрела, как утекает прочь... Подставляла руки, пыталась удержать, собрать, спасти. А оно лилось сквозь пальцы... Теперь подходит срок. Скоро в дорогу – и что взять с собой? Ничего уже нет, кроме битого фарфора...

Хотелось поговорить. Развеемся чем-нибудь, кем-нибудь. Чара плыла тем же кораблем, но избегала Аланис, странно смотрела на нее и Пауля. Неужели ревновала?..

Аланис улучила момент, сказала Чаре наедине:

– Довольно этих взглядов. Между мной и ним ничего не было. Забирай его себе, коли хочешь.

Лучница ответила:

– Ты змея. Хотя сперва казалась львицей.

– Чем же я тебе не угодила?!

– Ты хитрая и скользкая. Я сказала Гной-ганте, чтобы не доверял.

Она ушла, не дав ответить. Стало еще тоскливей. Если кто-то в орде и нравился Аланис, то именно Чара.

Пауль подолгу просиживал в каюте, лишь изредка показываясь наверху. Кажется, ему тоже было не по себе, как и Аланис. Он выходил на палубу послушать шаванское пение или посмотреть на кувшинки. Аланис не верила, что существо без души может испытывать меланхолию. Наверное, он просто голодал: уже несколько дней без единого убийства...

Такою была глубина ее тоски, что даже омерзение к Паулю скрылось под этой толщей. Аланис подумала о поцелуе с ним и не ощутила тошноты. Теперь она смогла бы зайти к нему в каюту и утешить. Получить первокровь, завладеть Перстом... Но в этом больше не виделось смысла. Пауль не зря напомнил ей о Вечности. Этот Предмет – абсолютный щит, никакое оружие не пробьет его, даже Перст Вильгельма. Аланис никак не одолеет Пауля. А вот он может сделать с нею нечто гораздо хуже смерти. Абсолютная неподвижность и вечная тьма... Аланис содрогалась от одной мысли.

Несколько раз она ловила на себе взгляд Пауля – не похотливый, но и не ледяной, какой-то до странности человечный. Однажды Пауль заговорил с нею:

– Красивое озеро, правда?

– Да, командир, – солгала она.

Дымная Даль была чересчур спокойной на ее вкус и слишком часто покрывалась туманом.

– Ты хочешь чего-нибудь?

– Нет, – солгала она, – я всем довольна.

– Хочешь, верну тебе красоту?

Она удивилась: неужели уныние настолько меня портит? Достала пудреницу, посмотрела в зеркальце. Нет, печаль лишь обогатила ее черты, как прежде – боль.

– Я уже прекрасна, – сказала Аланис.

– Это правда... – выронил Пауль и ушел.

В другой раз он спросил ее:

– Чего грустишь?

– Никак нет, тебе показалось.

– Врешь. Что не так?

Аланис буркнула:

– Голова болит. Видимо, на погоду.

Пауль сказал:

– Не бойся, мы всех их победим.

– Мы?..

И тут она впервые за много недель пути задумалась: зачем я ему? Я опасна, от меня множество хлопот. Почему не прикончить?

Когда-то был договор: Кукловод обещал мне красоту, Пауль обещал доставить меня невредимой. Смешно и наивно! Он развеял заблуждения в первый же день, когда отрезал пальцы. Слово Пауля не значит ничего. Так зачем он сохранил мне жизнь?

Как герцогиня я не нужна, ведь Галлард на их стороне. Как заложница бесполезна – кто меня выкупит? В Надежде пригодилась как советчица, но это давно позади... Он влюбился? Чуть. Когда мог взять – оттолкнул и сбежал.

– Мы победим, – повторил Пауль. – Все будет хорошо.

* * *

Однажды Галлард с Лаурой прибыли в гости на судно Пауля.

Дядя сильно изменился со дня прошлой официальной встречи. Тогда он был во власти восторженного пафоса, сейчас – строг и деловит. Лаура с блокнотом и карандашом, очевидно, готовилась играть роль секретаря.

– Святой Пауль, прежде всего я хочу сообщить вам, что каждый день рассылаю голубей епископам и аббатам Праотеческой ветви. Благая весть о вашем прибытии разносится на птичьих крыльях по всему миру. Рассказы о вас скоро зазвучат в церквях и соборах, наполняя светлой радостью души прихожан.

Пауль состроил лицо, будто позировал для иконы.

– Благодарен вашему преосвященству. Требуется ли вам помощь?

– Нуждаюсь в советах, потому и пришел. Хочу согласовать с вами ряд богословских нюансов.

– Я к вашим услугам.

Лаура раскрыла блокнот и положила так, чтобы Галлард мог видеть список вопросов.

– Перво-наперво, – начал приарх, – как мне следует звать вас? Достаточно ли имени – Праотец Пауль?

Мерзавец будто ждал этого вопроса:

– Я – вестник богов, вождь Духов-Странников, носитель очищающего пламени и наставник праведных.

Когда Лаура записала все титулы, Пауль добавил:

– Впрочем, ваше преосвященство правы, для глубины почты довольно имени – так короче.

Приарх перешел ко второму вопросу:

– Во всем ли вы согласны с учением прежних Праотцов? Требуется ли коррективы?
– Во всем, – кратко рубанул Пауль.
– Боги прислали вас в наш мир, чтобы...
– Очистить его от греха! Тьма сожри, вы погрязли в пороках! Семнадцать веков боги терпели эту дрянь, но теперь довольно!

Сверкая глазами, Пауль стукнул кулаком по столу. Лаура пугливо отшатнулась, Галлард сотворил спираль:

– Горькая правда в ваших словах, Праотец. Мир порочен, как никогда прежде. Ваше пришествие – спасение для нас.

– Так и запишите, – буркнул Пауль.

Лаура скрипела карандашом, а Галлард шел дальше по списку.

– Вы прибыли вместе с Семнадцатым Даром, но дали смертным себя узреть лишь недавно...

– Неправда! Виттор и Мартин, первые из достойных, узрели меня еще в ложе Дара.

– Почему вы скрывались от остальных?

Пауль изобразил грустную усмешку и погладил Аланис по спине.

– Моя женщина знает: я строг, но очень добр. Мое сердце полно сочувствия и болит всякий раз, когда страдают люди. Много лет я только наблюдал за Поларисом, втайне надеясь, что люди сами отринут грех. Я думал, земные владыки мирно приведут народ к праведной жизни, и мне не придется обнажать огненный меч. Но увы, надежды были тщетны.

– Земные владыки растоптали писание! – Тяжко вздохнул Галлард. – Какие именно грехи распространились более всего?

Пауль наморщил нос:

– Вопрос священника или глупого школяра? Вы лучше меня знаете людские грехи!

– Да, Праотец, разумеется. Просто я хотел убедиться и сверить...

– Ваше чистое сердце праведника – лучший компас в океане морали! Вы найдете путь и без моей подсказки.

Лаура с благоговением погладила святую руку мужа. Он задал новый вопрос:

– Вы прибыли в наш мир один?

Впервые Пауль замялся, ответил после долгой паузы:

– Со мной была Праматерь, но она погибла в пути. Закатники зовут ее Павшей.

Лаура ахнула, Галлард опустил голову:

– Это тяжкая утрата. Не оценить весь масштаб потери...

– Так было угодно богам, – процедил Пауль.

– Вы хотите сказать, что гибель Павшей была... предопределена?

– Как все в подлунном мире.

– И в этом содержится урок для нас?

– В прошлый раз к вам пришли сотня Праотцов и семнадцать Праматерей, но вы больше цените семнадцать, чем сотню! Вы слишком падки на женщин. Если бы Павшая выжила, весь мир пресмыкался бы перед нею, а меня вовсе бы не заметили.

Галлард помял подбородок, размышляя.

– Смертные по недомыслию преувеличили роль Праматерей и преуменьшили важность Праотцов?

– Ваши императоры молятся Янмэй, которая была всего лишь советницей. А кровь Вильгельма – величайшего из королей – утрачена, ибо вы ведете род по матери, а не отцу.

Чем жестче говорил Пауль, тем светлей становилась рожа дяди. Даже вековые морщины на ней начали разглаживаться.

– Святой Праотец, вы дарите мне великое счастье! Ваши слова подтверждают мои собственные мысли! Я всегда был уверен, что дамы слишком многое берут на себя. Свое место в мире прими с достоинством! Место женщины – у колыбели, но немногие помнят об этом!

Пауль только кивнул, давая Галларду продолжить. Дядя с чувством заговорил:

– Давайте выясним, кто для чего приспособлен богами. Мужчине дано больше силы, чем женщине, – стало быть, это он создан для борьбы. Мужчина умнее и мудрее, а значит, только он может стать хорошим правителем. Мужчина способен сосредоточиться на деле, следовательно, он быстрее женщины достигнет совершенства в искусстве или ремесле. Мужчина не подвластен глупым страстям, хладнокровен, тверд, верен слову – это ли не самые благородные качества? Выходит, подлинным дворянином, аристократом и лордом может считаться только мужчина!

Пауль всем видом поддерживал эту ересь, притом не забывая гладить Аланис по спине. Внутри у нее закипало, она с трудом сдерживала себя. А вот Лаура даже сейчас поддакивала мужу. Упиваясь ее восторгом, Галлард вешал:

– На что же годится женщина, позвольте выяснить? Она хрупка, слаба, бессильна, словно чахлый цветок. Приспособлена не к выживанию и борьбе, а лишь к тому, чтобы принимать заботу. Переменчива и лжива, ее слово не стоит и агатки. Зная свою слабость в честном бою, женщина склонна хитрить и лукавить. Потому благородство и честь чужды ей. Женщина – скверная соратница, зато большая обуза. Если взять ее в дорогу, путь станет труднее. Если разделить с ней беду, беда возрастет. Так для чего же годится это создание?

– Для красоты, – изрек Пауль, переместив ладонь ниже, на ягодицу Аланис.

– Да, тела некоторых женщин приятны взгляду. Они годятся, чтобы украсить жизнь мужчины – в той же мере, как живописное полотно, узорчатый кубок или перстень работы ювелира. Кроме того, есть виды работ, доступные женскому уму. Воспитание детей, рукоделие, домашнее хозяйство... Что объединяет эти ремесла? Только одно: они не требуют ни силы, ни таланта! Много ли мастерства нужно, чтобы менять пеленки или вертеть иглой?..

Аланис не стерпела:

– Запишите, леди Лаура: Светлой Агате едва хватало ума, чтобы стирать пеленки.

Лаура даже не повела бровью:

– Безо всяких записей я помню о вреде гордыни. А вы, миледи, в присутствии самого Праотца позволяете себе гнев и сарказм. Разве это не подтверждает слова моего лорда-мужа?

Аланис поперхнулась. Лаура ответила так быстро, будто заранее предвидела выпад.

– Не стоит забывать еще одно женское дело, – ввернул Пауль, – любовные утехы. Мужчине порою требуется отдых от праведных трудов, час наслаждения, дабы развеять нелегкие думы. Что усладит его лучше, чем женское тело?

Лаура залилась румянцем. Галлард прочистил горло:

– Гм... да, порой оно так... Но нельзя потакать пороку легкомыслия!

– Отчего же? У женщины – замок, у мужчины – ключ. Они созданы друг для друга.

– Похоже, – обронила Аланис, – ключ дяди заржавел, а Лаура ковыряет замочек булавкой...

Пауль не сдержал усмешки, Лаура покраснела до корней волос. Галлард демонстративно схватил блокнот и зачитал новый вопрос:

– Вселенский собор, состоявшийся в июне, обвинил меня в ереси и ограничил мои властные полномочия. Что скажет на это Праотец?

– По неясной причине ваше преосвященство боится удовольствий... Однако это не повод для строгого суда. Во всем остальном вы – праведник. Я отмечаю решение собора смертных!

– Вселенский собор был учинен по наущению высших матерей, в особенности – Алисы, Октавии и ныне покойной Корделии. Я считаю это намеренной провокацией, попыткой подорвать Церковь Праотцов.

– Полностью согласен с вами. Раздор между ветвями Церкви противен богам. Духовенство должно сплотиться... под властью мужчины.

Галлард аж подался вперед:

– Что мне следует сделать?

– Ведите проповеди, ваше преосвященство. Сообщайте людям благую весть. В мир пришел Праотец – мужчина. Он укажет Избранного, который тоже будет мужчиной. Церковь Праматерей подчинится мудрости богов – или рухнет.

Галлард умолк, погрузившись в мечты. Ярость вновь закипела в душе Аланис. Что же за тварь сидит перед нею?! Безродный мужик или чужестранец с Фольты еще мог бы мечтать о крахе Праматерей. Но Галлард – агатовец, потомок Пресветлой! Как он может топтать ее память!..

Воспользовавшись паузой, Лаура подала голос:

– Праотец Пауль, простите мне девичье любопытство... Я не сплю третью ночь, пытаюсь вообразить: как будет выглядеть тот ритуал? Вы сказали, что Избранный воскреснет... значит, сначала он будет убит для испытания?

– Славное дитя, ничего не бойтесь. Если избранным станет ваш супруг, он не ощутит никакой боли. Только на миг заглянет за порог – и сразу вернется в ваши объятия.

– Мой лорд-муж ничего не боится, его храбрость идет от бескрайней веры. Но я слаба и так тревожусь... Он для меня – целый мир! Если он погибнет, я не смогу жить!

– Роль Избранного – добровольна. Я не понукаю вашего супруга. Так или иначе, граф Виттор – первый претендент...

– Нет! – С жаром выкрикнула Лаура. – Граф Виттор менее достоин! Вы же видите, что мой супруг – само воплощение праведности! Позвольте ему первым пройти ритуал!

Галлард взял ее за руку:

– Будет уже, не досаждай Праотцу...

– Но он должен знать! Вы – лучший и достойнейший! Виттор случайно стал первым! Ведь это вы должны были войти в ложе Семнадцатого Дара, но Айден оттеснил вас.

– Мерзавец... – процедил приарх.

У Аланис вырвалось:

– Мой отец утер вам нос? Ах, как печально!

Пауль болезненно ткнул ее меж ребер. Спросил Галларда:

– Верно ли я понимаю, что вы хотели бы пройти испытание прямо здесь, на судне?

– Не сочтите за дерзость, Праотец, но чем быстрее станет ясна моя роль, тем лучше я послужу богам.

– Боюсь, это невозможно. Для испытания нужен Предмет, который находится в Уэймаре. Могу пообещать лишь одно: вы и граф Шейланд пройдете испытание в один час. К вечеру второго дня в Уэймаре Избранный уже определится.

– Благодарю, – сухо выронил дядя.

А Лаура состроила плаксивое личико и сказала Паулю:

– Святой Праотец, позвольте мне еще одну мольбу... Великодушно простите, если она покажется глупой. Сделайте уступку моей юности...

– Говорите же, миледи!

– Нельзя ли моему лорду-мужу узнать заранее, Избранный ли он? Чтобы в день испытания иметь уже твердую уверенность.

Пауль удивился:

– В чем же тогда смысл испытания?!

– По вашим словам, Избранный должен будет умереть, а затем воскреснуть. Нужна огромная смелость, чтобы взглянуть в лицо гибели. Ее-то и проявит мой супруг. Но если

Избранный – не он, то в ходе испытания он погибнет безвозвратно. А какой в этом смысл? И стоит ли вам, Праотец, без толку терять ценного союзника?

Тогда Аланис перестала себя сдерживать – с громким смехом захлопала в ладоши:

– Bravo, дядя, bravo! Гениальная задумка: узнать исход испытания до его начала! Вот бы греям так можно было, и студентам университета! А чтобы не позориться самому, вложили идею в уста Лауры. Ей-то простительно, она мелкая глупышка...

– Не смей дерзить в присутствии Праотца! – Взревел Галлард.

Аланис было не остановить:

– А может, это я – Избранный? Не думали о таком? Я шла с Паулем через пустыню, пока вы получали трепку от Эрвина. Я помогла Паулю добыть Предмет – видимо, тот самый, что нужен для испытания. И, тьма сожри, в моем мизинце больше отваги, чем у вас с Шейландом вместе взятых!

Галларда с Лаурой буквально перекосило. Они долго тщились привести лица в порядок. Наконец, Галлард произнес:

– Праотец Пауль, будьте осторожны: вы пригрели змею на груди.

– Красивую змею, – сказал Пауль с гордостью и погладил волосы Аланис. Затем хлопнул ее по спине: – Молодец, показала себя. А теперь – ступай.

– Что?..

– Нам нужно поговорить. Ты мешаешь. Поди вон.

Аланис вышла под торжествующим взглядом Лауры.

* * *

Задолго до того, как флот подошел к Уэймару, Пауль принял меры предосторожности. Он выдвинул вперед остального флота разведывательные суда с парусами сизого цвета, почти незаметные издали. Самые зоркие матросы дежурили в «вороньих гнездах» с подзорными трубами. Пауль хотел заметить корабли северян до того, как сам будет замечен ими.

Но Десмонд Ориджин не давал о себе знать. От горизонта до горизонта лежала чистая озерная гладь без единого суденышка. Только чайки парили в небе, выдавая близость побережья. Пауля волновало это. Десмонд имел в Уэймаре три батальона, еще три под началом Стэтхема были на подходе. Если северяне успеют собраться, то почти сравняются числом с армией Пауля. А если затаятся и нападут неожиданно, в момент высадки шаванов на берег... Дети Степи непривычны к кораблям, высадка пойдет неловко и трудно, войско будет крайне уязвимым в этот час.

Наблюдая тревогу Пауля, Аланис злорадствовала.

– Питаете неуверенность, Праотец? Отчего же?

Он позвал ее в каюту, запер дверь.

– Скажи: чего нам ждать?

– Почему же вы спрашиваете меня? Вам помогает святой мудрец, глава Праотеческой Церкви. Не лучше ли призвать его в советники?

– Не ерничай, – огрызнулся Пауль. – Сама знаешь: Ориджин трижды разбил святошу. Мне не нужен совет, как проиграть в четвертый раз.

– Змея, поди прочь, – мстительно бросила Аланис.

Пауль смерил ее взглядом, выбирая подходящий кнут. И применил похвалу:

– Да, ты лучше его. И, пожалуй, лучше Кукловода. А вот лучше ли Ориджина – не знаю.

Аланис ощутила стыд – от того, что лесть мерзавца была приятна ей. Пряча неловкость, она ответила:

– Здесь не младший Ориджин, а старший. С ним не тягаться ни мне, ни тебе.

– Он готовит ловушку. В чем она состоит?

– Не могу знать.

Пауль поморщил губу:

– Мы оба понимаем: корабли – легкая мишень для Перстов. Если Ориджин знает о нас, то примет бой на суше. Либо ударит при высадке, либо впустит на узкие улицы города – а там нападет из засады. Есть один способ выкурить его: еще с борта открыть огонь. Сжечь все дома в портовом районе и выйти на пепелище.

Пауль прервался, когда замерцал Предмет на его руке – Голос Бога. Это означало: Кукловод хочет говорить. Но Пауль проигнорировал его.

– Вот в чем дело, Аланис: я не хочу просто выкурить волка. Отступив из Уэймара, он уйдет в нортвудские леса. Плохое место для Перстов и всадников, мы станем уязвимы. Но сейчас Ориджин в западне. Он осаждает графский замок – но и сам как будто в осаде. Волчьё войско стоит в городе, окруженном стеной. Если нападём внезапно иотрежем пути, мы сможем перебить всех до единого. Ни один кайр не выйдет отсюда живым. Вот и скажи мне, как это сделать?

Это последнее, что я тебе скажу, – подумала Аланис.

– До Уэймара полдня пути. Стоило построить планы раньше, не так ли, командир?

Голос Бога снова замерцал. Пауль глядел поверх него на Аланис – и ухмылялся:

– Я-то все продумал. Тебя проверял.

Затем он ответил Предмету:

– На связи.

– Дай сюда!.. – Странно буркнул Предмет. Затем раздался звук шагов, скрип двери и голос: – Куда ты пропал?! Почему не отвечаешь?

Аланис напряглась. То был голос Кукловода – главного врага, убийцы ее родных. Человека, ради которого она пустилась в путь.

– Я был занят красивой женщиной. Не хотел отвлекаться.

– Забудь развлечения! Мы в беде!

– А я – нет.

Злоба в голосе Шейланда смешивалась со страхом:

– Кайры сделали подкоп и отравили колодец. Мы остались без воды. Через три дня нам конец!

– Соболезную.

– Сожри тебя тьма! Где ты?! Скоро ли будешь?!

Пауль выдержал паузу и подмигнул Аланис.

– На середине озера. Начался штиль. Придем через пять дней, а то и позже.

– Столько мы не выдержим! Ты нужен завтра!

Ухмылка Пауля стала шире и слаще. Морда дворового пса при виде дохлой птицы.

– Никак не выйдет. Прости, Виттор, мне очень жаль.

Он отключил Голос Бога. Еще дважды Предмет вспыхивал – Кукловод пытался вызвать Пауля, но тот обрывал связь.

Аланис не сумела скрыть отвращения:

– Радуетесь, что предал? Как же ты низок!

С большим самодовольством он похлопал ее по плечу:

– Ориджин отравил колодец. Это мне и было нужно.

– Люди мрут от жажды – какое лакомство!..

– Представь-ка: ты в осаде, вокруг неприятель, а у тебя тысячи солдат, лишенных воды. Через сутки они потеряют боеспособность. Что ты сделаешь в последний день?

Меч – 2

Конец июля 1775 г. от Сошествия Уэймар

С губ солдата крупными хлопьями слетала пена. Он трясся всем телом, колотясь о камни мостовой. Ему держали голову, чтоб не разбил затылок, а он все пытался сказать, и выходило только: «пхы» и «кым». Сотня человек, столпившись вокруг, смотрела на лежащего. Был час раздачи воды – самое людное время в замке.

– Граф идет! – Крикнул кто-то.

Толпа раздалась, Виттор Шейланд вступил в круг, за ним шагали Джоакин и Лед.

– Что происходит?

– Он просто упал, милорд... Закашлялся, рыгнул, пустил пену. Еще сказал, живот болит...

Солдата трясло реже, но сильнее. Раз в несколько вдохов он аж подскакивал над землей. Зрачки закатились, глаза слепо таранились белками.

Сквозь толпу протиснулся лекарь, присел над больным, потрогал лоб, сосчитал пульс. Собрал пальцем пену с губ, нюхнул. Оглянулся вокруг и увидел около больного деревянную кружку. Здесь у всех были такие – люди ведь пришли на водопой. Каждому отпускалось две кружки на день: одну давали утром, вторую под вечер.

– Он выпил свою воду? – Спросил лекарь.

Солдаты переглянулись, нашли того, кто знал ответ.

– Выпил, да. Он из ночной вахты, они первыми заняли очередь.

– То есть, выпил давно?

– Ну, как дали, так и хлебнул... Где-то полчаса назад.

Лекарь будто бы стал ниже ростом. Сутулый и бледный подошел к графу:

– Милорд, постройте их... нужно всех осмотреть... и пить запретите.

– Построить?..

Граф понятия не имел, как это сделать: весь двор бурлил людьми. Лед принял дело на себя и в два счета заставил отряды построиться.

Первым делом лекарь подошел к шеренге ночных часовых. Двинулся вдоль строя, заглядывая в глаза солдатам и трогая лбы. Один из бойцов пожаловался:

– Что-то живот болит...

А другой схватился за брюхо, скорчился и упал, выронив пустую кружку.

– Колодец отравлен, – страшным голосом простонал граф.

На минуту все застыли, глядя как пара новых больных дергается в судороге.

Затем кто-то находчивый сунул два пальца себе в рот и вывернул содержимое желудка.

– Все делайте так! – Закричал лекарь. – Кто пил воду – очистите животы!

А Лед сообразил еще кое-что:

– Входы закрыть! Замок не покидать!

Скрипнули петли, громынули засовы. И все, кто был во дворе, начали падать на колени, совать в рот кулаки и блевать на мостовую.

Сложно представить более тошнотворное зрелище. Желудок Джоакина сделал кувырок, а горло наполнилось желчью. Чтобы прийти в порядок, он отбежал в тень и отвернулся лицом к стене. За ним последовали Рихард и граф. Им не грозило отравление: дворяне, офицеры и перстоносцы пили из дождевой цистерны – там вода была чистой. Но все рядовые бойцы Шейланда и Перкинса, и Флеминга набирали кружки из колодца!

– Святые боги, – с дрожью в голосе прошептал граф. – Сколько успели выпить?

- Раздача идет почти час, милорд. Все наши, половина беломорцев.
- Тьма сожри, тьма! Как они сумели?! Найти шпиона!
- Нет его, – отрезал Лед. – Шпион отравил бы цистерны, чтобы убить командиров. Раз яд в колодце, значит, подкоп.
- Да как они смогли-то?!
- Подошел лекарь, с трудом перевел дыхание.
- Милорд, тяжело больны двадцать человек, что были первыми в очереди. Скорей всего, умрут. Я не смогу помочь.
- Что с остальными?
- Спасла чистка желудка. Будет боль, тошнота и горячка, но выживут. Из колодца пить нельзя. Милорд, это главное: оттуда больше ни глотка! Заколотите крышку!
- А если... как-то очистить? Вычерпать до дна, и...
- Милорд, это же не ведро. Ил и грунт уже впитали яд, теперь будут отдавать его много дней. Колодец мертв.
- О, боги... – Виттор закрыл лицо руками.

Колодец находился внутри Уэймарского замка и имел глубину больше двухсот футов. Чтобы добраться до него незаметно для гарнизона, северяне должны были начать копать из гущи городских кварталов. Прорыть лаз под несколькими улицами, уйти в глубину, ниже дна того оврага, что оставил Меч Богов. Постоянно укрепляя лаз камнями и досками, работая по колено в грунтовых водах, ввинтиться в толщу Замкового холма и, наконец, чутьем и чудом нащупать шахту колодца. Огромный труд! Похоже, когти начали работу в первый же день осады, а завершили – вчера. Как на зло, стояла жара, а дождя не было уже пять дней. Запасы воды истошились, люди начали страдать от жажды. Отравленный колодец означал катастрофу.

В замке осталась вода на самом дне цистерн – ее хватит лишь на одну раздачу. Второй колодец находится на Лысом холме, внутри лагеря закатников. Он хуже и мельче замкового, даже люди Хориса едва напиваются из него. Всем остальным, кроме закатников, оттуда не идет ни капли. Солдаты замкового гарнизона, наемники Перкинса и кайры Флеминга нынешним вечером наполнят свои кружки в последний раз.

Когда Лед скомандовал запечатать замок, внутри находился гарнизон и три роты кайров вместе с беломорским графом. Закатники и люди Перкинса остались снаружи и пока еще не знали о катастрофе. Шейланд собрал на совет тех, кто знал.

Граф Виттор переминал собственные руки, будто хотел замесить их в тесто. Мартин расхаживал по комнате, дико сверкая глазами. Флеминг мрачно играл желваками. Лед, отвернувшись ото всех, глядел в окно.

- Что нам остается, милорды? У кого есть мысли... хоть какие-то?
- Воды хватит на ночь, – не оборачиваясь, сообщил Лед. – С утра начнется жажда. Через день солдаты утратят боеспособность.
- Я это знаю! А делать-то что? Если поделить на всех воду из второго колодца...
- Закатники не дадут, – отрезал Флеминг. – Они уже дерутся друг с другом за ту воду. Зарезали половину своих коней, а вторая половина издыхает от жажды. Без боя мы не возьмем колодец.
- Черт, черт! Тьма же! – Виттор так заломил пальцы, что вскрикнул от боли.
- Зови Пауля, ну, – прогнусавил Мартин.
- А я что делаю! – Окрысился старший брат, но последовал совету. В пятый уже раз поднес к лицу Предмет и прошипел команду. Предмет помигал, но не дал ответа. Виттор швырнул его в стену.
- Моя сука, вот кто поможет! Я продам ее за воду! Джоакин, ступай на переговоры и скажи этим сволочам...

Лед издал смешок, от которого морозец прошел по спинам.

– Господа, советую посмотреть в окно. Возьмите трубу, разглядите как следует.

Один за другим они прильнули к окуляру. На Ремесленной площади – той, где каждое утро Джоакин получал телегу харчей, – случились некоторые перемены. Стрелки, как и прежде, занимали все окна уцелевших домов. Но над их головами больше не трепыхалось знамя Ориджинов. Его заменил красный лоскут ткани, формой и размером напоминавший половину кайровского плаща. На стене дома белел плакат с угольной надписью: «Только вместе с Ионой».

– Понимаете, что это значит, господа?

Понял только Флеминг, его лицо окаменело. Остальным Рихард пояснил:

– Алый флаг над полками Ориджинов означает отказ от переговоров. Десмонд оставляет нам следующий выбор: сдаться безо всяких условий либо умереть. А плакат дает понять: он примет капитуляцию, только если мы выйдем вместе с Ионой.

– Он обезумел, что ли?! – Вскричал граф Виттор. – Иона – моя заложница! Это я могу ставить условия! Если Десмонд не даст воды, я ее зарежу, как свинью!

Рихард вновь усмехнулся, и стало ясно: при всей ненависти к отцу, Лед восхищается им.

– Друг мой, вы все еще не поняли, с кем имеете дело. Великий Дом Ориджин невозможно шантажировать. Две дюжины моих предков погибли в плену или под пытками – лишённые кожи, запеченные на углях, зарытые в землю живьем. Среди них были и женщины, и дети. Никого ни разу не выкупили ценой поражения в войне. Ориджины не правили бы Севером, если бы поддавались на шантаж.

Флеминг выронил два слова:

– Это так.

– Но мы можем просто попросить воды в обмен на Иону!

– Уже нет. Если выйдем с нею, ее отберут. Выйдем без нее – будем убиты.

– Как – отберут? Мы прикончим ее у них на глазах!

– А потом погибнем.

– У нас Персты Вильгельма!

– И что же? Придется наступать по узкой тропинке между двух обрывов. Вы видели, как струйка песка вытекает из часов? Такой будет наша атака!

Граф Виттор с размаху опустил кулаки на столешницу. Он почти не владел собою, но Джоакин вполне его понимал. Самого Джоакина гнев разрывал на части. Какие гады эти северяне! Отравить колодец – чистое злодейство! Всех в замке обрекли на гибель от жажды – и невинных слуг, и женщин, и раненых. Всех в могилу, без разбору! А теперь Десмонд Ориджин бросил собственную дочь. В ту же яму, вместе со всеми! Человек он или бешеный зверь?!

От злости комкая слова, Джоакин начал:

– Я пр-редлагаю свой план. С-спустимся по веревкам ночью...

И вдруг послышался голос:

– На связи.

Все повернулись к лорду Мартину, он держал в руке Голос Бога, брошенный братом. Предмет ярко мерцал, голос шел изнутри.

– Дай сюда!

Виттор выхватил Предмет и выбежал в соседнюю комнату.

Все застыли в ожидании. Повисла тяжелая, гнетущая тишь. Стало слышно, как кто-то блует внизу, во дворе.

Когда граф вернулся, на нем не было лица. Уронил Предмет на стол, бессильно шлепнулся в кресло.

– Пауль попал в штиль. Приплывет через пять дней.

Лед произнес с каким-то мрачным торжеством:

– Столько нам не выдержать.

Джоакин снова попытался:

– Милорды, мы можем устроить вылазку...

Никто не повернулся к нему, и Джо сбился с мысли.

Почесав густую бороду, граф Флеминг заговорил:

– «Позволь иному быть», – гласит заповедь. Нужно проявлять терпимость к чужим нравам и верованиям, но всему имеется предел. Давеча я узнал, что закатники генерала Хориса не брезгают жрать мертвечину. Они даже сделали из трупоедства некий культ, отвратный по своей сути. Если колодец на Лысом холме может напоить только часть нашего войска, пусть эту часть будут рыцари-доброверы, а не поганые культисты.

Взгляд графа Виттора обрел остроту:

– Вы предлагаете... перебить закатников?

– Милорд, ваше чело озарено божьей благодатью. Вы были в ложе Семнадцатого Дара и получили власть над Священными Предметами. Не смею советовать вам, но говорю одно: если боги повелят уничтожить трупоедов, я сожалеть не стану.

Джоакин ощутил укол в самое сердце. Северяне – звери! И Флеминг такой же, хоть и на нашей стороне! Путевец не стал сдерживаться:

– Как можно убивать союзников? Резать своих, чтобы отнять питье?!

Граф Флеминг уважал Джоакина после того ночного боя. Сказал с почтением, однако удивленно:

– Сир Джоакин, подумайте о том, за кого вступаетесь. Это не люди, а пожиратели мертвечины, братья шакалов и червей.

– Он спит с одной из них, – отметил Виттор Шейланд. – Давно хотел спросить, сир Джоакин: ваша барышня кормила вас мяском?

Джо не вытерпел и опустил взгляд.

– Вкусно было, да?

– Вы ели из ее рук?.. – Флеминг чуть не поперхнулся. – Зная, что она такое, позволили ей готовить пищу?!

– Н-нет, – прокашлял Джоакин. – Я не знал... Это случайно...

Поддержка пришла с неожиданной стороны. Лед сухо сказал, обращаясь к двум графам:

– Трупоеды или нет, закатники бьются под нашими флагами. Нельзя ударить им в спину.

Это против всех законов!

Флеминг дал ответ:

– Убить своими руками – действительно, против чести. Я предлагал иное: послать их в атаку. Трупоеды примут славную смерть на поле боя, что очистит их проклятые души. Враг понесет некоторые потери. А мы сохраним воду и сможем выдержать три дня. Всем – только польза.

Лед ответил с сомнением:

– Посылать солдат в бой без надежды на победу...

А граф Виттор встрепенулся:

– Напротив, господа: я всей душой надеюсь на закатников! Это испытание для них, пускай же пройдут его с честью! Наши союзники запятнали себя трупоедством. Чтобы вернуть наше доверие, они должны смыть позор кровью!

Лед возразил:

– Что бы вы ни сказали, они не пойдут в бой.

– По моему приказу – да, – согласился граф. – Но Хорису они верят, как отцу. Испытаем сначала его: призовем его в замок и оставим без воды. Пусть выберет: послать солдат на честный бой – или умереть от жажды.

– Не придет он. Хорис – тертый калач, заподозрит неладное.

– Придет, еще как придет!

Слушая их, Джоакин обретал уверенность. Граф Виттор – человек плана. Все у него должно быть наперед просчитано, отмерено и расчерчено, как выкройка у портного. Когда расчеты рушатся, Шейланд выходит из себя. Но стоит наметиться новому плану, граф тут же возвращает самообладание. Если он заговорил так твердо, значит, все уже идет на лад.

– Уж поверьте, лорд Рихард, это отличная идея! Так и скажем Хорису: нам не нужны ни слабаки, ни трусы. Хотят закатники быть с нами – пусть докажут отвагу. Ночью пускай спустятся с холма и ринутся в атаку, словно тигры. Не жалея ни своей, ни чужой крови погонят когтей прочь. Не постоят за ценой ради великой победы! Вот тогда я поверю, что они достойны служить под моим флагом.

Граф Флеминг кивком выразил согласие. Мартин хищно осклабился. Джоакин тоже ощутил уверенность, хотя одна мыслишка продолжала его грызть:

– Милорд, почему вы говорите про испытание? Разве это не обман? Все же затеяно ради воды...

Улыбаясь, Виттор Шейланд подошел к Джоакину, снисходительно потрепал по плечу.

– Добрый сир, смотрите вглубь вещей, и вам не будет мерещиться обман. Отравленная вода и есть божье испытание. Мы с графом Флемингом и лордом Рихардом прошли его, когда придумали путь к спасению. А Хорис и закатники будут испытаны в бою. В прошлом сражении, когда Десмонд захватывал мой город, закатники дрогнули и оставили позиции. Пускай теперь искупят свою трусость!

Флеминг и Мартин имели такой вид, будто готовы были подписаться под каждым словом графа. Джоакин все еще сомневался:

– Но мы должны сказать им про воду... Иначе нечестно!

– Вот вы и скажите, – подмигнул граф.

– Милорд?..

– Вы спите с дамой, которая ест мертвечину. Боюсь, добрый сир, вы тоже нуждаетесь в проверке. Ступайте к своей альтессе и скажите, чтобы позвала Хориса в замок. Пускай выйдет на стену и покричит генералу. Если она откажется... проводите ее на Звезду.

Джоакин заморгал. Скрипнул зубами, сжал кулаки.

Флеминг почесал бороду и веско изрек:

– Сир Джоакин, вы ели мертвую плоть и делили ложе с еретичкой. Искупление необходимо вашей душе. Граф Виттор очень мягок с вами, я поступил бы гораздо жестче.

* * *

Жара стояла, как в идовой печке. Джоакин вспотел до исподнего. Едва зашел к себе, скинул рубаху, прижался голой спиной к прохладным камням стены. Хаш Эйлиш внимательно смотрела на него. Спросил:

– Есть вода?

– Ни у кого нет, – она протянула ему чашку, в которой было на дне примерно три глотка. – Вот, я оставила тебе.

Вместо насмешливого «сир Джоакин», сказала просто «ты». От этого потеплело на сердце. Какая ни есть, а все же немного родная.

– Раздевайся, – сказал он.

Хаш Эйлиш тут же потянула шнуровку. Джо сдернул с нее платье, схватил за костлявые бедра, развернул к себе спиной – как она любила. Эйлиш прогнулась, прижалась к нему задом.

– Потом будет одно дельце... – Сказал Джоакин мимоходом, не прерывая грубых ласк. –

Граф зовет генерала на ужин. Покричишь ему...

– Покричу, еще как... – прошептала Эйлиш. – Заставь меня кричать...

– Да нет же, дура. Крикнешь со стены, чтобы пришел... А то ворота закрыты.

– Мои ворота открыты... для тебя...

Джо влепил ей шлепок по заднице. Думал: нужно быть как можно грубее, тогда она ничего не заподозрит.

– В тебе столько пошлости, что хватит на бордель! Ты меня услышала? Позовешь генерала!

– Ммм... хочешь втроем?.. Как пикантно!..

Она любила грубость, потому часто провоцировала Джоакина. Обычно ей удавалось разозлить его и получить желанное. Но сейчас вместо злости накатила досада.

– Даже теперь ты за свое...

Он ослабил хватку, Эйлиш выскользнула из его потных рук.

– Даже теперь? Ты о чем, дорогой?

Джо сообразил, что сказал лишнее. Нужно вести себя как обычно, чем проще – тем лучше.

– Да ни о чем! Просто...

– Шшшш!..

Она прижала палец к губам, и Джо умолк. Эйлиш поглядела сквозь его глазные яблоки в глубину мозга, проследила движение мыслей.

– Что-то не так с водой. Ее больше не будет.

– Граф решит эту...

– Шшшш!.. Граф зовет генерала, чтобы просить воды из второго колодца.

– Да, точно!

– Но Хорис не даст, поэтому граф... – Лицо Эйлиш вытянулось. – Нет, нет!.. Нет же!..

Джоакин осунулся, уменьшился в размерах.

– Все будет хорошо, это просто испытание. Войска генерала плохо бились в прошлый раз, вот и нужно теперь...

Он умолк, подавился словами. Эйлиш взяла его за подбородок:

– Граф хочет послать нас на смерть? Чтобы его людям хватило воды?..

– Ну, что ты выдумала... Просто надо сразиться... Прорвать осаду и доказать мужество...

– О, сир Джоакин, ваше мужество не требует доказательств!

Она подняла платье, собралась надеть – да так и замерла с комом ткани перед грудью.

– Постойте-ка! А если я крикну Хорису, что вы хотите отнять воду? Каковы ваши инструкции на этот случай?

Джо молча отвернулся, уткнув глаза в пол.

– Ууу, вот оно как! Прямо сегодня...

– Успокойся, ну! – Промямлил Джоакин. – Все будет хорошо...

Эйлиш погладила мышь на запястье.

– Встреча с Нею – большая радость. Но к этому событию нужно готовиться заранее, провести в молитвах хотя бы несколько часов. Хорошо, что вы предупредили меня, добрый сир Джоакин!

– К чему готовиться?.. Да нет, не нужно. Не умрешь ты сегодня...

– А вам велено сделать это лично? О, я не против, даже польщена: вы станете моим привратником. И как скромно с вашей стороны – промолчать об этом!

Тогда в нем что-то щелкнуло. Джоакин схватил ее за плечи.

– Послушай меня! Я тебя не убью, никто не убьет! Я сам пойду в бой наравне с генералом Хорисом! Он – по спуску, а я – на веревке, тайком!

– Вы это только что придумали?

– Нет, раньше, но сегодня убедил графа. Мы с Мартином и Льдом сделаем вылазку, а Хорис отвлечет врага. Мы зайдем когтям в тыл и покروшим Перстами!

- Врете, сир. От вас так и веет смертью.
- Да, но не твоей! Я собираюсь убить чертову уйму кайров! А может, и меня убьют. Вот и хотел с тобой напоследок...
- Эйлиш снова окинула взглядом внутренности его черепной коробки.
- Не верю вам, Джоакин. Уйдите. Дайте хотя бы час на подготовку.
- Да тьма тебя сожри! Сегодня я прославлюсь или умру героем. А тебе будет стыдно!

* * *

Когда он вошел на псарню, стоял такой лай, что трещала голова. Лорд Мартин Шейланд сидел на корточках, обнимая любимую рыжую суку, она лаяла из-под его руки. Псарь пытался утихомирить остальную свору. Трое лучников, обезоруженные, жались к стене и не сводили глаз с Перста на руке Мартина.

- Вот и... гав-гав... приятель... гав-гав-гав... забава! – Сказали милорд и собаки.
- Я не слышу вас, – ответил Джо.
- Рррав-рррав!
- Велите им умолкнуть!
- А где твоя... гав-гав-гав!
- Милорд, я ничего не слышу!

Наконец, старания псаря возымели действие: свора притихла, и Мартин смог говорить.

- Я тебя спрашивал: где мумия? Уже прирезал, что ли?
- Не стану ее убивать. Что бы граф ни приказал – не стану!
- Молодец, – похвалил Мартин. – Зачем убивать, если можно... ы-ы...

Он выразительно пошевелил тазом. Джоакин ощутил неприязнь, которую тут же подавил.

- Милорд, я пришел к вам за помощью.

Видимо, Мартин недослышал:

- Славно, помощь мне пригодится! Эти трое поганцев крали воду у собак!

Джоакин так яростно рыкнул на псов, что ты замолчали. В тишине путевец сказал:

- Милорд, это мне нужна помощь друга. Друга с Перстом Вильгельма. Я могу обратиться только к вам.

Мартин Шейланд поглядел на собак, на лучников, на Джоакина. Он очень хотел продолжить свое дело. Но помощь друга!.. Брат считал Мартина идиотом, остальные – боялись. Никто в целом замке не попросил бы у него дружеской помощи.

- Ну, это... Ты мне польстил, парень. Не могу отказать. Давай, говори: что нужно?
- Вы знаете мой план, милорд. Я хочу, чтобы мы вместе исполнили его.
- Слезть по веревкам и убить волков? Этот план?
- Да, милорд.
- Но Вит же запретил.
- Наперекор ему. Тайком. Когда Хорис пошлет в бой своих людей, кайры отвлекутся.

Начнется свалка возле спуска, а мы тихонечко слезем, обойдем их сзади и вжарим так, что искры полетят!

Мартин почесал шею.

- Это... ты серьезно? Не сказать Виту – и вот так?..

– Да, милорд. Можем позвать еще Льда. Он храбрый, согласится. А можем и без него, только вдвоем.

- Нас же убьют.

Это был вероятный исход, но Джоакин сказал твердо:

– Нас даже не заметят. Помните тайный ход? Теперь он кончается дырой в этой яме от Меча Богов. Через него и выйдем. Кайры смотрят вверх, на стену, а мы появимся – снизу!

Выпученные глаза Мартина заблестели.

– И думаешь, мы многих покрошим?

– Несколько сотен, никак не меньше! Главное – бить сразу в голову, чтобы никто не закричал.

– Прямо в череп! Х-ха! – Взмахом рук Мартин показал, как разлетаются мозги. – Но это... как же Вит? Он разозлится...

– Граф злой, но отходчивый. Как только увидит, что мы победили, – сразу обнимет нас! И заважает.

– Заважает... – повторил Мартин.

– Простите, милорд, но мне кажется, граф Виттор считает нас за двух дураков. Я не хочу вас обидеть, но...

– Ты прав, так и есть.

– Когда победим, он извинится перед нами. Поймет, что мы не дураки!

Мартин сверкнул глазами. Подошел к Джоакину, хлопнул по плечу.

– Ты – голова, дружище! Отличный план, так и поступим!

Одна собака твякнула, напомнив о себе. Мартин сказал Джоакину:

– Давай-ка закончим мое дело, а потом возьмемся за твое.

– Ваше дело, милорд?

– Ну, я же сказал: эти трое крали воду.

Действительно, у ног лучников стояли ведра, однако сути преступления Джо не смог понять.

– Какую воду? Тут же нет колодца...

– А это что?! – Мартин ткнул в корыто с питьем для собак. От резкого жеста сука снова залаяла. Лорд огладил ее между ушей: – Умничка моя...

– Они украли воду... у псов?

– Ну, да! У моих девочек еще много оставалось. А эти пришли – и давай черпать!

– Милорд, нам просто пить хотелось... – пролепетал один из лучников. – Такая жажда, хоть помирай...

– Вот ты и помирай! – Взревел Мартин. – Вы отняли воду у собак! Это мои псы, стало быть – мои вассалы, а значит – вассалы графа. Они служат верой и правдой, и никогда не требуют оплаты. Думаешь, они смогут жить без воды?

– Нет, милорд...

– Да, подлец, ты прав, не смогут! Выходит, что? Вы пытались убить вассалов Дома Шейланд – вот что выходит. Будет вам наказание!

Один из преступников попытался возразить, Мартин прервал его криком:

– Заткнись!!!

Свора зашлась лаем, псарь с трудом успокоил собак.

– Так вот, мерзавцы, надо бы как-то возместить ущерб, который вы причинили. Сейчас вы накормите мою свору. Вот и выйдет, того, возмещение. Ну, девочки мои, хотите мяса?

Собаки преданно заскулили.

– Хотят, еще как хотят! Возьмите этот кинжал и накормите их мясом.

Мартин бросил нож к ногам лучников. Они переглянулись:

– Это... виноваты... как накормить, милорд?

Мартин широко улыбнулся:

– Ну, всякие способы есть. Можете вдвоем порешить третьего. Можете каждый отрезать от самого себя что-нибудь. От каждого по руке, или там, по ноге. Тут уж сами решайте, а я посмотрю.

Все трое побледнели. Никто не прикоснулся к ножу.

– Милорд, это несправедливо! Воды же нет, жажда мучает!.. А псы все равно не пьют, у них пол-кадки воды было...

Джоакин вмешался:

– Милорд, пощадите их. Наш план сработает, вода появится!

Мартин заговорщицки шепнул:

– Наш план – он же тайный, да? Значит, их точно надо убить. Они все слышали.

И рыкнул лучникам:

– Да, гады, у псов оставалась вода! Знаете, почему? Это я им налил, чтоб на завтра хватило! Завтра вода кончится, бедняги мои сдохнут. Вы этого хотите?!

– Милорд, закатники вообще мертвечину жрут!

– У них того, поклонение смерти. А вы кому поклоняетесь – собачьему богу?

– Но милорд...

– Хватит! Режьте, тьма бы вас!

Свора вновь заголосила. Джо крикнул, пересиливая лай:

– Милорд, не нужно этого! Завтра будет вода!

– Что говоришь?

– Хоть залейся!

Собаки утихли, подчинившись псарю. Мартин чмокнул суку в холку:

– Он говорит, завтра будет вода. Слышишь, девочка? Джо – славный парень, но дело-то не в воде, а в справедливости. Эти гады хотели вас обокрасть. Пришла им расплата!

Мартин навел Перст Вильгельма на похитителей воды:

– Все, начинайте.

Двое затряслись, третий проблеял:

– Милорд, отпустите, мы больше не будем...

– Конечно, не будете! Вы у меня запомните урок! Считаю до четырех. Раз!..

Ни «два», ни «три» не последовало: гроыхнул властный стук в дверь.

– Брат, открой, это я!

Лорд Мартин кивнул Джоакину, тот впустил на псарню графа Виттора. Его милость цепким взглядом окинул происходящее и быстро уловил суть.

– Снова дурью маешься... Вы трое – пошли вон!

Лучники шагнули было к двери, но Мартин вскинул руку с Перстом:

– Как – вон? Я их еще не наказал!

– Ну и ладно. Мне с тобой поговорить надо.

– Как – ладно? Дисциплина, того, должна быть! За всякий проступок надо это...

– Тьма. Пристрели одного по-быстрому.

– Пристрелить?.. Вит, ну ты совсем. Я старался, думал, наказание сочинял. Зря, что ли?

Пока Шейланды препирались, Джо кивнул лучникам:

– Проваливайте.

Они не двинулись с места, и Джо прикрикнул:

– Прочь отсюда!

Двое украдкой потянулись к двери. Третий – видать, самый трусливый – побежал. Вырвавшись из-под руки Мартина, рыжая сука кинулась за бегущим. Мартин дернулся и пальнул Перстом. Двое лучников скрылись за дверью, третий повалился на пол. Псина подлетела, готовая вцепиться в горло, и озадаченно уставилась на тело. Горла не было, шею вместе с головой снес огненный шар.

Виттор тяжело вздохнул. Кивнул псарю:

– Уйди. А Джоакин... нет, ты останься. Дверь запри.

Джо подвинул тело, чтобы не мешало двери закрыться. Граф Виттор сказал:

– Брат, дело такое... Я сомневаюсь.

Мартин и Джо, и даже собаки – все воззрились на графа.

– В чем сомневаешься, ну?

– В своем решении... – Граф повернулся к Джоакину: – Трупоедка уже позвала Хориса?

– Нет, милорд, решила помолиться. Потом позовет.

– Значит, можно откатить... – Шейланд устало оперся на стену. – Когда вы оба ушли, остался Лед. Мы еще поговорили. Он сказал: закатники имеют шанс. Они голодные, злые и любят мертвечину. Они могут прорваться, если им помочь...

– Как помочь, Вит?

– Тьма, не торопи меня! Все скажу. Послать с закатниками пару перстоносцев – скажем, Перкинса и тебя, Мартин. А еще двое пускай сделают вылазку и зайдут кайрам в тыл. Если бить плетью, когти не сразу поймут, откуда стрельба. Те двое, что зайдут сзади, смогут выкосить несколько сотен.

Джоакин искоса глянул на Мартина, и тот ответил понимающим кивком.

– Какого черта переглядываетесь?! Слушайте меня! Лед говорил так убежденно, что я почти поверил. Четыре Перста, внезапная атака, бесстрашные фанатики, влюбленные в смерть... Может получиться!

Виттор сделал достаточно долгую паузу, чтобы Мартин набрался смелости для ответа:

– Ну, давай так и поступим. Мы вот с Джоакином тоже думаем...

– Что вы думаете, а?! Когда это у вас думалка выросла?! Бараны! Если хоть что-нибудь сорвется – нам конец! Поймают лазутчиков – конец! Выкосят закатников – тоже конец! Десмонд выкинем какой-нибудь фортель – снова конец, сожри вас тьма! При любой ошибке все четыре Перста окажутся у кайров. Нечем будет защищаться. Они придут сюда, всех перебьют, меня сварят живьем, а Иона будет подбрасывать дровишки!

Джоакин и Мартин обменялись взглядами. Джо не имел права сказать подобное, а Мартин произнес:

– Чего сразу бараны? Пришел за советом – и баранами зовешь. Сам тогда решай! Такой умный – вот и думай своей головою.

– Ой, брат, прекрати...

– Сам прекрати. Если мы глупые – иди, умных спрашивай. Флемингов там, Рихардов...

– Марти, не до обид сейчас. Рихард и Флеминг – полководцы, они мыслят по-военному. А мне по-человечьи нужно! Без тактики и стратегии, просто скажите: выйдет или нет?

Мартин надул губы и промолчал. Джоакин сказал, как можно тверже:

– Милорд, план вылазки хорош. Я с самого начала стоял за него. Если атака Хориса отвлечет внимание...

И вдруг Мартин усмехнулся с такой печалью, что Джоакин умолк. Младший Шейланд сказал ему:

– Думаешь, Вит за советом пришел? Нет, дружище. Он считает нас дураками. А дуракам везет.

Джоакин уставился на графа:

– Тут нет правильного решения, верно?

– Да, – выронил Виттор. – Может, повезет, а может, нет. Рассчитать невозможно.

– И вы, милорд... – Джо сглотнул слово «бойтесь», – не можете угадать. Не умеете играть наудачу.

– Да, тьма сожри! Только глупцы полагаются на судьбу! Умные люди строят расчет!

Марти ухмыльнулся:

– Но твои расчеты провалились три раза. Теперь только ставить на чет или нечет. Да, брат?

– И вы, милорд, – добавил Джо, – пришли к нам, потому что нам везет в таких делах.

– Я не хотел обидеть... – выдавил граф. – Просто нужно... как-то.

Младший Шейланд грустно покачал головой. Подозвал и погладил псину. Морда ее оказалась в крови, Мартин испачкал ладонь и вытер о собачью шерсть. Сказал Джоакину:

– Давай так, приятель. Мы с тобой разом – руки за спину и загнем несколько пальцев. На счет «четыре» вместе покажем. Если в сумме чет – идем на вылазку. Если нечет – не идем.

Мартин спрятал за спину руки, путевец сделал то же. И подумал: хочу рискнуть! Эйлиш права, я стал подлецом. Если сам не пойду в бой, то медяк мне цена!

– Раз, – сказал Мартин.

Джоакин подумал: чет – это вылазка. Покажу два пальца. Но что, если Мартин покажет три? Вдруг он поддался графу и струсил. Он всегда поддается. Он слишком любит брата, в этом его беда. Я вот сумел уйти от своих – и теперь ношу Перст Вильгельма, а они крутят хвосты коровам! Покажу один палец, и Мартин три – вместе чет!

– Два, – сказал младший Шейланд.

Но почему я так плохо думаю о нем? Он же храбрый парень, охотник, стрелок! Согласился на риск, не моргнув, лишь бы заслужить уважение брата! Он, скорей всего, покажет чет. Если сделаю нечет – буду гадом и подонком. Для Эйлиш я уже гад. Теперь еще для Мартина... Нет уж!

– Три, – сказал графский брат.

И тогда Джоакин подумал: тьма, а зачем размышлять? Пускай выберут боги! Если наше дело правое, все выйдет как надо. Если нет – то и сдохнуть не жаль!

– Четыре.

Джоакин растопырил трехпалую ладонь. Мартин поднял большой палец.

Вместе – чет.

Граф Виттор Шейланд помедлил и кивнул:

– Будь по-вашему: рискнем. Завтрашней ночью – в атаку.

Лорд Мартин выпучил глаза:

– А почему завтра? Ведь это, солдаты же слабеют. Нужно прямо сегодня!

Виттор покачал головой:

– Чувствую, лучше подождать. Авось дождь пойдет...

Монета – 2

Июль 1775 г. от Сошествия

Лабелин, трактир около вокзала

Мимо трактира «Джек и Джейн» двигались колонной солдаты-освободители. Они не больно напрягались, чтобы держать строй и чеканить шаг. Шли себе спокойно, как идетя в жаркий летний день, да под грузом железа и кожи. Мундиров на них не было, только защитные куртки с бляшками, а многие и их снимали, подставив ветру голые волосатые груди. По части оружия тоже не наблюдалось единства: одни несли щиты да копья, другие – алебарды или кистени, третьи – луки и арбалеты. Попадались даже парни с кузнечным молотом, серпом или косой. Если б не болтались над колонной тут и там флаги Блистательной Династии, не отличить было бы войско от ватаги разбойников – бывалых головорезов, не одну милю вместе прошедших, не одну пинту крови проливших. И весьма многочисленных: голова колонны уже сворачивала за угол, а хвост еще даже не показался.

Постояльцы трактира «Джек и Джейн», высыпав на крыльцо, наблюдали за движением войска. Никто не остался равнодушным – ведь эти солдаты освободили город от мерзлых задниц! Причем, что вдвойне приятно, без боя. Узнав о приближении грозного императорского войска, полубатальон нетопырей ушел из Лабелина и заперся в загородном замке.

– Слава освободителям!

– Наши защитники! Герои!

Впрочем, другие зрители высказывали иную точку зрения:

– Не освободители, а чертовы бандиты, сожри их Темный Идо!

– Ограбили пять городов и тридцать деревень, а теперь, вишь, переобулись.

– Лишь бы снова не начали свое. При нетопырях хоть порядок был...

Одна группа постояльцев трактира держалась особняком, заняв самую выгодную, видовую часть крыльца. Со всею очевидностью, эта компания имела право на привилегии – ведь состояла она из барона с парюю рыцарей, южного графа с секретарем в монашеской сутане, дородного купца и двух лихих шаванов, отягощенных дорогим ларцом. Все время, пока мимо крыльца шли головорезы, один из рыцарей катал во рту слюну, будто собирал заряд для плевка.

– Дрянь, а не солдаты. Никакой дисциплины. Мужичье, – бурчал он сквозь зубы.

– Ты неправ, Питер, – возражал второй рыцарь. – Дрянью они были в Северную Вспышку. С тех пор заматерели, попробовали крови. Они же с Салемом дошли до самой Фаунтерры, забыл?

– Смазка для клинков, – отрезал Питер, поглаживая эфес меча.

Барон Хьюго Деррил изрек:

– В этом смысле и полезны. За Минервой батальон кайров и искровой полк. Нужно пехотное мясо, в коем они увязнут.

А южный граф поправил шляпу и сказал миролюбиво:

– Я все же надеюсь, обойдется без этого. Минерве должно хватить ума...

Хармон Паула Роджер не питал интереса ни к разговорам вельмож, ни к маршу головорезов. Трактир задержал поселение, в комнатах до сих пор шла уборка, потому просили подождать на крыльце. Вот Хармон и стоял тут поневоле, слушая военную болтовню, но мысли его витали совсем в иных сферах. Чего скрывать: все еще горько было Хармону, досадно и обидно. Низа, думал он, как же ты могла? Я тебя спас от верной смерти! Из рабства выкупил, свободу вернул! Ты со мной жила, как у Праматери Софыи за пазухой. Любил тебя! Останься со мной – никогда в жизни ты бы горя не знала, каталась как сыр в масле, спала бы на пуху, ела с серебра. Да что там, это еще мелочь, а вот главное: я бы ценил тебя, как никто другой! Пом-

нишь, как было в Шиммери? Вижу, позабыла, коротка девичья память! Ты там стояла дешевле овцы, и даже по такой цене никто не брал. Дерзкая, грубая, дикая – вот что все говорили. Я один рассмотрел твою душу, нащупал нежное сердечко, распробовал красу – особенную, не для всех, на знатока. Только мужчина с большим опытом может оценить тебя! И что? На кого меня променяла?!

Вот же он стоит, дурак дураком! Сир Питер – тху, видали мы таких сиров! Джоакин таким же был, только простым, а этот при титуле – вот и вся разница. Думаешь, станет он любить тебя, как я? Рассмотрит, оценит? Где уж там! Использует, как носовой платок, да и бросит! Это для меня ты – особенная, а для него – подстилка!

Бандиты шли мимо, шаркая подошвами, звеня кистенями. Хармон почти не видел их уже, погруженный в себя. Ладно, дурочка любимая, пускай ты не разбираешься в людях, мудреца от идиота не отличишь. Но чем обязана мне – могла бы помнить! Не будь Хармона-купца, тебя бы тоже на свете не было! И свобода, и небесный корабль – все к твоим ногам! Хочешь летать – пожалуйста. Хочешь прочь из Шиммери – как угодно, лишь бы ты была счастлива. И что теперь? Где хотя бы капля благодарности?! Мы, мужики, для баб – как скотина: для их удобства и выгоды существуем. Крестьянин же не благодарим корову, когда доит: на то и буренка, чтоб давать молоко. Так и баба мужику нипочем спасибо не скажет. От кого есть прок – того она пригреет, от кого нету – бросит без жалости. Недаром ты, дорогая, спелась с Магдой-мерзавкой. Она ведь так и говорила: «Ценю только тех, от кого есть польза».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.